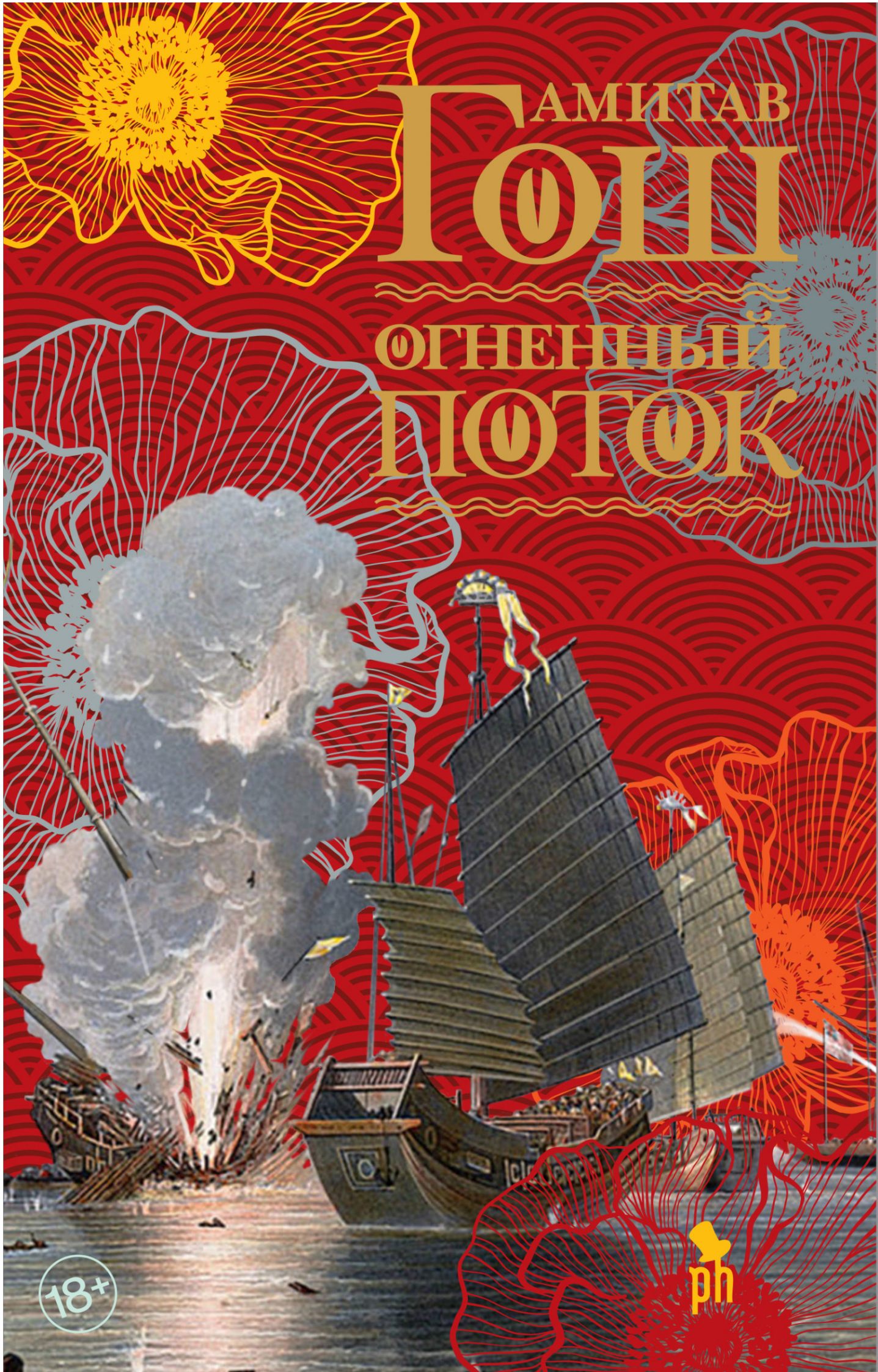

ГАМИТАВ
ГОШ
ОГНЕННЫЙ
ПОТОК

18+

ph

Ибисовая трилогия

Амитав Гош

Огненный поток

«Фантом Пресс»

2015

УДК 821.111
ББК 84(5Инд)

Гош А.

Огненный поток / А. Гош — «Фантом Пресс»,
2015 — (Ибисовая трилогия)

ISBN 978-5-86471-909-1

Финальная часть “Ибисовой трилогии” (две первые книги – “Маковое море” и “Дымная река”). 1839 год, напряженность между Китаем и Британией стремительно нарастает. Китай не желает, чтобы чужеземцы превратили его в гигантский рынок индийского опиума. Теряя огромные доходы, британские колониалисты начинают войну. К китайскому Кантону стягивается британско-индийская армада. В числе прочих судов и шхуна “Ибис”, с которой так или иначе связаны судьбы всех героев. Среди них сипай Кесри Сингх, возглавляющий отряд индийских солдат; молодой моряк Захарий Рейд, мечтающий о богатстве и славе; Ширин Модии, вдова купца-парса, направляющаяся в Китай, чтобы вернуть потерянное богатство мужа; юная француженка Полетт, которая пошла по стопам своего отца, ученого-ботаника; бывший раджа Нил, пытающийся обрести в Кантоне покой... Заключительная книга трилогии расскажет, что случилось с героями “Макового моря” и “Дымной реки”. Их драматичные судьбы разворачиваются на фоне не менее драматичной большой Истории, складываясь в огромное и пестрое многофигурное полотно. В 2015 году роман “Огненный поток” стал лауреатом Crossword Book Award, самой авторитетной литературной премии Индии.

УДК 821.111
ББК 84(5Инд)

ISBN 978-5-86471-909-1

© Гош А., 2015
© ФАНТОМ Пресс, 2015

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	45
Глава 4	59
Глава 5	73
Глава 6	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Амитав Гош

ОГНЕННЫЙ ПОТОК

Flood of Fire *by* Amitav Ghosh

© Александр Сафронов, перевод, 2022

© Андрей Бондаренко, оформление, 2022

© “Фантом Пресс”, издание, 2022

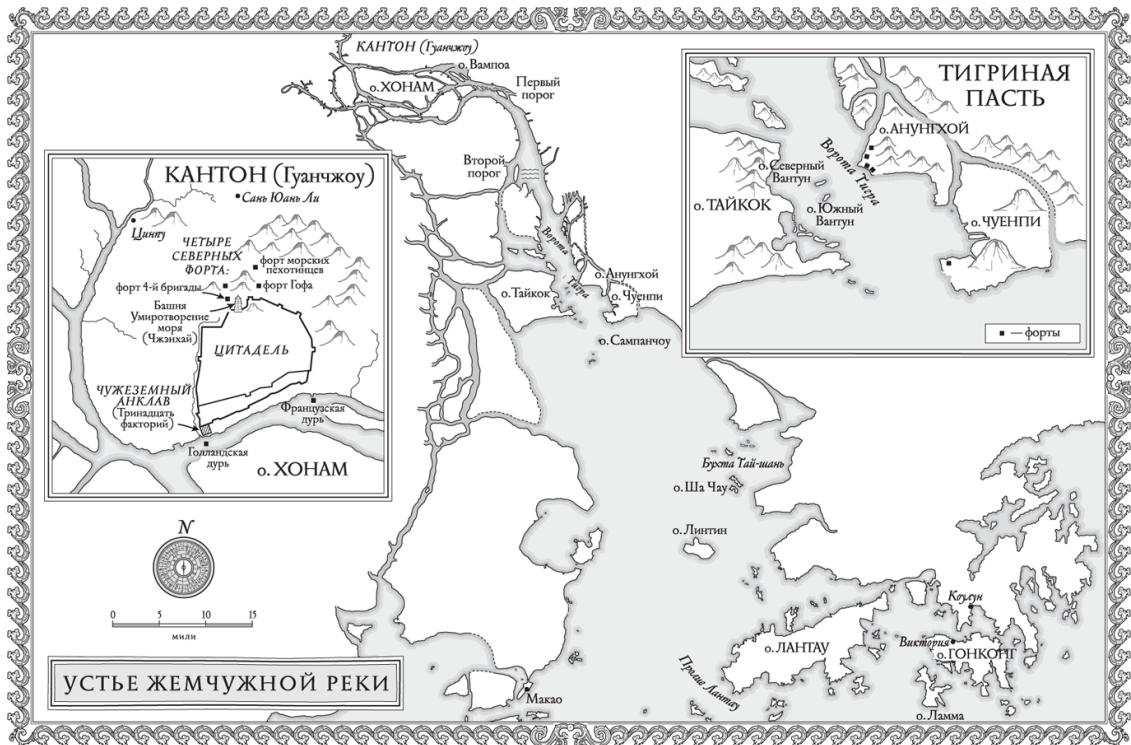
* * *

Дебби, к нашему 25-летию

Глава 1

*Хавильдар*¹ Кесри Сингх был из тех вояк, кто любит возглавить строй, и особенно в маршах, по уже завоеванной территории, когда от авангарда требуется лишь вскинуть штандарты повыше да придать парадное выражение лицам, впечатляя прорву зевак на обочине.

Даже не глядя на простолюдинов, скопившихся вдоль дороги, Кесри знал, что они сражены. В удаленном уголке Ассама сипаи Ост-Индской компании были событием незаурядным: марширующий через рисовые поля взвод 25-го туземного пехотного полка (знаменитого “Пачиси”) для большинства селян являл собою самое яркое зрелище года, а то и десятилетия.

К обочине стекались толпы фермеров и пастухов, старух и детей, боявшихся пропустить действие; им было невдомек, что продлится оно не один час.

Следом за верховым Кесри двигался пеший строй так называемого продовольственного отряда, а замыкала авангардную колонну обозная команда, что нарушало правду жизни, поскольку обозники всегда выступали впереди батальона и превосходили его числом – две тысячи обслуги против шести сотен сипаев. Обоз напоминал передвижной город: длинная череда подвод на воловьей тяге, занятых разномастным народом – браминами и молочницами, лавочниками и зерновщиками-банджара² и даже отделением баядерок. Живности тоже хватало: шумные стада овец, коз и быков, а также пара слонов, перевозивших офицерские пожитки и мебель, – притороченные к слоновьим спинам столы и стулья смахивали на опрокинувшихся навзничь жуков.

Затем слышался барабанный бой, вздымалось облако пыли. Земля ритмично подрагивала в такт барабанам, когда появлялась первая шеренга в десять сипаев, начинавшая длинную извилистую реку из черных киверов и сверкающих штыков. Зеваки бросались врассыпную и за дальнейшим прохождением войска под аккомпанемент флейт и барабанов наблюдали из-за укрытия кустов и деревьев.

Вряд ли какое другое зрелище могло сравниться с видом бенгальских пехотинцев на марше. Это понимали все до последней баядерки, молочника, конюха, водоноса и прочих, но всех лучше – хавильдар Кесри Сингх, исполнявший роль ростры маршевой колонны.

Кесри считал зрительский успех составной частью воинской службы, а потому его вовсе не смущало то, что именно выразительная внешность часто обеспечивала его местом во главе колонны. Ведь не его вина, что участие во многих сражениях придало ему облик бывшего рубаки: он не напрашивался на сабельный шрам, от которого надменно оттопыривалась нижняя губа, и на пересекавший темно-смуглую щеку рубец, похожий на искусную татуировку.

И все же не впечатляющая физиономия его играла решающую роль. Нет, при желании Кесри мог, конечно, выглядеть свирепо, чему способствовали закрученные вверх усы и насупленные брови, но в этом отношении он сильно уступал некоторым однополчанам. Однако никому не удавалось превзойти его в молодцеватости, с какой он носил военную форму: черные рейтузы облегли ляжки, точно собственная кожа, подчеркивая их мускулистость, декоративные “крылышки” на широких плечах смотрелись не украшением, а доспехом, алая тужурка с ярко-желтой оторочкой сидела как влитая. А лихость, с какой был сдвинут набекрень черный, размером с улей кивер, казалась недостижимой.

Кесри возглавлял строй чаще прочих унтер-офицеров, что неизменно вызывало глухое недовольство его сослуживцев-афшаров. Но он не обращал внимания на их ворчанье – вполне естественно, что эти тупые увальни завидуют такому молодцу, как он.

¹ Хавильдар – соответствующий сержанту чин в индийской армии. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Банджара – кочевое племя, занимавшееся торговлей, скотоводством и перевозками.

В батальоне Кесри безгранично уважал только субедара Нирбхая Сингха, старшего по званию индуса. Пусть чином тот уступал самому младшему английскому субалтерну, но благодаря силе своей личности, а также семейным связям занимал такое положение, что даже командир батальона майор Уилсон не отваживался ему перечить.

Сипаи же воспринимали его не только как старшего унтер-офицера, но как своего патриарха, ибо происходил он из раджпутского³ рода, три поколения которого составляли ядро полка. Шестьдесят лет назад его дед-*дуффадар*⁴, оказавший помощь в формировании полка, стал первым субедаром подразделения, а потом сию должность занимали многие потомки их семьи. Нирбхай Сингх унаследовал ее от своего старшего брата Бхиро Сингха, пару лет назад ушедшего в отставку.

Их семья землевладельцев обитала на окраине Гхазипура, что неподалеку от Бенареса. Поскольку почти все батальонные сипаи были из тех же краев и той же касты, у многих из них, сыновей тех, кто служил под началом отца и деда нынешнего субедара, имелись связи с этим семейным кланом.

А вот Кесри был среди немногих, лишенных этой привилегии. Его родная деревня Нааянпур лежала на отшибе, и с вышеозначенным семейством его связывало лишь то, что младшая сестра Дити вышла замуж за племянника субедара. Кесри способствовал устройству этого брака, что сыграло немалую роль в получении им чина хавильдара.

В свои тридцать пять он, отслуживший в полку девятнадцать лет, вполне мог тянуть военную лямку еще добрых годов десять-пятнадцать и потому вполне обоснованно рассчитывал, что с помощью Нирбхая Сингха вскоре получит чин джамадара. И почему бы со временем ему самому не стать батальонным субедаром? Никто из сослуживцев-афшаров ему не ровня по уму, решительности и богатому опыту. Сия должность его по праву.

За последние месяцы Захарий Рейд столько раз обманывался в ожиданиях, что позволил себе поверить в окончание своих испытаний, только увидев публикацию в “Калькуттской газете”, извещавшую о его оправдании.

5 июня 1839

Наш обзор заметных событий недели будет неполным без упоминания о недавнем судебном заседании, на котором с мистера Захария Рейда, молодого моряка из Балтимора, Мэриленд, были сняты все обвинения по делу об инцидентах на шхуне “Ибис”, имевших место в сентябре прошлого года.

Нет нужды напоминать постоянным читателям нашей газеты, что “Ибис” направлялся на Маврикий, имея на борту двух заключенных и группу кули, однако возникшие беспорядки привели к гибели начальника конвоя Бхиро Сингха, многожды увенчанного наградами за храбрость бывшего субедара туземного пехотного полка.

Вдобавок шхуна попала в страшный шторм, в результате чего пятеро злодеев совершили побег на баркасе, предварительно умертвив первого помощника Джона Кроула. Предводителем банды стал корабельный боцман, негодяй-араканец, а в число его сообщников вошли оба заключенных, одним из которых был бывший расхальский раджа Нил Раттан Халдер (в памяти европейских обитателей Калькутты наверняка свежа прошлогодняя городская сенсация – суд над раджой, обвиненным в подлоге).

³ Раджпуты (сыны царя) – древняя этно-сословная группа в Индии.

⁴ Дуффадар – младший офицерский чин в колониальной полиции Индии и в некоторых армейских подразделениях, при-
сваивали его этническим индийцам.

К счастью для потрепанной штормом шхуны, ей повстречалась бригантина “Амбойна”, которая сопровождала ее в Порт-Луи, избавив от новых человеческих потерь. Охранники, надзиравшие за переселенцами, обвинили мистера Рейда в сговоре с пятью бежавшими злодеями, одним из которых был убийца субедара – кули, уроженец Гхазипура. Ввиду серьезности обвинения было решено рассмотреть дело в Калькутте, а мистера Рейда переправить в Индию и взять под стражу.

К сожалению, под арестом он провел немало времени из-за нездоровья главного свидетеля – мистера Чиллингуорта, капитана “Ибиса”. Как нам стало известно, именно состояние капитана, не позволявшее ему отправиться в путь, было основной причиной неоднократного переноса даты слушаний...

После очередной отмены суда Захарий всерьез подумывал на все плюнуть и сбежать. Ничего сложного: он не закован и легко наймется на какой-нибудь корабль. Многие команды страдали от нехватки людей, и его взяли бы, не задавая лишних вопросов.

Однако он подписал обязательство предстать перед судом, и бегство его означало бы признание своей вины. Вторым весомым сдерживающим фактором была лицензия помощника, которую он сдал в контору начальника калькуттского порта. Потерять лицензию – значит лишиться всего, добытого тяжким трудом на “Ибисе”, где от корабельного плотника он поднялся до второго помощника капитана. Если же вернуться в Америку и выправить новые документы, в них, скорее всего, опять появится отметка “черный”, которая навсегда перекроет путь к карьере морского офицера.

Однако честолюбие и решительность его натуры уравновешивались изрядной долей благоразумия, и потому в ожидании суда он предпочел не изнывать от нетерпения, но перебиваться случайными заработками на киддерпорской верфи, став завсегдаем оккупированных блохами ночлежек. Неутомимый ученик, досуг он посвящал штудированию учебников по навигации и судовождению.

Слушание по делу “Ибиса” проходило в ухоженном актовом зале ратуши. Председательствовал досточтимый мистер Кендалбуш, член Верховного суда. На свидетельское место первым был вызван капитан Чиллингуорт. Он дал мистеру Рейду пространную благоприятную характеристику и заявил о его непричастности к путевым злоключениям, обвинив в них мистера Кроула, первого помощника. Тот человек, сказал он, был печально известен своей вздорностью и буйством, дурно исполнял служебные обязанности, разжигал неприязнь между переселенцами и командой.

Следующим дал показания мистер Дафти, некогда подвизавшийся на службе речных лоцманов. Он также безоговорочно высказался в пользу мистера Рейда, охарактеризовав его как яркого представителя белокожего юношества, в котором так нуждается Восток, – честного, трудолюбивого, жизнерадостного и скромного.

Милый старина Дафти! В долгие месяцы ожидания он был единственным, на кого Захарий мог рассчитывать. Раз-другой в неделю старый лоцман сопровождал его в контору начальника порта, удостоверяясь, что дело “Ибиса” не сунули под сукно и благополучно забыли.

Затем были заслушаны два письменных свидетельства, одно из которых дал мистер Бенджамин Бернэм, владелец “Ибиса”. Наши читатели, конечно, хорошо знают этого видного коммерсанта, яркого сторонника свободной торговли.

Перед оглашением сего свидетельства судья Кендалбуш уведомил, что ныне мистер Бернэм пребывает в Китае, иначе непременно явился бы

в суд. Помехой ему стала ранее возникшая кризисная ситуация, которую породили необдуманные действия комиссара Линя, нового губернатора Кантона. Поскольку конфликт еще не улажен, мистер Бернэм вынужден остаться на берегах Поднебесной империи, дабы капитан Чарльз Эллиотт, полномочный представитель Ее величества, мог прибегнуть к его мудрому совету.

В своих показаниях мистер Бернэм аттестовал Захария Рейда как добропорядочного человека, честного работника и зрелого христианина, чистоплотного душой и телом. Выслушав свидетельство, судья Кендалбуш отметил, что слова мистера Бернэма имеют большой вес, ибо он давний лидер общины и столп церкви, известный своей благотворительностью не менее, чем страстной борьбой за свободу торговли. Судья не преминул упомянуть и супругу предпринимателя миссис Кэтрин Бернэм, которая по праву считается хозяйкой лучших городских приемов и оказывает поддержку всяческим благим делам.

Второе свидетельство было получено от гомусты мистера Бернэма Ноб Киссин-бабу Пандера, который во время происшествия находился на борту “Ибиса”, исправляя должность суперкарга. Сейчас он тоже в Китае вместе с хозяином.

Показания гомусты полностью совпали с тем, что было сказано капитаном Чиллингуортом. Правда, стиль этого послания изобилует странностями, столь любимыми городскими чудаками. Отдавшись полету фантазии, гомуста выставил себя истинным придурком, назвав мистера Рейда “лучезарным посланником индуистского божества”...

Помнится, Захария кинуло в жар, когда судья прочел эту фразу. В зале как будто возник вечно таинственный Ноб Киссин-бабу: облаченный в свой неизменный шафрановый балахон, он сложил руки на пышной груди и покачивал головой.

За время их знакомства гомуста разительно переменялся, становясь все более женоподобным, а с Захарием вообще держался как любвеобильная мамаша с ненаглядным сыном. Хоть это и коробило, Захарий проникся к нему благодарностью, ибо Ноб Киссин, несмотря на все его странности, располагал большими возможностями и не раз приходил на помощь.

Можно представить, с каким нетерпением ожидалось появление молодого морехода, получившего такую характеристику. И он, надо сказать, ничуть не разочаровал, хотя, пожалуй, был ближе к эллинскому, нежели индуистскому божеству: светлоликий, темноволосый, ладный, крепко сбитый. Допрос его длился долго, но отвечал он уверенно, без всякой запинки, чем произвел весьма благоприятное впечатление на судей.

Изрядное число вопросов касалось судьбы пятерых беглецов, в ночь шторма покинувших “Ибис” на корабельном баркасе. На вопрос, имелся ли у них хоть малейший шанс уцелеть, мистер Рейд ответил, что все они, несомненно, погибли. Больше того, он собственными глазами видел неопровержимое доказательство их смерти – перевернувшийся баркас с пробитым днищем.

Все это полностью совпало с показаниями капитана Чиллингуорта, заверившего, что никто из беглецов не мог спастись. Слова мистера Рейда всколыхнули отведенную для местного населения часть зала, где собралась большая родня покойного расхальского раджи, включая его малолетнего сына...

Вот тогда-то Захарий понял, почему зал набит битком: многочисленные друзья и родственники покойного раджи тщетно рассчитывали получить надежду, что он все-таки жив. Увы, утешить их было нечем, Захарий ничуть не сомневался, что все беглецы сгинули в море.

Когда речь зашла об убийстве субедара Бхиро Сингха, мистер Рейд подтвердил, что наряду с прочими был тому свидетелем. Это произошло на экзекуции – капитан назначил шестьдесят плетей проштрафившемуся кули. Человек необычайной силы, тот освободился от вязок и задушил субедара его же кнутом. Все случилось мгновенно, на глазах у сотен людей, и капитан был вынужден приговорить виновника к повешению. Однако обрушившийся шторм не позволил исполнить приговор.

Слова мистера Рейда вновь всколыхнули зал, ибо, как выяснилось, на суд пришло немало родичей субедара...

Дюжина родственников вела себя так шумно, что привлекла всеобщее внимание. Почти все они были бывшие сипаи, как те надсмотрщики, что сопровождали переселенцев. Захария всегда поражала их беззаветная преданность Бхиро Сингху – не вмешайся офицеры, убийцу субедара порвали бы на куски. Вот и сейчас родня пылала жадной мести.

Затем суд удалился на совещание. После короткого обсуждения судья Кендалбуш объявил, что с мистера Рейда сняты все обвинения. Вердикт был встречен аплодисментами части зала.

На вопрос о его дальнейших планах мистер Рейд, кажется, сказал, что в ближайшее время намерен отправиться к китайским берегам...

На том бы всему и завершиться, но...

Захарий уже готовился вместе с Дафти отпраздновать благополучный исход дела, когда судебный чиновник вручил ему кипу счетов за всяческие издержки. Самым крупным оказался счет за проезд от Маврикия до Индии, а всего долгов набралось почти на сотню рупий.

– Я не смогу это оплатить! – воскликнул Захарий. – У меня и пяти рупий не найдется!

– К сожалению, должен вас уведомить, сэр, что лицензию помощника вам не вернут до полного погашения долга. – В тоне чиновника было все, кроме сочувствия.

Праздник превратился в поминки – еще никогда эль так не горчил.

– Как же быть, мистер Дафти? Без лицензии не заработать сотню рупий, это ж почти пятьдесят долларов серебром. Здесь, в Калькутте, у меня больше года уйдет, чтоб скопить эту сумму.

Дафти задумчиво почесал большой, похожий на сливу нос и прихлебнул эль.

– Скажите-ка, Рейд, я не ошибаюсь в том, что некогда вы были корабельным плотником?

– Да, сэр, я начинал подмастерьем на балтиморской верфи Гарднера, одной из лучших в мире.

– И как, еще управитесь с молотком и ножовкой?

– Вне всяких сомнений.

– Что ж, для вас, пожалуй, работенка найдется.

Захарий наострил уши. Требовался плотник для обновления плавучего дворца, по суду доставшегося мистеру Бернэму от бывшего расхальского раджи. Сейчас судно было пришвартовано возле калькуттского особняка Бернэмов, но им давно не пользовались, оно обветшало и нуждалось в хорошем ремонте.

– Погодите, речь о том корабле, где в прошлом году раджа угощал нас обедом? – спросил Захарий.

– О том самом. Только сейчас он превратился в развалюху. Пупок развяжешь, чтоб привести его в божеский вид. Давеча миссис Бернэм меня достала – вынь да положь ей молотчика.

– Молодчика? О чем вы, черт возьми?

– А вы все такой же несмышлениш, Рейд? – ухмыльнулся Дафти. – Пора уж маленько освоить наш индийский зуббен. “Молотчиком” здесь называют плотника, ремесленника и всякого работягу. Ну что, возьметесь? Барыш будет хороший – хватит, чтоб расквитаться с долгами.

Захария накрыло волной безмерного облегчения.

– Конечно, возьмусь, мистер Дафти! Располагайте мной!

Он был готов приступить к работе уже завтра, но оказалось, что миссис Бернэм занята подготовкой к отъезду – слабой здоровьем дочке доктора рекомендовали покинуть Калькутту, и она увозила ее в имение своих родителей, что в горном селе Хазарибагх. К тому же общественные обязанности и благие дела поглощали ее время настолько, что мистер Дафти никак не мог с ней поговорить. Наконец ему удалось перехватить миссис Бернэм на лекции недавно приехавшего английского врача, которую она же и устроила.

– О, это был кошмар, мой мальчик, – рассказывал лоцман, отирая взмокший лоб. – Толстозадый лекарь всё нудил и нудил о какой-то жуткой эпидемии. Ну хоть получилось перемолвиться с миссис Бернэм, завтра она примет вас у себя. В десять утра вам удобно?

– О чем речь! Спасибо, мистер Дафти!

Для Ширин Модии тот день начался вполне обычно, и оттого показалось совершенно невероятным, что новость добралась до Бомбея без всяких предвестий и уведомлений. Всю жизнь Ширин придавала огромное значение знакам и предзнаменованиям (муж Бахрам частенько над ней посмеивался и корил за суеверность), но теперь, как ни старалась, не могла припомнить ни единого намека, который можно было бы расценить как пророчество того, что принес тот день.

Нынче к обеду она ждала своих дочерей Шерназ и Бехрозу с их детьми. Пока муж был в Китае, эти еженедельные совместные трапезы, да еще визиты в Храм Огня, стоявший в конце улицы, служили ей главным развлечением.

Ширин обитала в верхнем этаже семейного особняка Мистри, расположенного на Аполло-стрит в одном из самых оживленных бомбейских районов. Главой семьи долгое время был ее отец сет Рустам-джи, знатный корабел. После его смерти семейное дело переняли братья Ширин, которые с женами и детьми занимали нижние этажи. Из замужних наследниц в доме оставалась одна Ширин, сестры же ее, согласно обычаю, перебрались в жилища своих мужей.

Дом Мистри был шумной обителью, день-деньской полнившейся голосами слуг, поваров, нянек и сторожей. Рустам-джи отвел дочери самую тихую часть дома и настоял на том, чтобы после обручения молодые жили под его крышей, поскольку в то время Бахрам был беден и в Бомбее не имел родственных связей. Заботливый отец, сет хотел быть уверен, что после замужества Ширин ни в чем не будет знать недостатка, и в том вполне преуспел, однако превратил молодых супругов в этаких нахлебников семейства.

Бахрам не раз предлагал отделиться, но Ширин возражала, не представляя, как ей одной вести хозяйство во время долгих отлучек мужа в Китай; она не хотела покинуть родное гнездо, в котором выросла. Лишь много позже, когда родители умерли, а собственные дочери вышли замуж, Ширин почувствовала себя приживалкой. Не сказать, что домашние держались с ней неласково, напротив, они были чрезвычайно предупредительны, словно с гостьей. Но все, и в первую очередь слуги, прекрасно понимали, что истинные хозяйки в доме ее невестки. Никто не спрашивал мнения Ширин, когда, например, решался вопрос устройства сада на крыше, ее просьбы приготовить экипаж рассматривались в последнюю очередь или вообще забывались, а в склоках челяди всегда доставалось ее лакеям.

Порою Ширин погружалась в то странное одиночество, какое бывает в доме, где слуги числом изрядно превосходят хозяев. Еще и потому она с таким нетерпением ждала ежене-

дельных обедов с дочерьми и внуками и тщательно к ним готовилась: долго составляла меню и выискивала старинные рецепты, следя за тем, чтоб повар снял пробу с того, что получилось.

Нынче Ширин раз-другой наведлась в кухню, надумав добавить в меню *дар ни пори*, чечевицу с миндалем и фисташками в кляре. С утра она командировала слугу на рынок за нужными ингредиентами. Его не было долго, и вернулся он какой-то странный.

– В чем дело? – спросила Ширин.

Слуга стал что-то мямлить, а потом сказал, что внизу Вико, управляющий Бахрама, разговаривает с ее братьями.

Ширин оторопела. Вико был с хозяином неотлучно, с тех пор как год назад они вместе уехали в Китай. Если управляющий вернулся в Бомбей, то где же Бахрам? И почему Вико встретился с ее братьями, прежде чем повидался с ней? Даже если его выслали вперед по неотложному делу, Бахрам, конечно, передал с ним письмо и подарки.

Ширин растерянно смотрела на слугу: этот человек был при ней много лет, хорошо знал Вико и вряд ли мог ошибиться. Однако она спросила:

– Ты, часом, не обознался?

Слуга с таким видом покачал головой, что у Ширин захолонуло сердце.

– Ступай и скажи Вико, что я хочу его видеть немедленно, – приказала она.

Внимательно оглядев себя, Ширин сообразила, что еще не готова к приему посетителей; кликнув горничную, она поспешила в спальню и распахнула дверцы гардероба. Взгляд ее упал на сари, которое было на ней в день отъезда Бахрама. Дрожащими руками Ширин взяла наряд с полки и приложила к своей исхудалой, угловатой фигуре. Сияние богатого шелка, озарившее комнату, окрасило зеленью продолговатое лицо, большие глаза и седину на висках.

Ширин присела на кровать, вспоминая прошлогодний сентябрь, когда Бахрам отбыл в Кантон. В тот день ее сильно встревожили дурные знаки: ночью мужнин тюрбан свалился на пол, а утром она разбила свой красный свадебный браслет. Эти предзнаменования так ее обеспокоили, что она умоляла мужа отложить отъезд. Но Бахрам сказал, что медлить нельзя, но вот почему – она запомнила.

Прибежала горничная:

– Звали, биби-джи?

Очнувшись от воспоминаний, Ширин стала одеваться, и тут со двора донеслись громкие голоса. В том не было ничего необычного, но Ширин отчего-то взволновалась и велела служанке сбегать разузнать, в чем там дело. Вернувшись, горничная доложила, что галдели посыльные, которых отправили с сообщением.

– Каким сообщением? Кому?

Этого служанка не знала, и Ширин спросила, поднялся ли Вико.

– Нет, биби-джи. Он все еще внизу, говорит с вашими братьями. Они заперлись в конторе.

– Вот как?

Ширин заставила себя сидеть спокойно, пока горничная расчесывала и укладывала ее лоснящиеся волосы до пояса. Едва закончили с прической, как снизу вновь послышались голоса. Ширин поспешно вышла из спальни и направилась в гостиную, ожидая увидеть Вико, но, к несказанному удивлению, застала там своих зятьев. Оба сильно запыхались и выглядели обескураженными – похоже, они бегом примчались из своих контор.

Охваченная дурным предчувствием, Ширин отринула всякие церемонии:

– Что это вы здесь делаете средь бела дня?

В кои-то веки зятья утратили чопорность и, подхватив ее под руки, усадили на кушетку.

– Что такое? – изумилась Ширин. – Чего вы?

– Крепитесь, *сасу-май*⁵. Мы должны вам кое-что сообщить.

Ширин уже все поняла, но помолчала, на мгновенья продлевая жизнь надежде, затем глубоко вздохнула и вымолвила:

– Говорите. Я хочу знать. Речь о вашем тесте?

Зятья отвели взгляды, и другого подтверждения не требовалось. У Ширин помутилось в голове, но она вспомнила правила поведения вдов и почти машинально ударила запястьем о запястье, разбив стеклянные браслеты. Осколки их оставили на коже кровавые царапинки. Припомнилось, что много лет назад эти браслеты привез из Кантона Бахрам. Однако мысль эта не вызвала слез, все чувства будто умерли. Ширин подняла голову и увидела Вико, маячившего в дверях. Вдруг ужасно захотелось избавиться от зятьев.

– Женам уже сказали? – спросила Ширин.

Зятья помотали головами:

– Нет, мы напрямик сюда, *сасу-май*. Мы даже не знали, что случилось, в записках от ваших братьев была только просьба явиться срочно. Ну вот, мы пришли, и нам сказали, будет лучше, если обо всем вы узнаете от нас.

– Что ж, их поручение вы исполнили, – кивнула Ширин. – Остальное расскажет Вико. А теперь ступайте домой к женам. Им будет еще тяжелее, чем мне. Поддержите их.

– Конечно, *сасу-май*.

Зятья отбыли, и Вико прошел в гостиную. Неохватный в поясе мужчина с глазами навыкате, одет он был, как всегда, на европейский манер: светлые полотняные брюки и пиджак, сорочка со стоячим воротничком, галстук. Вертя в руках шляпу, он уже что-то пробормотал, но Ширин жестом его остановила и обратилась к слугам:

– Оставьте нас. Я хочу поговорить с ним наедине.

– Наедине, биби-джи?

– Плохо слышите? Да, наедине.

Слуги вышли, Ширин предложила гостю сесть, но он, отказавшись, покачал головой.

– Как это случилось, Вико? Рассказывай все.

– Несчастный случай, биби-джи. Печально, что произошло это на корабле, который хозяин так любил. “Анахита” стояла на якоре возле острова Гонконг, что неподалеку от Макао. В тот день мы только что прибыли на шхуну, распрощавшись с Кантоном. Все улеглись пораньше, а вот сет-джи бодрствовал. Наверное, он прогуливался по палубе. Было темно, он, видимо, оступился и упал за борт.

Ширин слушала внимательно, не сводя взгляда с рассказчика. По опыту прежних утрат она знала, что состояние этакой отрешенности не продлится долго – вскоре чувства захлестнут, затуманив рассудок. Пока голова ясная, надо вызнать, что же там произошло.

– Он прогуливался по палубе?

– Да, биби-джи.

Ширин нахмурилась. Она прекрасно знала “Анахиту” с момента закладки киля, сама выбрала ей имя в честь зороастрийской богини вод и лично надзидала за мастерами, вырезавшими ростру и украшавшими интерьер.

– Значит, он поднялся на кварталдек, верно?

Вико кивнул:

– Да, биби-джи. Обычно там он и прогуливался.

– Но если он упал с кварталдека, кто-нибудь услышал бы всплеск – вахтенный ласкар или на соседних кораблях.

– Да, рядом было много судов, но никто ничего не слышал.

– Где его нашли?

⁵ Теща (*хид*).

– На острове, биби-джи. Тело вынесло на берег.

– Была ли траурная церемония? Как вы поступили?

Вико мял в руках шляпу.

– Мы устроили погребение, биби-джи. Там было много парсов, среди них нашелся *дастур*⁶, совершивший обряд. Задиг Карабедьян, друг хозяина, тоже оказавшийся в тех краях, произнес надгробную речь. Мы похоронили сета на острове.

– А почему не в Макао? – встrepенулась Ширин. – Разве там нет кладбища парсов?

– Это было невозможно, биби-джи, – сказал Вико. – На материке случились беспорядки. Британский представитель капитан Эллиотт издал указ, предписывающий всем английским подданным воздержаться от посещения Макао. Потому-то “Анахита” и бросила якорь в бухте Гонконга. Нам ничего не оставалось, как похоронить хозяина на острове. Можете справиться у господина Карабедьяна – вскоре он прибудет в Бомбей и заглянет к вам.

Ширин ощутила волну горя, вздымавшуюся в душе.

– Вы хорошо обозначили могилу? – спросила она.

– Да, биби-джи. Остров немногочислен и очень красив. Хозяин лежит в чудесной долине. Место выбрал его новый секретарь.

– Я не знала, что у мужа был новый помощник, – рассеянно сказала Ширин.

– Прежний секретарь умер еще год назад по пути в Кантон, и сет Бахрам нанял нового, образованного бенгальца.

– Он приехал с тобой? Я хочу его увидеть.

– Нет, биби-джи, он остался в Китае и поступил на службу к американскому купцу. Насколько я знаю, сейчас он обитает в чужеземном анклаве Кантона.

10 июня 1839

Иноземный анклав Кантона

Я жалею лишь о том, что завести дневник не додумался раньше. Если бы я сделал это год назад, когда вместе с сетом Бахрамом впервые прибыл в Кантон! Прежние мои наблюдения были бы полезны в стремлении описать события, в нынешнем марте приведшие к опийному кризису.

В любом случае, я учел свой промах и уже не повторю эту ошибку. Мне так не терпелось начать дневник, что я раскрыл блокнот, едва сойдя с джонки, доставившей меня из Макао в Кантон. Но это было опрометчиво, ибо вокруг тотчас собралась толпа, заинтересованная моими действиями, и я счел за благо повременить. Вдобавок я отказался от первоначальной идеи вести дневник на английском и решил, что бенгали благоразумнее, ибо тогда вряд ли кто разберет мои записи, попади они в чужие руки.

Я пишу эти строки в своей новой обители – американской фактории, где снимает апартаменты мистер Кулидж, мой новый хозяин. В отличие от сета Бахрама, он не барствует, и челяди его отведена общая спальня на задах фактории. Однако мы обустроились, и, несмотря на скудные удобства, я, признаюсь, вне себя от радости вновь очутиться в иноземном анклаве Кантона, сем уникальном крохотном поселении, прозванном Городом чужаков!

Наверное, странно так говорить о месте, где неумолчные крики *Гвай-ло!* (белый), *Хаак-гвай!* (черный бес) и *Ачха!* (дурной индус) напоминают о твоей чужести, но едва я ступил на кантонский берег, меня, клянусь, охватило такое чувство, будто я вернулся на родину. Возможно, я просто был рад убраться из гонконгской бухты с ее флотилией английских торговых кораблей. В последнее время там вырос целый лес британских флагов, и у меня, скажу честно, будто гора свалилась с плеч, когда они скрылись из виду, ибо от соседства Юнион Джека мне

⁶ Дастур – зороастрийский священник высокого ранга.

всегда не по себе. Лодка несла меня к китайскому берегу, и я, казалось, задышал свободнее, но лишь в пределах иноземного анклава почувствовал себя в безопасности от всевидящего ока и хваткой лапы Британии.

Вчера днем я прошелся по знакомым местам Города чужаков. Отлучка моя была недолгой, но все здесь изменилось до неузнаваемости. Из чужеземцев тут остались одни американцы, и заколоченные окна опустевших факторий служат незыблемым напоминанием: ничто уже не будет таким, как прежде.

Особенно поражает запустение английской фактории. Просто невероятно, что некогда самое оживленное и величественное заведение анклава закрыто наглухо и обезлюдело совершенно. Остановились даже часы на церковной колокольне. Стрелки сошлись на цифре двенадцать, точно сведенные в молитве руки.

Опустели и обе фактории, в которых обитали бомбейские парсы, Чун-ва и Фантай. Возле второй я задержался – разве можно пройти мимо места, с которым связано так много воспоминаний? Я полагал, что апартаменты сета Бахрама заняты новым жильцом, однако окна конторы были закрыты ставнями, а вход в факторию охранял привратник. За небольшую мзду он меня впустил, и я обошел весь дом.

В комнатах почти ничто не изменилось, только полы и мебель были укрыты тонким слоем пыли. Признаюсь, жутковато слышать эхо своих шагов в пустых коридорах, где прежде былолюдно и витал аромат масалы, пливший из кухни. Все здесь напоминало о сете Бахраме, и я, остро ощутив его отсутствие среди живых, не удержался от искушения подняться на второй этаж и зайти в контору, где провел так много часов за составлением писем под диктовку хозяйина. И здесь все было на своих местах: огромный булыжник, подаренный компрадорм, резной письменный стол. Возле окна все так же стояло кресло, в котором сет проводил свои последние дни в Кантоне. Казалось, он и сейчас здесь, в этой сумрачной, полной тени комнате – полулежит в кресле, курит опий и смотрит на майдан, словно, по замечанию Вико, выглядывая призраков.

От сего воспоминания меня пробрала дрожь, и я поспешил на дневной свет. Надумав заглянуть в печатню Комптона, я свернул на Старую Китайскую улицу. Некогда кишевшая народом, нынче она тоже выглядела сонной и покинутой. И лишь улица Тринадцати факторий, граничащая с цитаделью, совсем не изменилась. Как всегда, здесь было полно людей, и поток пешеходов, устремлявшийся в обоих направлениях, меня подхватил и вскоре вынес к воротам печатни.

Дверь открыл сам Комптон, ничуть не переменявшийся: палевый халат, черная круглая шапочка, косица, зашпиленная в аккуратный узел. Он встретил меня широкой улыбкой и приветствовал по-английски:

– Как поживаете, А-Нил?

Я же удивил его, ответив на кантонском диалекте:

– *Цзоу-сан лян сы сан! Нэй хо ма?*

– Вот это да! – воскликнул печатник. – Что я слышу!

Я похвастал своими успехами в китайском и настоятельно попросил не говорить со мною по-английски.

Комптон провел меня в мастерскую, восхищенно восклицая:

– *Хоу лэн!* Ну надо же!

Печатня выглядела совсем иной: полки, прежде уставленные бумажными кипами и флаконами с тушью, были пусты, воздух, некогда остро пахший смазкой и металлом, нынче отдавал ладаном, на столах никакого следа захватанных гранок.

Я удивленно огляделся:

– И это все?

Комптон смиренно пожал плечами и сказал, что печатный станок простаивает с тех пор, как британцев изгнали из Кантона.

– Однако у меня появилась другая работа, – добавил он.

– Что за работа? – спросил я.

Оказалось, нынче он служит у своего давнего наставника Чжун Лоу-сы, которого я несколько раз видел (и ошибочно величал “учителем Чаном”). Теперь тот стал *мин-дай*, то бишь большим человеком, – комиссар Линь, *юм-чаэ*, поручил ему сбор сведений о чужеземцах, их странах, торговой деятельности и прочем.

Во исполнение поставленной задачи Чжун Лоу-сы создал бюро переводов, куда набрал изрядно людей, владеющих иностранными языками и знаниями о заморских странах. Комптона он пригласил одним из первых. Главной обязанностью печатника стал просмотр местных английских изданий – “Кантонского дневника”, “Китайского архива”, “Сингапурского журнала” и других. Получив экземпляры этих изданий, он выискивал публикации, которые могли представлять интерес для юм-чаэ и Чжун Лоу-сы.

Разумеется, самое пристальное внимание Комптон уделял теме “большого дыма” и вот как раз наткнулся на статью о производстве опиума в Индии. Мой визит оказался как нельзя кстати, ибо печатник не понимал, о чем идет речь в статье. Многие слова, такие как “аркати”, “маунд”, “тола”, “сир”, “читтак”, “риот”, “карканна”⁷, были ему незнакомы, и он едва не свихнулся, безуспешно разыскивая их в словаре. Упомянутые в статье географические названия – Чапра, Патна, Гхазипур, Монгхир, Бенарес и другие – тоже были ему неведомы. Он слышал только о Калькутте, которую здесь именуют Галигадой.

Прошло немало времени, пока я все ему растолковал, за что получил горячую благодарность. Я сказал, что рад быть полезным – это лишь маленькое воздаяние за доброту, какую проявили ко мне он сам и его родные за время, проведенное мною в его печатне. Приятно было вновь здесь оказаться, ибо Комптон, пожалуй, единственный из моих знакомцев, кто, как и я, буквально одержим словами.

Перед маршем Кесри уведомили, что до бивака примерно пять часов ходу. Высланному вперед отряду надлежало выбрать место для лагерной стоянки на берегу Брахмапутры. Кесри знал, что к его прибытию все будет готово: размечены участки для офицеров и сипаев, для нужников и обоза.

К полудню, после пяти часов пути, конь под Кесри зафыркал, словно почуяв воду. Дорога взобралась на гребень холма, и в конце пологого склона взору открылась Брахмапутра, столь широкая, что едва видимый другой берег казался размытым зеленым пятном. А на этом берегу воду окаймляла полоса светло-коричневого песка, где уже были установлены лагерные флаги и указатели.

Песчаная полоса тянулась вдоль реки насколько хватало глаз. Вдалеке Кесри разглядел длинное пыльное облако, быстро приближавшееся к лагерю. Вымпелы небольшого кавалерийского отряда возвестили о том, что это курьеры.

Почту не доставляли уже давно, Кесри не получал вестей от родных почти год. Курьеров он ждал как никто другой и обрадовался, что встретит их первым.

Однако вышло иначе: заметив маршевую колонну, один из всадников отделился от отряда и поскакал к авангарду. Как единственный верховой, Кесри должен был двинуться ему навстречу, что он и сделал, отдав батальонный стяг шагавшему за ним пехотинцу.

⁷ Аркати – вид опиума. Маунд, тола, сир, читтак – индийские меры веса. Риот – индийский крестьянин. Карканна (Рукодельница) – прозвище гхазипурской опийной фабрики.

Увидев кавалериста, всадник осадил коня и сдернул платок с лица. Кесри узнал знакомого штабного *рисалдара*⁸ и, не теряя времени, спросил о самом главном:

– Почта есть?

– Да, мы привезли три мешка писем, они будут ждать вас в лагере. – Рисалдар скинул с плеча курьерскую сумку и передал ее Кесри: – Вот, необходимо срочно доставить вашему командиру.

Кесри кивнул и развернул коня.

Обычно командир батальона майор Уилсон вместе с другими английскими офицерам ехал в середине колонны. Это означало, что до него добрых мили две, а то и больше, ибо к концу дневного перехода офицеры частенько устраивали себе развлечение в виде скачек или охоты либо просто усаживались в теньке под деревом, вкушая чай и кофе, приготовленные денщиками. Они не спешили, дабы приехать в лагерь, когда для них уже поставят палатки.

Кесри понимал, что отыщет их не сразу, ибо сперва предстояло одолеть против течения весь поток обозников. Едва он развернул коня, как путь ему преградили косари, отвечавшие за фураж для сотен животных, шедших в колонне. Следом двигались установщики палаток и флагов, кашевары с кухонной утварью, носильщики с шестами, переброшенными через плечо, и, конечно, уборщики и водоносы. Далее шагал большой отряд прачек обоого пола в сопровождении осликов, нагруженных тюками с бельем.

Миновав прачек, Кесри придержал коня возле телег баядерок. С их предводительницей Гулаби он давно был в близких отношениях и знал, что она огорчится, если проехать, не перебросившись с ней парой словечек. Но едва он натянул повод, как чья-то цепкая рука ухватилась за его сапог.

– Кесри, *сунн!* Погоди!

Пагла-баба, нищий аскет, ставший полковым талисманом. Как многие из его братии, он обладал сверхъестественной способностью читать чужие мысли.

– *Ка бхайил?* Что тебе, Пагла-баба?

– *Хамаар баат сун,* послушай меня, Кесри. Предрекаю, что нынче ты получишь весть о родных.

– *Бхагваан банвале рахас!* Благослови тебя Господь! – горячо поблагодарил Кесри.

Пророчество распалило желание поскорее оказаться в лагере, и он забыл о Гулаби. Пришпорив коня, Кесри миновал группу вольнонаемных: брамины, писарь, маркитант-счетовод, толмач *каястха*⁹, служивший переводчиком у офицеров, и полковой казначей, отвечавший за денежное содержание сипаев и оплату аттестатов для их семей. Все они ехали на одной подводе, угощаясь пан-масалой.

Почта была в ведении писаря, именно он раздавал письма сипаям. Придержав коня, Кесри сообщил ему о прибытии курьеров и о том, что рассчитывает получить весточку от родных.

– Отложите мое письмецо, мунши-джи, – сказал он. – Я вас разыщу, как только прибуду в лагерь.

На дороге стало чуть свободнее, и Кесри проскакал мимо телег, на которых орудийные расчеты перевозили полковую артиллерию – разобранные гаубицы, мортиры и легкие пушки. За ними следовали передвижная тюрьма, в которой везли пленных бирманских солдат, и подводы с офицерским провиантом – ящики с консервами, бочонки пива, бутылки с вином и бочки с виски. По пятам двигался полковой лазарет – длинная череда повозок с парусиновым верхом, в которых везли хворых и раненых.

⁸ Рисалдар – чин младшего офицера в индийской кавалерии.

⁹ Каястха – индийская каста, представители которой традиционно работали писцами, архивариусами, хранителями актов и счетов.

Затем возникло новое препятствие – бредущее стадо коз, овец и бычков, уготованных к офицерскому столу. Погонщики попытались расчистить путь для хавильдара, но тщетно. Чтобы не терять время, Кесри свернул с дороги на пустошь, густо поросшую травой.

Это оказалось верным решением, ибо вскоре он увидел батальонных офицеров-англичан, которые, покинув колонну, направлялись к песчаному взгорку, отделявшему дорогу от реки.

Заметив Кесри, офицеры остановились. Капитан Невилл Ми, адъютант батальонного командира, подъехал к нему, остальные укрылись в тени дерева.

– Вижу, у тебя курьерская сумка, хавильдар?

– Так точно, Ми-саиб.

– Можешь отдать мне. Благодарю. – Адъютант взял сумку и добавил: – Подожди здесь, ты, возможно, еще понадобишься.

Издали Кесри наблюдал за тем, как капитан Ми передает сумку командиру. Майор Уилсон глянул бумаги и хлопнул капитана по спине, видимо поздравляя. Через минуту и другие офицеры пожимали ему руку, восклицая: “Ах ты, везунчик!”

Кесри стало любопытно: неужто капитан получил повышение? Долго же он его ждал – с последнего производства в чин минуло почти десять лет.

Так вышло, что Ми был “дитем” Кесри в том значении слова, какое оно имело в туземном пехотном полку: когда Ми восемнадцатилетним лейтенантом, только что окончившим военную академию в Аддискомбе, прибыл в батальон, Кесри стал его первым денщиком. Он был чуть старше своего командира, но уже прослужил три года, понюхал порошу и считал себя ветераном. Занимаясь “воспитанием” подопечного, Кесри наставлял его в правилах полковой жизни, обучал приемам индийской борьбы кушти, ухаживал за ним в болезнях и приводил в чувство после ночных попок и карточных игр в офицерском клубе.

Многие сипаи точно так же опекали своих “деток”, которые часто о них забывали, поднимаясь по служебной лестнице. Однако в случае с Кесри и Ми было иначе: с годами их связь становилась только крепче.

Капитан был высок ростом и широкоплеч, но за внешностью смуглолицего, чуть лысеющего добряка с квадратным подбородком скрывалась натура весьма острая на язык и вспыльчивая. Молодым офицером он частенько попадал в неприятности, заслужив прозвище “капитан Задира”. Время ничуть не обтесало его, с годами он, похоже, стал еще более колючим и резким.

Однако Ми выказал себя отличным офицером, бесстрашным в бою и душевным к солдатам. У Кесри имелся особый повод быть ему благодарным: на заре их знакомства капитан, узнав о потаенном желании своего денщика овладеть английским, взялся его обучить и так натаскал, что в беглости речи тот превзошел всех в батальоне, даже толмача. Между ними возникла дружба, выходящая далеко за пределы служебных отношений. Когда капитану требовалась девица на ночь, он полагался на суждение Кесри о том, кто из контингента Гулаби полная никчемность, а кто стоит потраченных денег; когда Ми испытывал финансовые затруднения, что происходило постоянно, ибо он, по его собственному признанию, вечно был на мели, то его работодателем становился Кесри, но не банкиры “Палмер и компании” или полковой казначей.

Многие офицеры, картежники и выпивохи, были обременены долгами, но все же не такими крупными, как Ми, – одному лишь Кесри он задолжал сто пятьдесят рупий. Другой бы на его месте запустил руку в полковую кассу или подыскал себе денежную должность, но не таков был Ми. Пусть буйный и несдержанный, он оставался человеком безукоризненной порядочности.

Хоть Кесри и капитан были очень дружны, оба знали, что их отношения зиждутся на правилах, кои нельзя нарушать. Кесри никогда не дерзнул бы спросить, с чем офицеры поздравляли адъютанта. Но капитан сам о том заговорил, подъехав к хавильдару.

– У меня новость. Дело вообще-то секретное, а потому держи язык за зубами, договорились?

– Так точно, сэр.

– Деша, что ты доставил, касается меня. Мне приказано явиться в калькуттский форт Уильям. Я прослышал, что верховное командование формирует экспедиционный корпус для заморской миссии, и подал рапорт. И вот я назначен командиром роты сипаев-волонтеров. Унтер-офицера я могу выбрать по своему усмотрению, вот почему я тебе все рассказываю. Кроме тебя, хавильдар, на примете никого. Что скажешь? Не желаешь прокатиться за море?

За восемь месяцев гарнизонной службы на дальней точке у границы Ассама и Бирмы Кесри подустал и мечтал об отдыхе, у него и в мыслях не было куда-то отправляться добровольцем, однако он полюбопытствовал:

– А куда посылают корпус, сэр?

– Пока не знаю, все еще на стадии планирования, но денежное содержание обещают хорошее.

– Правда? – На миг Кесри поддался искушению записаться “баламтёром”.

– Точно! – ухмыльнулся капитан. – Я по уши в долгах, и это мой последний шанс из них выбраться. С надбавками я буду получать четыреста пятнадцать рупий! А уж с такими-то деньгами я расплачусь со всеми, включая тебя. Ну что, хавильдар, махнем в загранку?

– Нет, сэр, – решительно сказал Кесри. – Я шибко устал. Извините.

– Жаль, я на тебя рассчитывал. – Капитан огорченно поджал губы. – Но ты все же подумай, время еще есть.

Захарий вышел пораньше, дабы не опоздать на встречу с миссис Бернэм.

Вефиль, обитель Бернэмов, располагалась в дальнем калькуттском пригороде Гарден-Рич, где богатейшие английские предприниматели возвели дома-дворцы. Район этот лежал к югу от киддерпорской верфи, на берегу Хугли.

Имение Бернэмов было одним из самых роскошных: огромный дом в окружении других построек, занимавших береговую территорию более двух акров. Захарий дважды бывал здесь в качестве гостя. Оба раза в парадных дверях главного дома его встречал дворецкий в расшитой ливрее, имя его громогласно объявлялось, когда он входил в залитую огнями гостиную.

Но в те времена Захарий был на коне: только что получил должность второго помощника на “Ибисе” и владел целым сундуком нарядных одежд. С тех пор он утратил свое положение в свете, и о перемене его жизненных обстоятельств ему ясно дали понять, едва он возник в воротах имения. В дом его провели черным ходом и передали под опеку двух укрытых накидками служанок, которые узкими коридорами и лестницами препроводили его к комнате для рукоделия – небольшой светелке, где на столиках высились шкатулки с шитьем, а на стенах висели вышивки.

За одним столиком сидела миссис Бернэм в строгом платье из белого ситца и кружевном чепце. Она склонилась над пальцами и не подняла головы, когда ей доложили о Захарии.

– Ах, этот молотчик? Пусть войдет.

Миссис Бернэм, рослая статная дама с темно-каштановой шевелюрой, излучала благодушную холодность. В прошлые встречи они с Захарием не обменялись и словом, что, наверное, было к лучшему, ибо он, напуганный ее отстраненным вальяжным видом, вряд ли нашелся бы с ответом.

Вот и сейчас мадам, не шелохнувшись и не отрывая глаз от вышиванья, произнесла:

– Здравствуйте, мистер... э-э...

– Рейд, мэм. Доброго утра.

Изготовившись к рукопожатию, Захарий сделал шаг вперед, но тотчас поспешно отступил, ибо миссис Бернэм не прервала своего занятия. Теперь он понял, почему его принимают

не в одной из множества гостиных, но в комнате для рукоделия: хозяйка хотела подчеркнуть, что нынче он на положении не гостя, а слуги и должен вести себя соответственно.

– Я надеюсь, вы опытный молотчик, мистер Рейд?

– Да, мэм. Я плотничал на балтиморской верфи Гарднера.

Миссис Бернэм по-прежнему смотрела в пяльцы.

– Мистер Дафти, конечно, разъяснил, что от вас требуется. Полагаете, вы сумеете привести *баджру*¹⁰ в божеский вид?

– Да, мэм. Приложу все старания.

Миссис Бернэм наконец подняла голову и нахмурилась.

– Для опытного молотчика вы слишком молоды, мистер Рейд. Однако мистер Дафти о вас отзывается очень высоко, а я склонна ему доверять. Он также поведал о ваших финансовых затруднениях, уверив, что вы достойны нашего милосердия.

– Он очень добр, мэм.

Миссис Бернэм продолжила, как будто ее не перебили:

– Мы с мужем всегда сочувствовали несчастным белым, оказавшимся в Индии. Печально, но их здесь избыток – они приезжают с Запада, надеясь сколотить состояние, однако все заканчивается крахом. Мистер Бернэм считает нашим долгом делать все возможное, дабы эти несчастные создания не запятнали престиж правящей нации. Мы стараемся всегда быть великодушными к нуждающимся, вот почему я намерена предложить вам работу.

– Спасибо, мэм. Вы не пожалеете.

Миссис Бернэм еще больше нахмурилась, словно говоря о том, что благодарность преждевременна.

– Позвольте узнать, мистер Рейд, где вы намерены квартировать, получив рабочее место?

Захарий, не ожидавший подобного вопроса, замешкался:

– Ну как, мэм... я снимаю комнату в Киддерпоре...

– Извините, так не пойдет, – оборвала его миссис Бернэм. – Ночлежки эти – известные рассадники болезней, преступности и порока. Такого я не допущу ни в коем случае. Кроме того, ночью баджру придется охранять, а у меня нет лишнего сторожа.

И тут до Захария дошло: ему намекают, что он должен жить на судне. Вот уж невероятная удача! Он и не надеялся, что получит возможность распрощаться с блохастой ночлежкой!

– Я готов поселиться на судне, мэм, – сказал Захарий, сдерживая радость. – Если вы, конечно, не против.

Теперь миссис Бернэм отложила вышивание и окинула Захария пристальным взглядом, от которого он покрылся испариной.

– Усвойте, мистер Рейд, – жестко сказала мадам, – у нас приличный дом, где существуют определенные правила. Во все время вашего пребывания здесь вам надлежит вести себя безоговорочно достойно. Никакие посетители, мужского или женского пола, не допускаются. Вам это ясно?

– Да, мэм. Вполне.

Морщина на лбу хозяйки стала глубже.

– Вскоре я ненадолго отъеду, нужно отвезти дочь в поместье моих родителей в Хазарибагхе. Надеюсь, в мое отсутствие не будет никакой расхлябанности?

– Никакой, мэм.

– Если что, я обо всем узнаю, не сомневайтесь. Мне известно, что вы моряк, и, признаюсь, это вызывает мое особое беспокойство. Вы, конечно, наслышаны о скверной репутации, какой мореходы пользуются у почтенных людей?

– Так точно, мэм.

¹⁰ Баджра – громоздкое неповоротливое судно для речных прогулок.

– Имейте в виду, мистер Рейд, вы будете под неусыпным наблюдением. Хоть баджра пришвартована вдали от дома, не воображайте, что расстояние позволит вам скрыть какую-либо непристойность.

– Так точно, мэ.м.

Миссис Бернэм смолкла, пронзив собеседника взглядом, острым, как игла в ее руке. Казалось, она видит его насквозь. Захарий поежился.

– Что ж, хорошо, – сказала мадам. – Приступайте к делу как можно скорее.

Предсказание аскета о вестях из дома так воодушевило Кесри, что в лагерь он помчался галопом.

На подъезде к биваку хавильдар увидел своего денщика Дхиру, который бежал ему навстречу.

– Субедар Нирбхай Сингх ждет вас в своей палатке! – крикнул Дхиру. – Прямо сейчас!

Кесри осадил коня.

– Не знаешь, что ему нужно? – спросил он.

– Субедар получил письмо из дома. Похоже, вести дурные. Вам лучше поторопиться, хавильдар.

К командирской палатке подтягивались люди, многие из которых были близкими родственниками субедара. Судя по их виду, семья понесла какую-то утрату. Кесри слегка польстило, что он включен в число избранных.

Спешившись, он едва не столкнулся с батальонным писарем.

– Что стряслось, мунши-джи? Что происходит?

– Вы еще не знаете? – сказал писарь. – Субедар получил чрезвычайно скверное известие. Его брат Бхиро Сингх-джи погиб.

Кесри обомлел. Он-то всегда думал, что Бхиро Сингх всех их переживет.

– Погиб? Но как же так?

– Это случилось в море, уже довольно давно. Бхиро Сингх подрядился конвоировать переселенцев. Все произошло, когда корабль был на пути к Маврикию. Есть кое-какие другие новости, потому-то субедар и послал за вами. Поспешите.

Кесри взял писаря за плечо:

– Сейчас иду, мунши-джи, только скажите, для меня есть письмо?

Писарь покачал головой:

– Сожалею, хавильдар, вам еще пишут.

Кесри огорченно прикусил губу.

– Может, вы проглядели? Неужели ничего нет?

– Ничего. Право слово, ступайте к субедару.

Кесри вошел в палатку. Нирбхай Сингх, внушительный мужчина, чье широкое, грубо вылепленное лицо украшали роскошные усы в сильной проседи, сидел на циновке.

– Вы хотели меня видеть, субедар-саиб? – сказал Кесри.

Нирбхай Сингх обратил на него воспаленный взгляд.

– Да, хавильдар. Плохие вести.

– Я слышал о вашем брате. Большое горе...

– Но это еще не все, – перебил субедар. – В письме из дома говорится и о моем племяннике Хукаме Сингхе, женатом на твоей сестре.

– *Вохке куч бхазль ба?* С ним что-то случилось?

– *Хукам Сингх мар гоэль.* Он тоже умер.

Известие оглушило.

– Умер? Но как? Что произошло?

– В письме об этом ничего не сказано. Однако сюда едут мои родственники, скоро они придут на нашу базу в Рангпуре и тогда обо всем поведают. У тебя-то что? Родные написали о твоей сестре?

– Нет, субедар-саиб, ни слова. Я надеялся получить письмо с нынешней почтой, но писарь говорит, для меня ничего нет.

Кесри понурился. Невероятно, что родичи не сообщили ему о вдовстве Дити. Чем же вызвано такое странное молчание?

Шагая в свою палатку, он увидел Паглу-баба и сорвал на нем досаду:

– Что ж ты наплел про письмо? *Кучхо нахин!* Ничего нет!

Нищий расплылся в ухмылке:

– Я не говорил о письме, хавильдар-джи. Я только сказал, что ты получишь весть о родных. И ты ее получил, верно?

Глава 2

Солнце уже садилось, когда Захарий с котомкой через плечо взошел на борт баджры. Там повсюду высились горы мусора, трапы были завалены палой листвой, поломанными ветками и обрывками снастей. Вешая котомку на мачту, Захарий споткнулся о кофель-нагель¹¹, и грязная железяка покатила по дощатой палубе.

Впервые он увидел сей плавучий дворец меньше года назад, но за этот короткий срок судно так обветшало, что казалось, будто оно горюет по умершему хозяину, точно осиротевшая лошадь или собака: серо-голубая покраска корпуса выцвела, от семейной эмблемы Расхали – стилизованной головы тигра – остался лишь еле видимый контур. Однако, несмотря на запущенное состояние, было видно, что судно, хорошее и крепкое, построено в угоду вкусам богача.

Первый беглый осмотр обнадежил: предстоящая работа в основном заключалась в уборке, подкраске, полировке и небольшом ремонте. Замены несущих конструкций корпуса не требовалось. Однако придется перестелить доски палубы, подновить покраску форштевня и верхней части носа, изящные резные боковины которого прогнили и требовали серьезной поправки. Провисшие тросы ватер-вулинга молили о перетяжке; гасписы, недгедсы¹² и водорез тоже просили уделить им внимание. В целом картина не такая уж страшная – если ничто не помешает, управисься за шесть-восемь месяцев. И главное, почти все можно сделать в одиночку.

Захарий решил начать с уборки палубы. Скинув рубашку, он продвигался вдоль правого борта, пока не достиг входа в кают-компанию. Скрипнув, дверь отворилась, изнутри пахло сыростью и плесенью, и взору предстали люстра в саване паутины и мебель, укрытая толстым слоем пыли.

Вот здесь Захарий впервые увидел Нила Раттана Халдера, бывшего расхальского раджу. Помнится, он подивился молодости хозяина – болезненного вида юноши с вялым взглядом и как будто заторможенного. Оглядывая заплесневелую гостиную, Захарий ощутил укол грусти: в тот день они потягивали шампанское, не подозревая, что радже недолго гулять на свободе и вообще он скоро станет кормом для акул.

Захарий покинул гостиную и занялся трапом, что вел на верхнюю палубу. Поочередно отчищая перекладыны, он медленно поднимался к закату солнцу, и вот перед ним открылся прелестный вид на реку. В паре сотен ярдов ниже по течению виднелся особняк Бернэмов, а на другом берегу раскинулся окаймленный деревьями калькуттский Ботанический сад.

Для Захария эти места были связаны с воспоминанием о Полетт Ламбер, некогда опеочной мистера Бернэма, – в Ботаническом саду прошло ее детство, а позже ее пристанищем стал особняк. Сейчас, глядя на залитый огнями дом, Захарий вспомнил званый ужин, на котором сидел рядом с Полетт, – тогда он не мог и вообразить, что вскоре она станет беглянкой, под видом переселенки проберется на “Ибис”, однажды ночью придет в его каюту и он будет держать ее в своих объятьях. От яркого воспоминания внутри все зануло. Захарий поспешно спустился на нижнюю палубу и наугад стал открывать двери других кают.

Последняя дверь заупрямилась, пришлось наподдать ее плечом. Скрипнув, она распахнулась, и Захарий очутился в роскошном салоне, отделанном дорогим деревом и украшенном медными бра. Сия каюта как будто избежала разрухи, захватившей корабль, застенную кро-

¹¹ Кофель-нагель – металлический штырь для крепления снастей.

¹² Ватер-вулинг – крепление форштевня с бушпритом; гасписы – гнутые деревянные детали корабельного корпуса; недгедсы – брусья по обеим сторонам носа.

вать по-прежнему укрывала пыльная москитная сетка. Отдернув ее, Захарий повалился на невероятно мягкое ложе и, раз-другой подпрыгнув на нем, рассмеялся.

Блаженство! После всего пережитого совершенно невообразимое блаженство. Эта кровать больше всей его каюты на “Ибисе”, той самой каюты, где он держал Полетт в объятьях и на мгновение приник губами к ее губам.

В долгие месяцы, проведенные на Маврикии и в Калькутте, Полетт часто бывала его собеседницей: когда жизнь казалась уж совсем невыносимой, он представлял ее образ и выговаривал ему: “Видите, во что вы меня втянули, мисс Полетт? Хоть раз об этом задумались? Если б не вы, я бы не сидел в каталажке!”

И тогда ее высокая стройная фигура выступала из темного угла какой-либо чертовой дыры, где он оказался. В своей застенчивой манере Полетт робко подсаживалась к нему, как было в их последнюю яростную стычку на шхуне, когда она умоляла его не препятствовать затеянному побегу.

“Вы попросили меня отпустить пятерых беглецов, мисс Полетт, я пошел вам навстречу, и вот что со мной стало”.

Бывало, что воображаемый разговор с ней шел мягче, и тогда все заканчивалось как той ночью – Захарий ее обнимал и целовал. Иногда ее образ был настолько реален, что Захарий изгонял его из своих мыслей, опасаясь насмешек соседей по скученной ночлежке, всегда возникавших, если кого-нибудь застигали за рукоблудием.

Но сейчас впервые за долгое время он был, слава богу, один, лежал на мягкой податливой кровати, и потому не было нужды изгонять видение, благодаря которому его тело как будто просыпалось от крепкого сна, полнясь почти забытым желанием. Его охватило сладострастие, какого он уже давно не испытывал, и было легко представить, что это рука Полетт, а не его собственная нырнула к нему в штаны.

Потом, уплывая в сон, он уже в который раз подумал о том, насколько милостив был Создатель, снабдивший проклятого им мужчину не только своевольным непокорным отропком, но и подручным средством, способным его усмирить.

Утром, пробудившись от крепкого сна, какого уже давно не бывало, Захарий вновь наскоро, но сладко пообщался с образом Полетт, после чего соскочил с кровати, чувствуя себя освеженным и полным сил. Позавтракав кашей с чаем, он принялся драить палубу бака.

Судно было сильно запущено, дело продвигалось медленно. Около полудня неожиданно появился слуга Бернэмов, принесший остатки с господского стола; Захарий благодарно принял большую миску “сельского капитана”¹³ и прочие вкусности, коих хватало на ланч и ужин.

После плотного обеда он слегка осоловел и решил прикорнуть в своей каюте. Он вовсе не собирался вызывать образ Полетт, но тот явился сам, и повода его изгнать не нашлось.

Но потом, когда он заметил клейкие следы на простыне, его окатило виной. Захарий натянул штаны и вернулся к работе на баке.

Там не было даже намека на тень, и вскоре он весь взмок. Захарий скинул башмаки, носки и сорочку, но легче не стало, пот лил ручьем, и пропитавшиеся им нижняя рубаха и штаны липли к телу.

Река, хоть и мутная, манила. Захарий глянул на особняк Бернэмов, прикидывая, увидят ли его оттуда, если он разоблачится до подштанников и сиганет в воду.

Дом отстоял довольно далеко, от реки его отделяла большая лужайка, на которой в этот час сиесты не было ни души. Захарий решил, что стоит рискнуть, вдобавок густые заросли прибрежного камыша послужат ему надежным укрытием.

Он снял нижнюю рубаху и штаны и, оставшись в подштанниках до колена, перевалился через борт. Место было не особо глубокое, но бодряще прохладная вода вмиг освежила.

¹³ “Сельский капитан” – рис с курицей и приправой карри.

Захарий раз-другой окунулся и уже хотел вернуться на судно, однако заметил грязный кофель-нагель, валявшийся на палубе, и подумал, что сейчас самое время его отмыть. Подтянувшись, он схватил изгвазданный штырь и плюхнулся обратно в реку. Затем подобрался ближе к берегу, где глубина была по пояс, нарвал камышовых листьев и принялся энергично оттирать железяку.

Металлический штырь, формой напоминавший кеглю размером с ладонь, от грязи был скользкий, и потому Захарий одной рукой прижал его к животу, а другой, сведенной в кулак, драил по всей длине.

Через пару минут усердной работы грязная короста отвалилась, стержень был уже чист, и тут с лужайки донесся детский голос:

– Эй вы!

Захария, стоявшего спиной к берегу, оклик застиг врасплох. Резко обернувшись, он увидел светловолосую девчущку в белом сарафане и догадался, что перед ним дочка Бернэмов.

Тут до него дошло, что он голый и его разглядывают. От смущения Захарий покраснел, поспешно отступил на глубину, где вода скрыла его по горло, и лишь тогда сказал:

– Привет.

– Привет. – Девочка смотрела сосредоточенно, по-птичьи склонив голову набок. – Лучше вылезайте. Мама говорит, в реке купаются только кошмарные язычники да индусы.

– Правда? – испугался Захарий. – Но вы ей не скажете, что застали меня в воде?

– Она уже знает. Я видела, как из окна спальни она за вами следит через свои увеличительные линзы.

И тут с дальнего конца лужайки долетел иной голос:

– Аннабель! Как тебе не стыдно, негодная ты девчонка!

Захарий разглядел увенчанную шляпой фигуру миссис Бернэм, в развевающихся кружевах и шелках поспешавшую к берегу, и отшагнул еще глубже, погрузившись в воду до самого подбородка.

– Аннабель, зачем ты, баловница, выскочила на солнцепек? Тут можно изжариться!

Миссис Бернэм так спешила, что шляпа, слетевшая с головы, но удерживаемая розовой лентой, болталась на спине, по лицу разметались выбившиеся пряди, а на щеках рдели красные пятна.

Проштрафившийся Захарий тем не менее отметил, что румяность и растрепанность весьма красят его хозяйку. Пышный бюст мадам тоже не укрылся от его внимания.

– Что за безобразие, дорогая! – Стараясь не смотреть на Захария, миссис Бернэм шляпой прикрыла дочке лицо. – Уходим! Быстро!

Захарию ничего не оставалось, как притвориться, будто ничего не произошло.

– Здравствуйте, миссис Бернэм, ну и пекло, правда? – сказал он, пытаясь выглядеть беззаботным. – А я вот решил охолонуться.

Мадам негодуяще вздрогнула, но не обернулась и только сквозь зубы бросила через плечо:

– Искупаться можно было бы и на судне, мистер Рейд. Наверняка там есть необходимые приспособления, а если нет, их надо сделать. Но бултыхаться в этой мути, уподобляясь ошалевшему буйволу, совсем негоже.

– Простите, миссис Бернэм, я не думал, что... – начал Захарий, однако хозяйка его осекла:

– Помните, мистер Рейд, вы в приличном доме, где пристойность соблюдают во всем...

От возмущения она задохнулась и прибавила шагу, погоняя перед собой дочь.

– Приношу извинения за свой вид! – вслед ей крикнул Захарий. – Обещаю, такого больше не повторится!

Ответа он не получил, ибо миссис Бернэм с дочкой были уже далеко.

Две недели минули в полном молчании о финансах Бахрама. Никто и словом не обмолвился о состоянии его дел к моменту смерти.

Сперва вдове, раздавленной горем, было не до того. Но потом, когда первоначальная боль утраты чуть стихла, Ширин задумалась об этом странном молчании.

В семье, где вопросы дела заботили всех, нарочитое уклонение от данной темы выглядело как-то неестественно, тем более что все прекрасно знали: Бахрам отправился в Китай, намереваясь выкупить торговый отдел фирмы, которой владели целые поколения семейства Мистри.

В ближайшем окружении Ширин ее братья, пару лет назад совместно унаследовавшие компанию от покойного отца, были, конечно, лучше всех осведомлены о финансовом положении Бахрама. Ширин ничуть не сомневалась, что они кое-что знают, однако ни тот ни другой не выказывали желания затронуть сию тему, хотя виделись с сестрой по нескольку раз на дню.

Для Ширин не было секретом, что после безвременной кончины отца ее муж и братья сошлись в схватке за фирму. Распри не стали неожиданностью: братья никогда не считали Бахрама достойным членом семьи Мистри, и тот, в свою очередь, от всей души платил им нелюбовью. С самого дня свадьбы трения между родичами и мужем опутывали Ширин, точно веревка колодезный ворот. Правда, большую часть своего замужества она участвовала только в семейных дразгах, ибо в деловых вопросах отец ее своей волей установил непрочный мир. И лишь после смерти патриарха Ширин оказалась осью, на которой вращался родовой конфликт.

Лучше нее никто не знал, каким обманутым и обиженным себя чувствовал ее муж, когда братья попытались спровадить его на покой, дабы избавиться от его детища – чрезвычайно доходного отдела экспортной торговли. Но безропотно позволить отлучить его от дел было не в характере Бахрама: он решил приобрести торговый отдел в свою собственность, для чего с большим товаром отправился в Китай, надеясь заработать деньги, необходимые для покупки. Не признающий полумеры, он задумал взять груз опия, какой еще никогда не покидал Бомбей. Чтобы осилить такой объем, он использовал все доступные капиталы – привлек деловых партнеров, глав общины, родственников, но когда и этого оказалось мало, попросил Ширин заложить ее драгоценности и земли в Алибауге и Бандре, доставшиеся ей в наследство от отца.

За годы супружества Ширин нередко пререкалась с мужем, чаще всего из-за его полного равнодушия к тому, что у них нет сына. Не раз она упрашивала его отыскать какое-нибудь исцеляющее снадобье, но он только отмахивался, чем причинял ей сильную боль и обиду. Но в том, что касалось бизнеса, муж обладал безошибочным чутьем и всегда посрамлял сомневавшихся в успехе его затей. От природы пессимистка, Ширин и сама частенько была в рядах тех, кто ожидал его провала. Но такого никогда не случалось, и она постепенно привыкла, что в деловых вопросах стоит доверять суждению мужа. Потому-то и сдалась уговорам, позволив распорядиться ее наследством как он считает нужным.

Так что же стало с теми деньгами? Почему никто не расскажет? Какое-то время Ширин оправдывала это тем, что братья не хотят касаться данной темы при людях. И верно, она ни секунды не оставалась одна, рядом постоянно были ее дочери, сестры, внуки либо кто-нибудь из внушительного отряда ее слуг. Даже вечерами под рукой непременно был человек, удостоверявшийся, что перед сном она приняла добрую порцию опийной настойки.

Ширин была благодарна родне за поддержку, однако вскоре заметила, что сочувствие это носит несколько странный характер. Родные уделяли внимание исключительно ей, начисто позабыв о покойном муже. Ширин попыталась это исправить, объявив, что в Храме Огня закажет пышную поминальную службу по Бахраму, но ее не услышали и, даже не переговорив с ней, заказали скромную панихиду, на которой присутствовали только близкие родственники.

Ширин попросила дочерей дать этому объяснение, но те отмахнулись, сославшись на непомерные расходы, и тогда она поняла, что от нее что-то скрывают, а вот что – придется

выяснить самой. На другой день она послала братьям записки с просьбой повидать ее как можно скорее.

Пунктуальные братья, одетые, как на прием, в свежие ангаркхи и тщательно завязанные тюрбаны, явились следующим утром. Отдав дань вежливости, Ширин сказала:

– Спасибо, что пришли, я хочу кое о чем вас спросить.

– О чем же?

– О делах моего мужа. Я знаю, что в последний китайский вояж он вбухал кучу денег.

Меня интересует, что с ними стало.

Повисло молчание, братья переглянулись, словно предлагая друг другу начать разговор.

Ширин им помогла:

– Говорите, я должна знать.

Братья облегченно выдохнули и заговорили. Ситуация весьма неблагоприятная, сказали они. Бахрам-бхай допустил ужасную ошибку, его любовь к риску завершилась катастрофой, он ввязался в крупную игру, и его ставка безнадежно проиграла.

Рука Ширин нырнула под складки белого сари, где, ища успокоения, коснулась шнуров священного пояса кошти.

– Что произошло? Говорите всё.

Помешкав, братья заговорили хором: в случившемся Бахрам виноват лишь отчасти. Недавние перемены в Китае застигли его врасплох. Вскоре после его приезда был назначен новый наместник в Кантоне, некий комиссар Линь, по всем статьям сбрендивший властолюбец. Он арестовал всех чужеземных купцов и принудил их сдать весь привезенный опий. Комиссар лично наблюдал за уничтожением товара на миллионы испанских долларов! Бахрам был среди тех, кто понес наибольший урон, весь его груз, приобретенный в основном на заимствованные деньги, реквизировали и сожгли. В результате его долги бомбейским кредиторам до сих пор не оплачены; вернись он, ему пришлось бы объявить себя банкротом. Вообще-то удивляться нечему, ведь он всегда был игроком и аферистом, как его дед.

Сложив руки на коленях, Ширин оцепенело слушала. По окончании рассказа она спросила:

– И впрямь ничего не осталось? Совсем ничего?

Братья покачали головами: ничего. Бахрам не оставил после себя ничего, кроме долгов. Потому-то его великолепная “Анахита” еще там, в Гонконге, за бесценок была продана некоему Бенджамину Бернэму, английскому предпринимателю. Дома, которые Бахрам выстроил дочерям, тоже придется продать. К счастью, у Ширин есть апартаменты в родном доме, и потому она навсегда избавлена от беспокойства о крыше над головой. А зятья сотворили благое дело: открыли денежный счет для ее месячного содержания. Без экономии, конечно, не обойтись, но, если не шиковать, вполне можно прожить.

И тут случилось нечто удивительное. В открытое окно впорхнула бабочка и, покружив по комнате, присела на обрамленный портрет Бахрама. Ширин судорожно вздохнула и сдернула накидку. Давным-давно Бахрам привез из Кантона этот портрет, на котором был чрезвычайно хорош: в синей чоге, он сидел слегка расставив ноги, его точеное лицо с ухоженной бородой озаряла легкая улыбка.

Ширин свято верила, что даже мелкие случайности полны смысла, для нее было очевидным, что всякие совпадения, пусть незначительные, происходят не просто так. Бабочка давно улетела, а она все не могла отвести взгляд от портрета. Казалось, Бахрам смотрит прямо на нее и пытается что-то сказать.

Ширин сделала глубокий вдох и обратилась к братьям:

– Скажите, есть ли шанс вернуть хотя бы часть мужниных денег?

Братья опять переглянулись и заговорили тихо, словно извиняясь, что разрушают ее надежду.

Вообще-то шанс есть, сказали они, кое-что можно вернуть. Бахрам не единственный пострадавший иноземный купец – среди тех, кто сдал свой груз комиссару Линю, были влиятельные английские предприниматели. Британские власти не оставят конфискацию безнаказанной; в отличие от индийских правителей, которым безразличны интересы деловых людей, они понимают всю важность коммерции. Прошел слух, что уже готовится экспедиционный корпус для отправки в Китай, англичане потребуют возмещения ущерба. Случись война, которую китайцы, скорее всего, проиграют, появился бы хороший шанс вернуть часть денег Бахрама. Однако...

– Что? – подстегнула Ширин.

Когда начнут распределять компенсацию, представлять интересы Бахрама будет некому. Несомненно, возникнет грызня между купцами, прибывшими лично, чтобы урвать свою долю.

Ширин постепенно уяснила ситуацию.

– Но разве мы не сможем отправить своего представителя? – спросила она. – Как насчет Вико?

Братья покачали головами.

– Он уже отказался. И потом, Вико всего лишь управляющий, у него никакого авторитета в кантонской Торговой палате и среди британских чиновников. В Китае иноземные купцы были спаянным кружком, куда не допускались посторонние. Бахрам входил в это сообщество, и коллеги могли бы прислушаться к требованиям, заявленным его кровным родственником, но такого, к несчастью, не имеется.

Ширин прекрасно поняла намек – все было бы иначе, если бы интересы Бахрама представлял его сын. Она давно терзалась отсутствием наследника, но сейчас ее терпение лопнуло, и Ширин выпалила первое, что пришло в голову:

– А я? Что, если я сама поеду в Китай?

Братья опешили.

– Ты? – Они изумленно уставились на сестру.

– Да.

– Ты, в Китай? Ты даже на улицу не выходишь одна!

– А что такого? – огрызнулась Ширин. – Ведь ваши жены и дочери появляются на людях, правда? Вы же хвастаете перед английскими друзьями, какая мы “передовая” семья, в которой не соблюдают *пурду*?¹⁴

– О чем ты говоришь? Да, наши жены не придерживаются строгой пурды, ибо у нас определенное положение в обществе. Но мы никогда не позволим нашим сестрам и дочерям в одиночку шастать по свету. Вообрази, какой будет скандал! Что скажут люди?

– Разве желание вдовы навестить могилу мужа зазорно?

Похоже, братья решили действовать исподволь.

– Поговори с дочерьми, Ширин, – мягко сказали они. – Девочки лучше нас все тебе растолкуют.

11 августа 1839

Кантон

Вчера на улице Тринадцати факторий я столкнулся с Комптоном.

– А-Нил! – воскликнул он. – Чжун Лоу-сы желает с вами встретиться!

¹⁴ Пурда – кодекс поведения женщины, распространенный среди некоторых каст. Согласно пурде, женщина должна всегда оставаться в стенах своего дома, вести хозяйство, рожать детей, быть покорной отцу, мужу и братьям, а в присутствии других мужчин укрывать накидкой все части тела и лицо.

Я поинтересовался, с какой целью, и печатник ответил, что старца весьма впечатлил его отчет об опиийном производстве в Бенгалии. Узнав о моем участии в подготовке доклада, он приглашает меня на *ям-чай* (чаепитие).

Конечно, я не мог отказаться.

Мы условились, что назавтра я приду в печатню в начале Часа петуха (пять часов полудни).

У Комптона я появился за несколько минут до прибытия паланкина с советником. Казалось, Чжун Лоу-сы еще больше постарел: согбенный, тщедушный, паутина седой бороденки. Однако не затуманенный возрастом взгляд его был живым и ярким.

– Говорят, вы обучаетесь кантонскому диалекту, А-Нил?

– *Хай, Лоу-сы.*

Старец родом из других краев, но в провинции Гуандун провел много лет и прекрасно владеет местным диалектом. Он терпеливо воспринял мои косноязычные потуги изъясниться на этом наречии. Надеюсь, я не слишком опозорился, хотя временами по-английски обращался за помощью Комптона.

Оказалось, у советника был особый повод для нашей встречи: он составляет памятную записку об индийских территориях под британским правлением (старец использовал слово “ганьяо”, которым здесь их обозначают) и хотел бы задать мне несколько вопросов.

– *Ят-дин*, конечно, – согласился я.

Прошел слух, сказал Чжун Лоу-сы, будто англичане собираются направить сюда военную флотилию. Известно ли мне что-нибудь об этом?

Я сообразил, что за обманчиво простым вопросом может скрываться полное знание ситуации, обеспеченное разведкой, и решил быть осторожным в своих высказываниях.

В среде иноземцев, ответил я, уже давно поговаривают о том, что скоро англичане направят экспедиционный корпус в Китай.

Хай ме? Вот как? Где я об этом слышал? От кого?

Я пояснил, что многие мои земляки служат писцами и письмоводителями у английских купцов. Некоторые даже числятся в штате работников капитана Эллиотта, полномочного представителя королевы. Нередко мы обмениваемся новостями, и потому общеизвестно, что в апреле сего года Эллиотт письменно обратился к калькуттскому генерал-губернатору с просьбой сформировать экспедиционный корпус для отправки в Китай. Давеча я случайно услышал разговор моего хозяина, мистера Кулиджа, с друзьями: они считают, что военный штаб в Калькутте уже начал подготовку экспедиции, но гласности это предадут лишь после отмашки из Лондона.

Советник задал новый вопрос: поскольку корпус формируется в *Иньду* (Индии), каким будет его состав, английским или индийским?

Если учесть прошлый опыт, сказал я, состав, скорее всего, будет смешанным по примеру недавних военных кампаний в Бирме, Малайе и на Яве.

Чжун Лоу-сы ничуть не удивился. Во времена правления императора Цзяцина, поведал он, англичане прислали в Макао корабли с сипаями (старец назвал их *собо бин*). Пекин откликнулся жестко, и войска не высадились. Было это тридцать лет назад. Десятью годами позже, во второй год правления нынешнего императора Даогуана, англичане вновь прибыли с войском индийских сипаев. На сей раз они ненадолго оккупировали Макао, но потом были вынуждены уйти.

И тут советник меня ошарашил, сказав о выводе, который сделали китайские власти: сипаи – рабы, в бою англичане им не доверяют, потому-то и оставили Макао, не оказав особого сопротивления.

– Но сипаи вовсе не рабы! – возразил я. – Они получают жалованье, как английские солдаты.

- Наравне с рыжеволосыми вояками?
- Нет, – признал я. – Гораздо меньше. Примерно вдвое.
- А как к ним относятся? Индусы и англичане питаются и квартируют вместе?
- Нет, отдельно. Отношение к сипаям иное.
- Они могут занимать командирские должности? Есть ли офицеры-индусы?
- Нет, – сказал я. – Командуют только англичане.

Чжун Лоу-сы помолчал, задумчиво прихлебывая чай. Потом взглянул на меня и сказал:

– Значит, индусы получают мизерное жалованье и знают, что никогда не станут офицерами. Так?

Тут не поспоришь.

– *Цзяо хай ло*, – кивнул я. – Именно так.

– Но тогда почему они воюют?

Я не знал, что ответить. Как объяснить то, чего не понимаешь сам? Чего не понимает никто?

– Потому что это их работа, и она дает им деньги, – сказал я, не найдя ничего другого.

– Значит, они из бедных семей?

– Их родичи – земледельцы, обитающие в глубине страны. Но они вовсе не бедняки, у многих семьи знатного рода, которые владеют собственными угодьями.

Слова мои сильно озадачили советника.

– Но тогда зачем они рискуют жизнью, если в том нет нужды?

– Объяснить это непросто, – сказал я. – Понимаете, большинство сипаев происходят из кланов (я не нашел иного слова для “касты”), которые всегда зарабатывали на жизнь войной. Они присягают своему предводителю и за него воюют. Когда-то их предводителями были индийские цари, а потом – англичане, вставшие у руля власти. Вот сипаи за них и воюют, как прежде воевали за раджей и *навабов*¹⁵, не видя в том большой разницы.

– Но, воюя за англичан, вкладывают ли они душу в свою работу?

И вновь я задумался.

– Трудный вопрос. Сипаи отменные солдаты, они помогли англичанам покорить значительную часть Индии. Но иногда бунтуют, особенно если их посылают за границу. Помните, лет пятнадцать назад в Барракпоре вспыхнул мятеж, когда батальону сипаев приказали отправиться в Бирму. И вообще, выходцы из Бенгальского президентства не любят воевать на чужой территории. Вот почему для зарубежных кампаний англичане чаще нанимают мадрасских сипаев.

Чжун Лоу-сы задумчиво покивал, оглаживая седую бородку. Он поблагодарил меня за беседу и выразил надежду на скорую новую встречу.

Кесри был старше Дити на восемь лет. За это время в семье родились еще пять ребятишек; двое выжили, трое умерли. Несмотря на заметную разницу в годах, Кесри и Дити друг с другом были схожи больше, чем с прочими из потомства.

Во-первых, у обоих были одинаковые светло-серые глаза. Для Дити это стало своего рода изъяном, ибо суеверные жители деревни считали светлоглазых женщин ведьмами. Сия черта, которая у Кесри благодаря его полу считалась всего лишь необычностью и не более того, укрепила узы между сестрой и братом, мгновенно бросавшимся на защиту ее от дразнилок других детей.

Еще одним фактором, сближавшим их, было то, что оба воспринимали судьбу как личного врага. Для Дити поводом к тому стала ее астрологическая карта, утверждавшая, что

¹⁵ Наваб – титул правителей провинций Восточной Индии, в том числе Бенгалии.

девочка родилась под неблагоприятным расположением небесных светил. У Кесри была иная причина: его угораздило родиться старшим сыном в семье.

Во многих семьях статус первенца почитался благом, и будь Кесри иного склада, он бы, наверное, тоже считал себя везунчиком, появившимся на свет в семействе, где блюдут традицию: старший сын остается в родном доме, чтоб возделывать семейные угодья. Однако его ничуть не прельщало весь свой век провести в Наянпуре, таскаясь за плугом и покрикивая на быков. С малых лет он заслушивался рассказами дядьев и наставников, отца, деда и всех других деревенских мужчин об их солдатской службе, когда в юности они были истинными *джаванами*, бойцами. Кесри не желал ничего иного, как повторить их путь: служить сипаем в любой части Индостана или Декана.

В его роду землепашцев всех мальчиков с раннего детства обучали бою. В те времена повсюду рыскали банды вооруженных головорезов, и потому при выходе на поля вдобавок к плугу и косе брали щит и меч. Иначе как возделаешь свою землю, если не умеешь ее защитить?

Кесри с братьями еще малышами стали заниматься борьбой. Неподалеку от их деревни была знаменитая *акхара* – гимнастический зал, где различными дисциплинами укреплялись тело и дух. Акхара эта принадлежала секте нага-садху – аскетов, не носивших иного одеяния, кроме пепла, но прославившихся бойцовой доблестью и навыком самоограничения. Для них происхождение человека не играло никакой роли; по крайней мере, в пределах акхары действовало нерушимое правило: здесь не существует кастовых различий, всякий гость может искупаться, поесть и вступить в схватку, независимо от своей биографии.

Это корбило отца Кесри, ярого поборника кастовых разграничений, сам же Кесри находил сие правило весьма верным, хотя ничуть не возражал против очистительного омовения по возвращении домой. Дух товарищества, царивший в акхаре, нравился ему не меньше физических испытаний: крепыш и непоседа, он получал особое удовольствие от больших нагрузок. Кесри любил тягать гири, вращать булавы и, в отличие от других ребят, не отлынивал от упражнения под названием “вспашка борцовской арены”: один усаживался на деревянный брус, а другой, запрягшись в лобную лямку, таскал его по акхаре.

Однако наибольшую радость ему доставляло собственно единоборство, когда в схватке обострялись все его чувства; он умел сохранить холодную голову в ситуациях, у других вызывавших панику. На самостоятельных занятиях он часами оттачивал приемы вроде броска через бедро и удушающего захвата; иногда его слегка раздражало, что контролю дыхания и результатам работы кишечника садху уделяли внимания не меньше, чем практической борьбе, но он исполнял все эти требования, воспринимая их как неизбежную плату за обучение. Каждое утро он дотошно исследовал змеюку, выползшую из его задницы, и если она была тусклой либо плохо “свернулась в кольца, готовая к броску”, честно докладывал о том наставникам и менял свое питание согласно их предписаниям.

Благодаря волевым усилиям Кесри достиг того, что к десяти годам был признан одним из лучших борцов в своем весе и возрасте. Вскоре в его тренировки вошло овладение оружием – *латхой*, тяжелой бамбуковой дубинкой, и *тальваром*, кривой саблей. С огнестрельным оружием он познакомился дома – на досуге отец обучал сыновей обращению с мушкетом.

Мастерское владение оружием и приемами борьбы увенчалось тем, что к пятнадцати годам, возрасту, когда парней начинали рекрутировать в джаваны, Кесри стал самым грозным бойцом в деревне. Однако отец посчитал это еще одной причиной, чтобы он остался дома, – мол, при нем земля их будет в большей безопасности, чем под охраной любого из его братьев.

Младший брат по имени Бхим, парень крепкий, но тугодум, не способный на самостоятельные решения, во всем слушался отца беспрекословно.

Отец Рам Сингх, некогда и сам отслуживший в солдатах, был упрям и скор на руку. Перечитать ему означало напрашиваться на встречу с палкой. Но это не удержало Кесри от огласки

своего желания, и потому он многожды был бит за непокорство. Наконец он понял, что споры с отцом – зряшная трата времени: Рам Сингх был из тех солдат, кто при виде неприятеля только глубже окапывается. Стало ясно, что записаться в армию можно лишь наперекор отцу и без всякой сторонней помощи. Но как это сделать? Ни один приличный вербовщик не возьмет рекрута без согласия его родных, иначе поди знай, что может выкинуть новобранец. И потом, без помощи семьи не осилить положенного рекруту снаряжения, не говоря уже о коне. Что до иных вариантов – вступить в орден нищенствующих монахов или какую-нибудь банду, – благодарим покорно, уж лучше копать в земле.

Так что Кесри оставалось держать язык за зубами, когда в их дом зачастили вербовщики, справлявшиеся о желающих стать солдатами. Молча сглатывая злость, он слушал отца, готового обсудить перспективы второго сына, а что касается старшего, тут говорить не о чем, его судьба решена: парень остается дома и будет землешествовать.

Вдобавок к этому злосчастью стали поступать брачные предложения старшей сестре. Знает, и она вскоре покинет отчий дом. Похоже, новые жизненные горизонты открывались перед всеми, кроме Кесри.

Поскольку Дити много времени проводила в полях вместе со старшим братом, только она одна понимала его душевное состояние. Сестер ее старались держать дома, чтоб не испортили цвет лица, а у нее из-за неблагоприятного расположения звезд почти не было шансов на хорошее замужество, и потому ее отправили познавать секреты земледелия. Ростом она была по колено брату, когда тот стал обучать ее обращению с *нукхой* – ножом с восемью зубцами для надрезания созревших маковых коробочек. Вооруженные нукхами, они шли вдоль рядов обнажившихся маков и надсекали набухшие соком бутоны. Когда от одуряющего опийного аромата их начинало смаривать, они присаживались передохнуть в тени дерева.

Несмотря на разницу в возрасте, вместе им было легко как ни с кем другим. Способность Дити к сочувствию и пониманию чужих горестей была так необычна для маленькой девочки, что порой Кесри задумывался, не наделена ли она и впрямь колдовской силой. Когда он впадал в отчаяние от невозможности покинуть Наянпур, именно она, пигалица, его ободряла. Зная, что он изводит себя мыслями о новой жизни, открывавшейся перед младшим братом и сестрой, Дити говорила: “*Бу сааре баат на сочо*. Не думай об этом, обрати мысли на что-нибудь другое”.

Но сделать это было просто невозможно: как тут думать об ином, если еще никогда в их доме не было столько посторонних, обхаживавших и утешавших родителей? В конце рабочего дня, возвращаясь в свой глинобитный домишко, Кесри и Дити видели отца, который в тени мангового дерева вел переговоры с вербовщиками, и мать, во дворе увлеченно беседовавшую со сватами.

В вербовке новобранцев Рам Сингх разбирался так же хорошо, как его жена в спросе и предложении на рынке невест. Много лет он прослужил в армии султаната Берар и был знаком с изрядным числом профессиональных вербовщиков, рыскавших по деревням в поисках перспективных юношей. Костяк армий Северной Индии всегда составляли уроженцы долины Ганга, и потому у них, выходцев из таких же крестьянских семей, были родственники в самых разных полках. Рам Сингх, дороживший этими связями, задолго до появления вербовщиков знал, кто именно объявится на его пороге и кому он сразу откажет, будь тот хоть трижды родич.

Первым появился представитель от Дарбханг-Раджа – территории, где у семьи имелись родственные связи. Отдавая дань родству, вербовщика вежливо выслушали, но едва он отбыл, предложение его было похерено категорически.

– Нынче Дарбханг-Радж – жалкий край, уже совсем не тот, каким был во времена моего отца, – сказал Рам Сингх. – Теперь это вассал белых саибов, служить ему еще непотребнее, чем вступить в армию британской компании.

На этот счет взгляды его были непоколебимы. Уже давно здешние земли были захвачены Ост-Индской компанией, но поначалу вроде бы ничего не изменилось, все шло как обычно.

Однако со временем компания стала вмешиваться в дела, в которые прежние правители никогда не лезли, – скажем, такие, как посевная и уборка. В последние годы гхазипурская опиная фабрика начала рассылать сотни агентов – старателей и стряпчих, которые всучивали ссуды крестьянам, чтобы те по осени сеяли мак. Деньги, говорили они, даются на покрытие посевных трат, а урожай принесет небывалую прибыль. Но когда подходило время расчета, фабрика меняла закупочные цены в зависимости от урожайности года. По контракту крестьяне могли продавать сырец только фабрике, и многие из них несли убытки, еще глубже увязая в долгах. Некоторые знакомые Рам Сингха вот так вот разорились начисто.

С недавних пор компания стала вмешиваться даже в рынок рабочей силы, стараясь отбить охоту у мужчин служить в иной армии, кроме ее собственной. Для Рам Сингха и других крестьян это было еще возмутительнее вмешательства в их посевные планы. Казалось невероятным, что кто-то заявляет о своем исключительном праве на их услуги, посягая на самое главное – возможность выбора лучших условий. Не было ничего необычного в том, что единокровные или двоюродные братья служат в разных армиях; если вдруг они встречались в бою, предполагалось, что каждый будет верен долгу и постоит за своего предводителя, у которого “отведал соли”. Так было заведено с незапамятных времен, и нынешняя ситуация давала Рам Сингху еще один повод воспротивиться службе его сыновей в полках компании.

Он хорошо знал эту армию, поскольку участвовал в битве при Асаи. Войска Берара выступили единым фронтом с воинством Гвалиора и едва не разгромили англичан наголову. Рам Сингх частенько вспоминал это сражение и говорил, что британцы одержали победу только благодаря коварству своего командующего Артура Уэлсли, сумевшего обманом и подкупом внедрить измену в стан противника.

Он был незыблемо убежден, что сыновьям его не место в армии Ост-Индской компании. В английской манере войны, говорил Рам Сингх, нет ничего будоражающего кровь, нет никакого героизма. Британский солдат никогда не выйдет на поединок, не станет искать славы в том, чтобы, покинув свои боевые порядки, напасть на врага врасплох. Англичане воюют, точно муравьи: всегда наступают строем, прикрывая друг друга, и, словно куклы, одновременно совершают заученные движения. Даже внешне они смахивают на муравьев: все в одинаковой форме, никто не дерзнет выделиться неповторимой эмблемой или тюрбаном. Их обозы – полное убожество по сравнению с теми, что сопровождают войска Гвалиора, Джайпура, Индора, предлагая услуги баядерок и базаров.

Какой смысл в солдатской жизни, если она тускла и лишена удовольствий? Зачем браться в бой, если потом нельзя отдохнуть душой в обществе приятных женщин, вкусив отменной еды и пьянящих напитков? Тогда уж лучше пасти коров, ибо в такой жизни нет *иззата*, достоинства, она противоречит законам касты и обычаям Индостана.

Рам Сингха огорчало, что многие индийские царства и княжества стали подражать английским войскам. К счастью, еще оставались те, кто воевал по старинке, – к примеру, Авадх, Джайпур, Йодхпур, Джханси. Кроме того, была армия Моголов, сохранившая свою привлекательность: пусть древняя империя быстро съеживалась, но и поныне благодаря ее вековому престижу служивший под могольскими знаменами вызывал уважение у односельчан.

Здесьние места облюбовали вербовщики всех армий, и Рам Сингх знал, что у его сына не будет недостатка вариантов. И точно, вскоре начался наплыв зазывал. Некоторые джамадары и дафадары были профессиональными “покупателями”, работавшими на несколько царств и княжеств. Как правило, люди в возрасте, они были знакомы Рам Сингху по его солдатским будням. Когда гости появлялись, под манговым деревом устанавливали *чарпаю*¹⁶, посылали за кальянами, едой и водой.

¹⁶ Чарпая – топчан для трапезы на свежем воздухе.

Обычно гостей обслуживал Кесри, разжигавший кальяны. Никто не возражал, что он ошивается рядом, прислушиваясь к застольному разговору, – поскольку о нем речь не шла, его присутствие никого не волновало. Другое дело Бхим – тому запрещалось приближаться к вербовщикам, это было бы неуместно и выглядело сродни бесстыжему появлению потенциальной невесты перед возможными родичами.

Рам Сингх начинал беседу с дотошных расспросов о размере жалованья и о том, насколько аккуратно оно выплачивается, как распределяются трофеи и какие виды *батты*, довольствия, предусмотрены. Как насчет вещевого довольствия? А походного? Дают ли наградные за зарубежные кампании? Кто обеспечивает провиантом на лагерных стоянках? Насколько велик обозный базар? Что он предлагает? Как расквартирована часть в месте постоянной дислокации?

И вот если ответы выглядели удовлетворительными, лишь тогда Бхим представлял перед вербовщиком. Рам Сингх поступал, точно мать, угадывающая момент, когда в наилучшем виде предъявить дочку семье возможного жениха. Дождавшись нужной минуты, он посылал Кесри за братом. Появлялся Бхим: через плечо перекинута соха, одежда, состоящая лишь из жилетки и *ланготы*¹⁷, не скрывает великолепного сложения. Получив от отца указание вычистить лошадь гостя, он с готовностью брался за дело, демонстрируя хорошее воспитание, послушность и уважение к приказам.

Годных к службе парней высматривали не только вербовщики, этим же занимались солдаты-отпускники. За рекрутов платили комиссионные, и возвращение в полк с парой новобранцев было хорошим способом слегка заработать.

Бхиму и Кесри молодые солдаты были гораздо интереснее седобородых вербовщиков. С некоторыми отпускниками, родом из окрестных деревень, они были знакомы и раньше, а потому с ними общались запросто; порой какой-нибудь служивый оставался ночевать в их доме, и тогда братья до утра не спали, внимая его рассказам.

Однажды их навестил двоюродный брат, приехавший на побывку в соседнюю деревню. Немного старше Кесри, он уже два года провел в Дели, где служил в армии Моголов. Кузен впервые приехал в отпуск, и, конечно, его пригласили заночевать; во двор вынесли раскладушки, и вскоре братья разинув рты внимали рассказу о городских храмах и мечетях, фортах и дворцах. В походах, поведал кузен, за ротами следует обоз, численностью превосходящий полк и похожий на невероятно красочный маленький город. В нем целое отделение баядерок – писанных красавиц из Афганистана и Непала, Эфиопии и Туркменистана. Вы даже не представляете, мечтательно вздохнул рассказчик, какие позы они способны принять и как язычком обрабатывают твой банан.

Разумеется, на этом остановиться было невозможно. Братья забросали кузена вопросами, и тот, недолго поломавшись, изображая скромника, удовлетворил их любопытство сполна и даже больше: поведал об ощущениях, когда по твоему лицу водят соском, а дружка твоего, томящегося в нежном узилище, будто стискивают, щекочут и поглаживают ловкие музыкальные пальчики.

Кесри зашел на опасную территорию, ибо важнейшей стороной его спортивной подготовки был контроль над плотскими желаниями, а также их проявлениями. Для этого он регулярно применял систему упражнений, предотвращавших случайную или умышленную растрату жизненных флюидов. Однако нынче система дала сбой: проснувшись, Кесри обнаружил, что ночью с ним случилась *свапнадоша*, “юношеская авария”.

Что до Бхима, тот сразу понял: именно такая солдатская служба ему подходит. Заручившись поддержкой брата, утром он известил отца, что хочет вместе с кузеном отправиться в Дели. Рам Сингх охотно его благословил, пообещав снабдить необходимым снаряжением.

¹⁷ Лангота – набедренная повязка.

Сборы к отъезду, в которых участвовала вся семья, начались немедленно. Шили одежду, готовили простыни и одеяла, в лядунку укладывали кремни, порох и мушкетные пули, отбирали клинковое оружие, длинное и короткое.

Все внимание было отдано Бхиму, а Кесри тем временем вспахивал маковые поля. Вопреки всем стараниям, он не мог изгнать мысли о предстоящем отъезде брата в Дели и представлял, как тот в новом красивом тюрбане и увешанный оружием оседлывает коня. Сам он составлял резкий контраст этой картине: голый, в одной лишь грязной ланготе, обмотанной вокруг чресл, взмокшее тело облеплено мухами. Значит, вот какая жизнь ему уготована: год за годом плестись вослед тягловой скотине, отпрыгивая в сторону, когда той вздумается на ходу испражниться, не знать ничего, кроме посевной и уборки, считать роскошью часок сна днем, который удалось урвать в тени дерева, а вечером безуспешно отмывать грязь на ногах, намертво ввевшуюся меж пальцев. Бхим же увидит разные города, будет набивать мешки трофеями, сладко есть и блаженствовать в объятьях прекрасных женщин.

Кесри бросил быков посреди поля, сел под дерево и, обхватив руками колени, заплакал. Таким его и нашла Дити, когда принесла ему обед – лепешки роти с маринованными овощами ачар. Поняв все без слов, она была с ним до самого вечера и помогла закончить вспашку.

По дороге домой Дити сказала:

– Не тревожься, у тебя все получится. Ты тоже уедешь.

– Но когда, Дити? *Батавела*, поведай – когда?

Несколько дней после неудачной встречи с миссис Бернэм и ее дочкой Захарий пребывал в постоянном страхе, что его погонят из комфортабельного жилья на баджре. Казалось, вот-вот появится слуга с запиской, извещающей об увольнении по причине неблагоприятного поведения.

Шли дни, извещений не поступало, и Захарий решил, что ему, видимо, предоставлен второй шанс. Однако он понимал, что расслабляться нельзя – внезапные всполохи света в окнах особняка свидетельствовали о неусыпном надзоре, – и оттого всеми силами соблюдал приличия в одежде и поведении вообще. Работая на открытых частях судна, Захарий, невзирая на жару, укутывался с головы до пят.

Если исключить это маленькое неудобство, он был вполне доволен своим житьем. Дни его проходили бессобытийно, но плодотворно: вставал он рано и планомерно работал до заката, порой призывая на помощь господских слуг, но чаще справляясь самостоятельно. Похоже, столь тихое и скудное существование вызвало сочувствие челяди, которая неустанно снабжала его остатками с господского стола, и, сказать по правде, еще никогда в жизни он не ел так вкусно и не жил в таком комфорте.

Все же лучше были ночи. Захарий нежился в объятьях мягкой упругой кровати, но истинной роскошью были тишина и одиночество. У него, избалованного сытной едой и мирной обстановкой, так разыгрывалось воображение, что он без всякого труда выманивал из тени образ Полетт, укладывал его к себе в постель и порой по несколько раз за ночь предавался восхитительным утехам.

Однажды утром, когда он работал на баке, с берега долетел голосок Аннабель:

– Эй, привет!

В ответ Захарий козырнул:

– Здравия желаю, мисс Аннабель.

– Я пришла попроситься, нынче уезжаю в Хазарибагх.

– Что ж, счастливого пути, мисс Аннабель.

– Спасибо. – Девочка шагнула ближе к воде. – Скажите, мистер Молотчик, вы же знакомы с Полетт, верно?

– Да, так и есть.

– Как думаете, вы скоро с ней свидитесь снова?

- Не знаю. Надеюсь.
- Если увидите ее, передайте, пожалуйста, от меня привет. Я по ней очень скучаю.
- Я тоже, мисс Аннабель.
- Девочка кивнула.
- Пожалуй, пойду. Мама не хочет, чтобы я с вами разговаривала.
- Почему?
- Говорит, девочке не пристало беседовать с молотчиками.
- Захарий рассмеялся.
- Ну тогда бегите домой. Прощайте.
- До свиданья.

В тот же день миссис Бернэм с Аннабель отбыли, две недели особняк был темен и тих. А потом вдруг озарился огнями, и Захарий понял, что хозяйка вернулась. Неделей позже на лужайке перед домом возникла суета: лакеи, горничные, садовники развешивали гирлянды фонариков, расставляли стулья. Один слуга сказал Захарию, что затевается большой прием в честь дня рождения хозяйки.

Вечером к дому подъехало изрядно экипажей и колясок, до поздней ночи на лужайке звенели смех и голоса. Захарий счел за благо уйти с глаз долой, скрывшись в своей каюте.

На другой день, ближе к вечеру, слуга принес щедрые остатки с банкета и несколько бутылок пива. А еще он доставил небольшой сверток и конверт, на котором стремительным косым почерком было начертано имя Захария.

После той злополучной встречи миссис Бернэм впервые обратилась к нему, и он, вскрывая письмо, очень волновался – поди знай, что в нем. К его удивлению, тон послания был не просто учтивым, но почти сердечным.

30 августа 1839

Дорогой мистер Рейд,

Надеюсь, Вы устроились хорошо и дело с ремонтом продвигается. Если Вам что-нибудь нужно, без колебаний, пожалуйста, известите слуг.

Однако не хлебом единым жив человек, и Вы, безусловно, нуждаетесь в облагораживающей литературе, коя скрасит Ваше одиночество. Посему я взяла на себя смелость послать Вам две книги. Полагаю, Вы сочтете их интересными.

Искренне Ваша,

К. Бернэм

Теперь стало ясно, что казнь откладывалась! Захарий испустил радостный стон и, бросив сверток с письмом на прикроватную тумбочку, отпраздновал отмену приговора бутылкой пива под прекрасную закуску. Затем поднялся на палубу и пригласил Полетт посидеть с ним, любуясь звездами. Присутствие ее было столь осязаемым, что он тотчас возжелал постельных утех и поспешил обратно в свою каюту, на ходу раздеваясь. Не теряя времени, Захарий откинул москитную сетку, скользнул под простыню и замешкался лишь на секунду, нашаривая заскорузлую тряпицу среди других, столь же обляпанных и в немалом числе разбросанных по кровати.

Он уже хотел задуть свечу, но взгляд его упал на сверток, присланный хозяйкой. Захарий сдернул бумажную обертку и увидел две книги, какие и следовало ожидать от миссис Бернэм, – биографию давно почившего миссионера и сборник проповедей какого-то преподобного.

Скукота, да и сейчас Захарий был вовсе не расположен к чтению; он собрался вернуть подарок на тумбочку, но тут из одной книги выпала брошюра, шлепнувшись ему на грудь. Захарий глянул на обложку, с которой вопили слова, оттиснутые жирным шрифтом:

ОНАНИЯ,
или Мерзкий Грех
Самоудовлетворения

Он резко сел в кровати; смысл названия был не вполне ясен, однако породил тревогу. Наугад открыв брошюру, Захарий увидел жирно подчеркнутый абзац:

Самоудовлетворение суть противоестественное действие, коим мужи и жены, отринув услуги другого пола, оскверняют свои тела; предаваясь грязным фантазиям, они пытаются воссоздать ощущение, коим Господь сопроводил плотские отношения полов во имя продолжения человеческого рода.

Точно замороженный, Захарий уставился на слова “грязным фантазиям”. Почувствовав, как от стыда покрывается мурашками, он поспешно перелистнул страницу, однако сразу наткнулся на еще один подчеркнутый абзац:

...само по себе ужасно и противоестественно, сие занятие порочно и мерзко до крайности, преступность его вопиет, а последствия сокрушительны: оно разрушает супружескую любовь, извращает природные склонности и уничтожает надежду на потомство.

Захарий лихорадочно перевернул страницу:

У мужчин и юношей даже одноразовое действие часто вызывает фимоз, а то и парафимоз¹⁸; не стану разъяснять сии термины, скажу только, что хворям этим сопутствуют чрезвычайная боль и мучительное неудобство, кои могут привести к язвам и прочим скверным последствиям. Многократное самоудовлетворение вызывает странгурию¹⁹, приапизм и прочие заболевания пениса и семенников, но особенно грозит гонореей, гораздо опаснее той, какой заразит женщина...

Брошюра выпала из дрожащих рук. Захарий спустил подштанники и осмотрел себя на предмет язв, странгурий и фимозов. Он не знал, как они выглядят, однако в зарослях жестких лобковых волос, на члене и морщинистой мошонке было предостаточно ранее не замечаемых тревожных признаков: прыщики, угри, складки и набухшие вены.

Когда же все это появилось и что предвещало? Слава богу, не было симптомов начинающегося приапизма. Эту болезнь часто обсуждали моряки, называя ее “порчей лонг-такель-блока”. Говорили, все заканчивалось ужасно – иногда головка члена лопалась, точно чирей или нарыв. Невообразимая напасть.

И тут возникла мысль, напугавшая еще больше букета болезней: что, если появление брошюры отнюдь не случайно? Может, миссис Бернэм умышленно вложила ее в книгу, зная, что она дойдет до адресата?

Нет, это просто невозможно. Нельзя и представить, что хозяйка вообще знает о существовании подобной книжки, не говоря уже о знакомстве с ее содержанием. Да нет, столь утон-

¹⁸ Фимоз – сращивание крайней плоти, парафимоз – ущемление головки члена сросшейся крайней плотью.

¹⁹ Странгурия – затрудненное мочеиспускание.

ченая дама, богатая госпожа, и не взглянет на эдакую писанину. А если вдруг и взглянет, то никогда – никогда! – не пошлет ее едва знакомому мужчине.

И потом, зачем ей это? Какие у нее основания считать его онанистом?

Коли ей ведомо о нем столь тайное и личное, то она, стало быть, заглянула в самую его душу. А такое глубокое проникновение в мысли и чувства другого человека означает полную власть над ним; теперь он, рукоблуд, не посмеет смотреть ей в глаза.

И что самое ужасное, никогда не выяснить, знает она или нет, ибо подобная тема не может возникнуть в разговорах молотчика и хозяйки.

Захария окатило паникой, и все мысли о предвкушаемой встрече с Полетт вмиг испарились. Нахлынувшее отвращение к себе было чрезвычайно острым, и казалось невозможным, что столь грязное искушение когда-нибудь вновь его посетит. А если все же оно возникнет, с ним надо бороться и доказать, что он никакой не онанист. Решено, ибо от этого зависит его свобода и власть над своей душой.

Захария передернуло, когда на глаза ему попались тряпицы в желтых пятнах, разбросанные по кровати. В свете новых знаний они, невыразимо гадкие, выглядели подлинными символами греха и заразы. Ту, что была приготовлена для сегодняшней ночи, он, содрогаясь от омерзения, забросил в угол. Затем поднял упавшую брошюру и прочел ее от корки до корки.

В последующие дни он зачитал “Онанию” почти до дыр. Особенно сильное впечатление оставили главы о болезнях, и с каждым прочтением крепло ощущение всяческой заразы, зревшей в его теле.

До сих пор он пребывал в уверенности, что триппер – месь лохматки, возможная лишь в том случае, если конкретно пошуровать своим ломом в кочегарке, хоть с носа, хоть с кормы. Но ему и в голову не приходило, что подъем мачты подручными средствами может иметь те же печальные последствия.

На “Ибисе” он, преодолевая ужас, смешанный с любопытством, наблюдал за муками матросов, которые подцепили триппер и теперь вопили, пытаясь отлить из сочившихся гноем елдаков в волдырях и нарывах. По рассказам, лечение ртутью и пиявками причиняло не меньшую боль. Вот так посмотришь и решишь, что уж лучше навеки зачехлить свое орудие, чем угодить в эдакую переделку.

Никогда не было и мысли, что ночные свидания с Полетт могут привести к подобному финалу. Он-то думал, патронташ его ничем не отличается от мочевого пузыря или кишечника и точно так же периодически нуждается в опорожнении. Кто-то говорил, время от времени молофью надо сливать – мол, это все равно что высморкаться. Всякий, кто хоть раз ночевал в матросском кубрике, не мог не заметить канонаду, сотрясавшую гамаки. Не однажды Захарию доставалось по носу от верхнего соседа, чересчур энергично ведшего огонь. И тогда он выдавал фразу, которую временами адресовали и ему: “Хорош уже надраивать пицаль! Пальни и успокойся!”

От воспоминания, что именно завзятые рукоблуды чаще других хворали триппером, екнуло сердце. Сам-то он избегал этой участи, пока не попал под чары призрака Полетт. Сейчас он боролся с соблазном вновь очутиться в ее объятьях, и даже начальный звук ее имени стал невыносим, как и слова вроде “обет” и “манжет”, рифмовавшиеся с “Полетт”.

Хуже всего было то, что с каждым днем усиливались тревожные симптомы приапизма – недуга, который, как он надеялся, его миновал. Словно в насмешку, болезнь проявилась уже после отречения от ее истока и как будто издевалась, набирая силу тем стремительнее, чем дольше длилось воздержание. Иногда ночами казалось, будто в паху бурлит котел, но Захарий, скрежеща зубами, удерживал готовую сорваться крышку, ибо иное означало бы капитуляцию и признание себя заурядным дробилой.

Днем симптомы удавалось приглушить усердной работой. И все равно не проходило часу, чтобы штучер не шевельнулся в своем чехле. От вида облака, напоминавшего женскую грудь

или бедра, перед штанов мгновенно вздувался, точно спенкер под свежим ветерком. Стоило на реке появиться лодчице в сампане, и приходилось опрометью бросаться за фартуком, чтоб было чем прикрыться. Однажды козочка, лениво щипавшая травку вдали, вдруг навеела воспоминание о нежном изгибе женского тела, и швартовый конец тотчас попытался пробить клюз в клапане штанов.

Захарий ужаснулся глубине своего падения: если уж скотина – коза! – так на него воздействует...

Он угрюмо смотрел на слуг, приносящих кормежку, и гадал, навевались ли они когда на Онанские острова. В их лицах он выискивал упомянутые в брошюре признаки: прыщи, лихорадочные пятна, темные круги под часто моргающими глазами, неестественную бледность. Но если что-то и было, то не столь заметно, как на его собственном лице. Видимо, слуги женились рано, и потому им не было нужды прибегать к пороку одиночества.

И даже столь невинное раздумье таило в себе опасность: одна мысль цеплялась за другую, и перед глазами возникали картины ночных забав слуг со своими женами. Волосатая лапа, державшая поднос, вдруг обретала форму женской груди, а обветренные костяшки на руке, подававшей миску с жарким, превращались в темные набухшие соски, и тогда утлегарь в штанах мгновенно подавал признаки жизни, заставляя придвинуться ближе к столу.

В его нынешнем состоянии Захария более всего страшила возможность неожиданной встречи с миссис Бернэм. Потому-то все свое время он проводил на судне и вообще не сходил на берег. Но однажды утром, измаявшись вконец, решил, что заточение только усугубляет его бедственное положение, и заставил себя пойти прогуляться.

Шагая по берегу, он вдруг почувствовал, как исчезла тяжесть в голове. Зуд в паху тоже понемногу утих, но Захарий предусмотрительно не отрывал взгляд от земли. Однако постепенно его уверенность в себе окрепла, и он стал смелее смотреть по сторонам. Как ни странно, многое из того, что еще вчера мигом подняло бы его бизань – выпуклость груди под сари, мелькнувшая лодыжка, – нынче не вызвало ни малейшего шевеления.

Окончательно осмелев, Захарий позволил взгляду бродить где ему вздумается, задерживаясь на соблазнительно пышных облаках и зазывно колышущихся кронах деревьев. Повод для беспокойства не возник, и тогда он осмелился произнести запретные “обет” и “манжет”, потом даже гаркнул “Полетт!”, но и тогда его носовая часть осталась в полном порядке, швартовый конец лежал свернутым в бухту.

Захарий остановился и вдохнул полной грудью, наслаждаясь дарованным избавлением от напасти. Потом он радостно зашагал обратно к судну, где, словно в подтверждение полученной реабилитации, его ожидал гость.

Мистер Дафти принес приглашение на благотворительный бал-маскарад по сбору средств для калькуттской Мореходной миссии; бал устраивали в доме начальника порта и, по традиции, несколько билетов отдавали малоимущим, но достойным молодым морякам.

Захарий горячо поблагодарил старого лоцмана, поняв, что достать билет было совсем непросто.

– Да вот беда, мистер Дафти, у меня нет маскарадного костюма.

Оказалось, лоцман подумал и об этом.

– Не беспокойтесь, мой юный друг. Я приготовил вам костюм, такой же, как себе. В день маскарада приходите ко мне пораньше, мы отобедаем, и я вас снаряжу. Костюм обойдется вам даром, и, обещаю, вы останетесь довольны.

Глава 3

Каждый год в начале зимы, накануне праздника Нага Панчами²⁰, в акхаре, где тренировался Кесри, устраивали ярмарку. Наряду с обычными ярмарочными увеселениями там сооружали особую арену, на которой состязались борцы, приезжавшие даже из дальних краев.

Ярмарка, длившаяся несколько дней, привлекала огромное число сипаев, джаванов и прочих вояк – тысячи их вместе с уймой голых нага-садху, прикативших со всех уголков индийского субконтинента, стекались к святилищу. Праздник считался особенно благодатным для новобранцев, и потому отбытие Бхима к месту службы отложили до окончания торжества.

В тот год Кесри впервые участвовал в состязаниях, и от него ждали многого. Однако неминуемый отъезд брата и перспектива собственного прозябания в деревне так его подкосили, что он проиграл в первой же схватке, угробив надежды своих наставников. Поражение только усугубило его отчаяние, и на другой день он еле встал с постели. В кои-то веки отец над ним сжалился, разрешив не выходить в поле.

Предстоящий отъезд Бхима стал поводом для семейного застолья на открытом воздухе. Мать выставила закуски, сласти, прохладительный шарбат, и все семейство расположилось на чарпае в тени мангового дерева.

Ближе к полудню угощавшаяся семья вдалеке разглядела повозку, по дороге катившую к ее крытому соломой дому. Вскоре стало ясно, что едут чужаки. Убрали еду, девочек отправили в дом. В сопровождении сыновей хозяин пошел встретить незнакомцев.

Первым из повозки вышел человек впечатляющей и даже устрашающей наружности: грудь колесом, длинные руки, способные обхватить медный поднос тхали, закрученные вверх навощенные усы, лицо цвета спелой пшеницы, лоснящееся от горчичного масла. Все в его внешности и повадках – тугое брюхо, массивные золотые серьги, богато расшитый платок на плечах – говорило о больших запросах и ненасытном аппетите. Он представился Бхиро Сингхом, сказав, что родом из деревни близ Гхазипура, милях в шестидесяти отсюда.

Рам Сингх тотчас насторожился. Жители гхазипурских окрестностей были известны тесной связью с англичанами, многие работали на опийной фабрике. Однако гость не выглядел фабричным рабочим, даже в цивильном платье в нем чувствовалась военная выправка, и вскоре это подтвердилось – он оказался хавильдаром первого батальона 25-го туземного пехотного полка, знаменитого “Пачиси”. Он и трое его сипаев ехали в свою часть, расквартированную в Барракпоре под Калькуттой, но решили заглянуть на праздничную ярмарку. Кроме того, сказал хавильдар, хотелось бы обсудить одно важное дельце.

Выяснилось, что он наслышан о спортивной удали Кесри и надеется склонить его к службе в армии Ост-Индской компании. Узнав, что парень не подлежит вербовке, Бхиро Сингх опешил, но еще больше удивился известию о предстоящей службе Бхима в армии могольского бадшаха.

– Но зачем, Рам Сингх-джи? – сказал он. – Сын ваш юн, и вы, как отец, должны ему растолковать, что Дели уже не тот город, каким был когда-то. Кто желает сделать военную карьеру, тому прямой путь в Калькутту, столицу Ост-Индской компании. Ни одна армия в Индостане не может соперничать с условиями, какие предлагают англичане.

– И какие же?

Вопрос дал основание Бхиро Сингху пуститься в подробный перечень преимуществ от службы в туземном полку: пусть начальное жалованье рядового, шесть рупий в месяц, не выше, чем в других армиях, зато выплачивается полностью и в срок. Кроме того, оно возрастает

²⁰ Нага Панчами – индуистский праздник поклонения змеям. В этот день бог Кришна одолел змея-демона Калию.

с повышением в чине: *найк*²¹ получает восемь рупий, хавильдар – десять, джамадар – пятнадцать, субедар – тридцать. Главное, выплаты всегда происходят вовремя – за все годы службы Бхиро Сингху ни разу не задержали его жалованье.

– Скажите мне, Рам Сингх-джи, какая другая армия может похвастать четким расчетом с военнослужащими? Вы не хуже меня знаете, что раджи и навабы умышленно задерживают выплаты, чтобы солдаты не дезертировали. В армии Ост-Индской компании такое немыслимо.

А довольствия! У нас они гораздо щедрее, нежели в других армиях, и в денежном исчислении почти равны жалованью. Кроме вещевого, есть особые довольствия в обеспечение походов и боевых действий. Что касемо трофеев, их всегда делят со скрупулезной справедливостью. Знаете, после битвы при Майсуре английский командующий забрал себе только половину добычи, остальное честно поделили между офицерами и солдатами.

И это еще не все. *Бахадур*²² Ост-Индской компании – единственный в Индостане, кто заботится о солдатах-отставниках. По завершении службы им назначается этакая “пенсия” не менее трех рупий в месяц, которую они получают до конца жизни. Вдобавок им выделяется земельный надел, если они того пожелают. Раненым в боях безоговорочно предоставляется бесплатный медицинский уход. Скажите по совести, знаете ли вы другого столь щедрого хозяина?

Рам Сингх был впечатлен, однако спросил:

– А что с расквартированием? В Дели солдаты живут в казармах. У вас предоставляют жильё?

В его полку дело обстоит иначе, сказал Бхиро Сингх, сипаям выдают “квартирные”, и они сами решают вопрос своего пристанища.

– Никто, поверьте, не ропщет, ибо может выбрать обитель по своему вкусу, поселившись среди равных себе.

Рассказ уже посеял сомнение в душе Рам Сингха, и он прибегнул к более веским контр-доводам:

– Что там ни говори, Бхиро Сингх-джи, но эти английские чужаки – мясоеды и христиане. Служить им – значит навлечь позор на раджпутскую семью. Разве не правда, что у них ты вынужден принимать нечистую, а то и запретную пищу и жить бок о бок с людьми самых низких каст?

Хавильдар расхохотался.

– Вы страшно заблуждаетесь, Рам Сингх-джи! Англичане пекутся о кастовой *дхарме*²³ усерднее любого наваба или раджи. В нашем полку служат только брамины и раджпуты. И это не самозванцы, выдающие себя за дважды рожденных²⁴, родословная и облик каждого солдата подвергаются тщательной проверке. Верно, прежде индийские армии были подобны джунглям, где скрывались желающие поменять свое происхождение. Повоевав год-другой, какой-нибудь мусульманин-*джулаха*²⁵ представлялся высокородным афганцем, а половина тех, кто именовал себя раджпутами, были обыкновенными лесовиками и горцами. Наши бадшахи и махараджи с этим мирились из-за большой нехватки живой силы. За столетия все пришло в упадок: забыв об истинной кастовой дхарме, народ поступал как ему вздумается. Но вот наконец-то англичане навели порядок. В этих делах они куда как строже раджей и навабов: привезли своих

²¹ Найк – капрал (ефрейтор).

²² Бахадур – глава, предводитель.

²³ Дхарма – закон, учение. В зависимости от контекста означает “нравственные устои”, “религиозный долг”, “универсальный закон бытия”.

²⁴ Дважды рожденный – представитель одной из трех высших индийских каст, в которых мальчики проходят обряд, символизирующий духовное рождение.

²⁵ Джулаха – индийская община ткачей.

ученых, чтобы те изучили наши старинные книги. Теперь белые *пандиты*²⁶ лучше нас разбираются в наших писаниях. Нынче кастовую чистоту блюдут, как в дни древних мудрецов и *риши*²⁷. Саибы следят, чтобы всякая каста была как бы в железной клетке и никто не мог туда-сюда передвинуться хотя бы на палец. Низшие касты должны знать свое место, и в том саибы уже преуспели больше, чем индийские цари за целые столетия. В полк белых может вступить только представитель высшей касты, человек же сомнительного рода там не продержится и пары дней. Пищу себе мы готовим сами либо нанимаем слуг высокой касты. По нашему требованию командование расследует дело всякого сипая, и если возникнет хоть кроха сомнения в его касте, он тотчас будет отправлен обратно в свою деревню. Да что там, даже девицы из наших “красных базаров” всегда только благородной касты.

Бхиро Сингх помолчал, давая собеседнику время усвоить сказанное.

– Поверьте, Рам Сингх-джи, – продолжил он, – компания больше нас самих почитает кастовую дхарму. Вот вам пример: недавно английские командиры ввели новое правило – в лагере отбивать время колоколом. Разумеется, никому не хотелось лишней работы, и мы сказали, что высокая каста нам этого не позволяет. И что вы думаете? Тотчас были наняты специальные звонари! А наши навабы и раджи стали бы так хлопотать? Скажи мы, что не желаем звонить в колокол, они бы только рассмеялись и дали нам пинка под зад.

Все это явно произвело впечатление на Рам Сингха, однако он не сдавался:

– И все же, Бхиро Сингх-джи, в службе чужеземным мясоедам нет чести.

– Но ведь мусульмане тоже едят мясо, верно? – парировал хавильдар. – И это не мешает вам отправить сына в могольскую армию, так? Служение мусульманским бадшахам всегда было делом чести для наших отцов и дедов. Армия Ост-Индской компании дает еще больший повод для гордости, ибо англичане очищают Индостан. Тысячелетиями эта земля скатывалась в упадок, люди так перемешались, что не отличишь. Под англичанами все по отдельности, каждый со своим родом: белые с белыми, мы со своими. Они истинные охранители касты, и если вы, Рам Сингх-джи, задумаетесь о дхарме вашего сына, вы отправите его к нам.

– Но дхарма – не только вопрос правил, – возразил Рам Сингх. – Мы раджупуты, и для нас наша *марьяда*, честь, в том, как мы проявляем свою отвагу. В армии белых, где доблесть и сноровка совсем не ценятся, нельзя стать истинным воином. Знаете, в битве при Асаи наши смельчаки вызывали солдат противника на поединок. Вообразите, никто не откликнулся! Во всей армии не нашлось ни одного настоящего храбреца. Многие из тех сипаев были индусами, но, вступив в армию англичан, они утратили честь и мужество, достоинство и благородство. Даже нам было стыдно за них.

Хавильдар усмехнулся и вкрадчиво спросил:

– Напомните, кто одержал верх в той битве?

Не найдя, чем его отбрызнуть, Рам Сингх понурился. Улыбка хавильдара стала шире.

– Наверное, старые способы войны хороши для сотворения героев, но ими не всегда победишь в сражениях. В том-то и отличие английской армии, что она не зависит от героев. Это не большое собрание смельчаков, вся армия воюет, как один отважный боец. Вот почему ее называют Победительницей. Вся она как один человек, как единый организм, подчиняющийся одной голове, и всякого сипая муштруют, чтобы он это заучил. Каждый подчиняется старшему командиру вплоть до самого верха. Кто откажется исполнить приказ, будет расстрелян. Это вам не индийская армия, где солдаты верны тому, кто им платит, и если командира подкупят, они уходят вместе с ним. Англичане прекрасно о том осведомлены и перед каждым боем подсылают менял-банья, чтобы те подмазали офицеров противника. Почти всегда три-

²⁶ Пандит – ученый и священнослужитель.

²⁷ Риши – совершенный, просветленный человек.

четыре человека возьмут взятку и оставят позиции либо не вступят в бой. Не так ли случилось в Асаи?

– Да, тут не поспоришь, – сказал Рам Сингх. – Но это не единственная причина победы англичан. Их пушки были лучше наших. Да и ружья тоже.

– Вот именно! В отличие от наших раджей и навабов, англичане постоянно чему-то учатся и что-то меняют. С каждым годом их артиллерия все мощнее. Они все время улучшают свое вооружение, не допуская тому никаких помех. – Оборвав речь, Бхиро Сингх вскочил на ноги: – Сейчас я вам кое-что покажу.

Он сходил к стоявшей неподалеку повозке и вернулся с двумя саблями в ножнах, кривой и прямой. Хавильдар пристроил их на чарпаю и сам уселся рядом.

– Взгляните на этот *тальвар*! – Он достал сверкающую кривую саблю из ножен и положил себе на колени. – Великолепная работа, не правда ли? А до чего остер клинок! – Хавильдар поднял опавший лист манго и провел им по лезвию сабли – лист мгновенно развалился надвое. – Это оружие моего отца и деда, с ним и я осваивал науку сабельного боя, оно остается моим любимым. По виду английские сабли сильно проигрывают тальвару.

Бхиро Сингх достал из ножен прямую саблю и положил ее на колени рядом с тальваром – тусклая серая сталь, заостренный конец, тупые края. Никаких узоров на клинке, словно его не коснулась рука мастера.

– Они все одинаковые, в тысяче сабель ни одна не отличается от другой – все скучные уродцы. – Хавильдар снова провел листком по лезвию, и тот лишь скомкался. – Но вот в бою возникает иная картина.

Бхиро Сингх встал и вскинул перед собой кривую саблю.

– Наш тальвар – рубящее оружие, которое требует свободного пространства вокруг бойца, иначе он поранит своих же солдат.

Хавильдар знаком попросил всех отойти подальше и, кренясь сначала в одну сторону, потом в другую, выполнил два рубящих удара, при этом кончик сабли описал перекрещенные дуги в воздухе.

– Чтобы не задеть товарища, солдаты должны отстоять друг от друга на две длины сабли. – Бхиро Сингх отложил тальвар и взял английскую саблю. – А вот оружие совсем иного рода, не рубящее, но колющее, его задача – пронзать. В боевой цепи солдаты, вооруженные такими саблями и штыками, могут идти плечом к плечу, они не представляют угрозы друг для друга. Плотная же цепь гораздо эффективнее в бою даже с превосходящими силами противника. Солдатам с тальварами, пусть они отменно обученные храбрецы, не обратить нас в бегство. А изогнутые клинки не позволят им сомкнуть ряды, иначе они просто порубят друг друга. Нужда в пространстве делает войско слабым, независимо от его числа. И потому враг всегда бежит от нас.

Хавильдар отдал сабли сипаям, чтоб зачехлили.

– Вот вам обоснованные причины того, что ни одна армия в Индостане не может противостоять Победительнице. Иногда неприятель пускается наутек, едва завидев нас. Если хотите, чтобы сын ваш сражался на стороне, не ведающей поражений, и вернулся домой живым, да еще с деньгами, вы отдадите его мне, и я сделаю из него сипая армии Ост-Индской компании.

Но тут вмешался Бхим, громким шепотом известивший отца, что он уже все решил и хочет служить только в Дели.

На том дискуссия закончилась. Бхиро Сингх презрительно пожал плечами, словно говоря “вольному воля”.

– Что ж, я вас покину, Рам Сингх-джи. Сказано все, что хотелось. Если передумаете, завтра найдете меня на ярмарке.

На этом он и сипаи сели в повозку и уехали.

Лакей перехватил Ширин, когда она возвращалась домой после ежедневного посещения Храма Огня.

– К вам гость, желающий засвидетельствовать почтение, – доложил слуга. – Вместе с вашим братом господин ожидает в гостиной первого этажа.

– *Каун хай?* Кто он такой? – спросила Ширин.

Слуга только знал, что гость – *топивала-саиб*, белый господин в шляпе.

Прикрыв лицо верхним краем белого сари, Ширин вошла в гостиную, где увидела брата и высокого мужчину, чье чисто выбритое лицо напоминало иссеченный ветрами утес: глубокие морщины, выпуклые височные кости, похожие на куски горной породы. В оттенке его кожи было нечто от розоватой усталости заходящего солнца. Черный костюм, траурная нарукавная повязка.

Вид вполне европейский, но что-то в облике гостя не вязалось с западным миром, да и поздоровался он традиционным саламом – руки сложены перед грудью, глубокий поклон.

– Ширин, познакомься с господином Задигом Карабедьяном, – сказал брат. – Его имя тебе, конечно, известно, он был близким другом твоего мужа и сейчас пришел отдать дань уважения его памяти.

Не поднимая накидки, Ширин склонила голову. Бахрам рассказывал ей о Задиг-бее. Помнится, подружились они на пути в Англию, и было это лет тридцать назад. Муж говорил, его христианский друг-армянин родом из Египта и благодаря своему ремеслу часовщика много разъезжает по свету.

– Простите, биби-джи, что не сразу явился к вам, меня задержали печальные дела. – Гость свободно изъяснялся на хиндустани. – Я тоже понес утрату.

– Неужели?

Задиг-бей показал на траурную нарукавную повязку:

– Не так давно моя пожилая супруга скончалась от изнурительной лихорадки.

– Мои соболезнования, Задиг-бей. Где это произошло?

– В Коломбо. Судьба мне благоволила, и я был рядом с женой в ее последние дни. Господь не дал вам даже этого.

Глаза Ширин увлажнились.

– Да, Он обошел меня этой милостью...

– Не могу выразить, как я опечален кончиной вашего мужа. Бахрам-бхай был моим самым близким другом.

Взгляд Ширин метнулся на бесстрастное лицо брата. Последнее время имя Бахрама словно было под запретом – казалось, в доме Мистри никто его не произносит, дабы лишний раз не напоминать себе о крахе, покрывшем бесчестьем семью банкрота и его родичей.

Сама Ширин говорила о нем только с дочками, но и те держались так, словно речь шла о чужаке, и сокрушительное разорение, предшествовавшее смерти Бахрама, в корне его изменило, превратив в незнакомца, чьи затеи всегда были обречены на провал, а успехи служили знаком грядущего несчастья, которое он обрушит на самых дорогих людей.

Дочери, прежде души не чаявшие в отце, теперь лишь стыдили и укоряли его, однако Ширин их в том не винила, ибо крах лишил их не только ожидаемого наследства, но и значительной доли почтения, которое прежде им оказывали в семьях супругов.

Для Ширин имя мужа было незаживающей раной, которую она попеременно пыталась убаюкать, залечить и скрыть, и сейчас, когда Бахрама помянули с неподдельной любовью, рана та аукнулась болью.

– Муж часто говорил о вас, – тихо сказала Ширин.

– Бахрам-бхай был невероятно сердечным и благородным человеком. Ужасно, что все так закончилось.

Ширин подметила, как брат заерзал на диване. Конечно, доброе слово о Бахраме ему было неприятно, и он охотно ушел бы, но приличия не позволяли оставить сестру наедине с чужим человеком. Чтобы избавить его от мучений, Ширин прошептала на гуджарати: дескать, можешь уйти, только оставь дверь гостиной открытой и пришли сюда служанку, что ждет в коридоре. Приличия будут соблюдены, сама она под накидкой, беспокоиться не о чем.

Брат тотчас вскочил.

– Ладно, я ненадолго вас оставлю, – сказал он.

Вошла служанка и села возле открытой двери, задрапированной шторой. Укрытая накидкой, Ширин повернулась к гостю:

– Скажите, когда вы последний раз видели моего мужа?

– Месяца за два до несчастья. Я покинул Кантон в самом начале кризиса, а Бахрам остался.

– Почему? Расскажите, что там произошло.

– *Зарур*, извольте, биби-джи.

Задиг поведал, что в марте нынешнего года китайские власти развернули широкомасштабную кампанию по пресечению потока опия в страну. Император назначил некоего комиссара Линя новым губернатором Кантона, и тот сразу же выдвинул ультиматум иноземным купцам: сдать весь привезенный опий. Получив отказ, он заблокировал чужеземный анклав с воды и суши, чем совершенно отрезал его от внешнего мира. Купцов хорошо кормили и вообще ни в чем не ущемляли, но они, не выдержав заточения, все же согласились сдать свой груз. Разрешение покинуть Кантон получили все, кроме самых крупных торговцев, в числе которых был и Бахрам. Вместе с челядью он остался в своих апартаментах.

– Наверное, биби-джи, вы знаете, что иностранный анклав Кантона состоит из тринадцати факторий, которые там называют “хонами”. Поселение это больше похоже на огромный караван-сарай. В каждой фактории есть разные апартаменты, которые купцы снимают исходя из имеющихся средств. Бахрам со своим персоналом всегда проживал в фактории Фунтай. Вот там-то я его и видел последний раз.

– Как он выглядел?

Задиг помолчал и, откашлявшись, заговорил как человек, которому нелегко сообщать дурные вести.

– Может, не стоило бы об этом рассказывать, но Бахрам-бхай был чрезвычайно подавлен. Знаете, он выглядел совсем больным. Я поговорил с его секретарем, и тот сказал, что хозяин почти не выходит из дому, но целыми днями сидит у окна и смотрит на майдан.

Ширин накрыло волной горечи.

– Просто не верится, – сказала она, перебирая пальцами край сари. – Он всегда был такой непоседа.

– Неудивительно, что заботы его сокрушили. Ему грозила потеря огромных денег, и он очень переживал из-за долгов. – Задиг покашлял в кулак. – Вы же знаете, биби-джи, для него не было ничего важнее семьи, его религии. Вернее, его второй религии.

Ширин просунула руку под накидку и отерла слезы.

– Да, знаю.

– Ничего странного, что все это сказалось на его здоровье. Бахрам заметно ослабел, но я не поверил своим ушам, узнав, что он упал с палубы. Человек с таким-то мореходным опытом! И вот что самое печальное: проживи он чуть дольше, узнал бы, что потери его будут возмещены.

Ширин насторожилась.

– То есть обещают компенсацию?

– Да, – кивнул Задиг. – Иноземные купцы учредили фонд, чтобы оказать давление на британское правительство и заставить его предпринять действия против китайцев. Все тор-

говцы сдали по доллару за каждый конфискованный ящик с опиумом. Набралась внушительная сумма, которую переслали мистеру Уильяму Джардину в Лондон. Некогда самое влиятельное лицо в торговле с Китаем, он распорядился деньгами по-умному: подмазал многих членов парламента и уйму газетчиков. Свет такого еще не видел – предприниматели подкупают правительство! Столько было произнесено речей и опубликовано статей, что теперь всякий англичанин убежден: комиссар Линь – чудовище. Ходят слухи, что британское правительство, вняв совету Джардина, готовит экспедиционный корпус к отправке в Китай. Захват опиума сочтен достаточным поводом для объявления войны и, стало быть, требования репараций. – Задиг подался вперед: – Уверьтесь, биби-джи: когда придет пора делить деньги, о доле Бахрам-бхая не забудут.

– В том-то и беда, что представлять наши интересы некому, – сглотнув рыдание, сказала Ширин. – Братья и зятья заняты собственными делами, им недосуг совершить годовую поездку в Китай. Нет сына, нет наследника, который заменил бы моего мужа, и в том отчасти виноват сам Бахрам.

– Что вы имеете в виду, биби-джи?

Ширин была так удручена, а сочувствие Задига так согрело, что неожиданно для самой себя она заговорила на тему, никогда и ни с кем не обсуждаемую.

– Наверное, вам это неведомо, Задиг-бей, но муж мой страдал изъясном, не позволявшим зачать сына. О том сказал садху, многих излечивший от подобной напасти. Он предложил исцелить и Бахрама, но тот лишь посмеялся. Ах, отнесись он к этому серьезнее, сейчас, возможно, все было бы иначе.

Задиг слушал внимательно, потом, задумавшись, надолго замолчал и вдруг сказал по-английски:

– Позвольте вопрос, биби-джи?

Ширин взглянула удивленно, но часовщик ее остерег, кивнув на служанку.

– Можно кое о чем вас спросить?

– Да, спрашивайте.

– Скажите, вы когда-нибудь выходите из дома?

Вопрос поверг Ширин в недоумение.

– Почему вас это интересует?

– Спрошу иначе: можем ли мы поговорить наедине, чтобы нас не слышали ваши родные и слуги?

Ширин сообразила быстро.

– В четверг годовщина смерти миссис О’Брайен, моей наставницы в английском. Я приду в церковь Богоматери Славы, чтобы поставить заупокойную свечу.

– Католическая церковь в районе Мазагон?

– Да.

– В котором часу?

В коридоре послышались шаги брата, и Ширин прошептала:

– В одиннадцать утра.

Задиг кивнул и тоже ответил шепотом:

– Я буду там.

Сквозь слезы Кесри смотрел вслед удалявшейся повозке, и ему казалось, что в пыли, поднятой ее колесами, похоронены все его надежды.

Из речи хавильдара он не упустил ни слова: вопросы касты и веры его волновали мало, а вот рассказ об оружии и тактике боя вновь всколыхнул мечты о солдатской службе, только теперь хотелось стать уже не просто вооруженным бойцом, но сипаем в батальоне под началом Бхиро Сингха. Конечно, устаревшие способы войны никуда не годились, новые гораздо

привлекательнее. Истинное военное искусство в том и состоит, чтобы приспособиться к обстановке, перехитрить врага и победить, да еще всем этим заработать деньги.

Невероятно, что Бхим упустил такую возможность. Кесри отвел брата в сторонку и спросил:

– *Батаво*, почему ты отказал хавильдару? Боишься отца?

– Нет, – помотал головой Бхим. – Я Бхиро Сингха боюсь. Уж лучше поехать к дьяволу, чем к нему.

– Ты что? Не понимаешь всей выгоды его условий?

Брат лишь пожал плечами и ковырнул ногой землю.

– Эх, будь я на твоём месте... – Кесри горестно вздохнул.

– И что бы ты сделал? Поехал с Бхиро Сингхом?

Кесри кивнул, смаргивая подступавшие слезы.

– Я бы минуты лишней не потратил и уехал с ним прямо сейчас...

Если прежде желание распрощаться с домом саднило тупой болью, то теперь жгло огнем. Жар этот створожил плотный завтрак, и Кесри вырвало на глазах у всей семьи.

Сия неприятность хотя бы дала повод уединиться. Весь день Кесри провел в постели и заснул рано. Утром предстояла поездка на ярмарку, но он боялся не выдержать зрелища, в котором брата благословляют на службу в Дели, и, сказавшись больным, остался дома.

После отъезда домашних Кесри наведалься в амбар, где отец хранил опий, и, отщипнув чешуйку, отправил ее в рот. Вскоре он уснул и потом даже не шевельнулся, сквозь сон услышав, что родные вернулись домой. Уже наступил вечер, никто его не потревожил, и он опять уплыл в дрему.

Глубокой ночью его разбудил шепот над ухом:

– *Утхелу, бхайя*, просыпайся, брат! Идем!

Все еще очумелый от опия, Кесри, держась за брата, прошел по спящему дому и выбрался к чарпае под манговым деревом.

– Поторопись, Кесри-бхайя, – зашептал Бхим. – Тебя ждет Бхиро Сингх-джи.

– *Ка кахрелба?* Чего ты несешь? – Кесри протер глаза.

– Все так. На ярмарке я переговорил с хавильдаром – мол, ты хочешь служить в его армии, но бабу-джи против и не даст своего согласия. Что мне до воли вашего отца, сказал Бхиро Сингх, он мне не родич, плевать я хотел на его взгляды. Калькутта далеко, там ему парня не достать.

Сна как не бывало.

– А ты что? – спросил Кесри.

– Я сказал, что без отцовского позволения тебе не найти денег на снаряжение и коня. Конь не нужен, ответил хавильдар, в Калькутту поплывем на корабле. Что до прочего, он даст тебе займы, долг вернешь потом.

– Что еще?

– Если парень решил твердо, сказал он, пусть с рассветом приходит к причалу, там стоит наше судно, мы будем его ждать. *Дер на хой*, не опоздай.

– Правда? – воскликнул Кесри. – Не путаешь?

– Нет, не путаю. Уже светает. Не теряй времени, тогда поспеешь.

Несмотря на жгучее желание уехать, Кесри не хотел подставить брата под гнев отца. Но Бхим заверил, что все будет хорошо и без всяких последствий, ибо отец никогда не догадается о его участии в этой затее. Может, он, Бхим, еще окажется в выигрыше и теперь его оставят дома, что совсем даже неплохо. Да и Кесри наверняка простят, как только он начнет присылать деньги.

Кесри и не подозревал, что брат способен так тщательно все рассчитать.

– Это твой план? – спросил он. – Ты сам его придумал?

– Да что ты! – Бхиро помотал головой. – Это все Дити, ее идея. Велела отыскать хавиль-дара и научила, что сказать. Она все продумала. Даже вот об этом позаботилась. – Он протянул брату узелок. – Здесь чистые дхоти и лепешки. Другого тебе не надо. Ну давай, поспеши!

2 сентября 1839

Гуанчжоу

Вчера меня вновь пригласили на встречу с Чжун Лоу-сы в печатне Комптона.

День был погожий, и мы уселись во дворе под вишней. После короткого обмена любезностями опять заговорили о британской агрессии против Китая. Нынче Чжун Лоу-сы был чуть откровеннее и дал понять, что знаком с гуляющими слухами.

Потом, откашлявшись, он сказал, очень мягко, словно подчеркивая сложность и деликатность затронутой темы:

– Вы, А-Нил, родом из Бан-гала, верно?

– *Хай, Лоу-сы.*

– Мы слышаны, что в Бан-гала под британским правлением люди несчастны. Говорят, зреет восстание против англизи. Так ли это?

Я помолчал, собираясь с мыслями.

– Простого ответа на ваш вопрос, Лоу-сы, не имеется. Да, в Бенгалии под иноземным правлением многие несчастны. Но в то же время немало тех, кто, сотрудничая с британцами, разбогател и ляжет костью, чтобы они удержались у власти. Есть и такие, кто всей душой с ними, ибо они принесли мир и покой. Люди помнят бедлам былых времен и не желают его возврата.

Чжун Лоу-сы сложил руки на коленях и чуть подался вперед, сверля меня взглядом.

– А что насчет вас, А-Нил? Как вы относитесь к англизи?

Вопрос застал меня врасплох.

– Что вам сказать? Мой отец был среди тех, кто поддерживал Ост-Индскую компанию, и я вырос под властью англичан. Но в конечном счете моя семья лишилась всего. Мне пришлось покинуть родину и искать средства к существованию на чужбине. Наверное, можно сказать, что для меня и моих близких британское правление – напасть, которую мы сами же и сотворили.

Комптон и старец слушали внимательно и переглянулись, когда я смолк. Потом заговорил печатник, словно излагая нечто, загодя приготовленное:

– Чжун Лоу-сы просит передать, что он помнит и весьма ценит помощь, оказанную вами в прошлом. Во время давешнего конфликта с чужеземными купцами вы снабдили нас полезными сведениями и дельным советом. Как вы знаете, ныне мой учитель руководит бюро переводов и сбора информации; он считает, что можно еще немало от вас почерпнуть. – Комптон помолчал, давая мне усвоить им сказанное. – Чжун Лоу-сы интересуется, не желаете ли вы работать с нами. В ближайшие месяцы нам понадобится человек, владеющий индийскими языками. Разумеется, вам положат жалованье, но какое-то время вам придется жить здесь, в Гуанчжоу. Кроме того, на этот срок вы обязуетесь прекратить все сношения с Индией и чужеземцами. Что скажете?

Слова “я опешил” не выразят и десятой доли моего ошеломления: я вдруг понял, что мне предстоит выбор одной из сторон, что всегда было чуждо моей натуре. Я извечно гордился своей обособленностью – свойством, как сказал Панини²⁸, необходимым тому, кто изучает лингвистику. Оттого-то мне сразу понравился Комптон, ибо я распознал в нем родственную душу, которую слова и явления увлекали лишь одним своим существованием. Однако

²⁸ Панини (предположительно V век до н. э.) – древнеиндийский лингвист, автор санскритской грамматики.

сейчас от меня ждали присяги на верность не одному другу, но многочисленному народу, целой стране, с которой меня почти ничто не связывало.

В ту минуту перед глазами промелькнула вся моя жизнь. Вспомнились мистер Бизли, учитель английского, наставлявший меня в чтении, и мое восторженное наслаждение книгами Даниеля Дефо и Джонатана Свифта, и долгие часы, в которые я заучивал наизусть отрывки из Шекспира. Однако в памяти всплыла и та ночь, когда в тюрьме Алипор я пытался говорить по-английски с дежурным надзирателем, уделявшим моим словам внимания не больше, чем карканью вороны. А на что я рассчитывал? Глупо надеяться, что владение языком и пара-другая прочитанных книг – ключ к взаимопониманию между людьми. Мысли, книги, слова скорее усиливают разобщенность, ибо они истребляют твои прежние интуитивные привязанности. И потом, кому я должен быть верен? Уж только не бенгальским заминдарам, не шевельнувшим и пальцем, чтобы избавить меня от тюрьмы. И не своей касте, которая теперь во мне видит парию, падшего и опороченного. Может, отцу, чье распутство обеспечило мою гибель? Или британцам, которые, узнав, что я еще жив, загнали бы меня на край света?

А на другой стороне – Комптон и Чжун Лоу-сы с их просьбой поделиться единственным, что воистину принадлежит только мне, – знанием мира. Годами я забивал себе голову бесполезными сведениями, коим почти нигде не найти применения, и вдруг удача – такое место нашлось. Так сложилось, что я стал кладезем знаний, которые могут пригодиться моим собеседникам.

В результате чашу весов перевесили не преданность, каста или дружба, но мысль, что ничкемность вроде меня и впрямь может быть полезной.

Я молчал так долго, что Комптон спросил:

– *А-Нил, ней цзоу мх цзоу аа?* Так вы согласны или нет? Или вам нужно время подумать?

Я отставил чашку и покачал головой:

– Нет, раздумывать не о чем. Я охотно принимаю предложение и буду рад остаться в Гуанчжоу. В иных местах я не требуюсь.

– *Дим саай?* – улыбнулся Комптон. – Значит, решено?

– *Цзау хай ло.* Да, решено.

Костюм, выбранный мистером Дафти для бала-маскарада, был прост: пара простыней, схваченных булавками и заколками.

– Тога, мой друг! Лучшая придумка римлян. В ином наряде танцы станут кошмаром.

Одеяние и крепеж были приготовлены в гардеробной. Следуя указаниям лоцмана, Захарий разоблачился до исподнего и завернулся в простыни.

– Теперь вон тот край слегка засупоньте и присобачьте туда булавку... Во, в самый раз! Шабаш! Красота!

Чтобы все надлежаще засупонить и присобачить, ушел битый час. В столовую, где их ждал аперитив, Захарий и мистер Дафти вошли в одинаковых нарядах, с которыми слегка не сочетались носки на подвязках и начищенные башмаки.

За обедом к ним присоединилась миссис Дафти, одетая троянской Еленой: ниспадающий белый балахон и диадема в блестках. Захарий сделал комплимент ее костюму, и она смущенно зарделась:

– Ой, что вы, меня затмят другие дамы. Говорят, миссис Бернэм предстанет Марией-Антуанеттой!

Мистер Дафти подмигнул Захарию:

– Я думаю, там в одном только корсете *толы*²⁹ две чистого золота!

²⁹ Тола – индийская мера веса, приблизительно 12 граммов.

Отобедав, они вышли на улицу и сели в нанятый лоцманом экипаж, который доставил их в район Чоуринги к ратуше на Эспланад-роу, месту проведения бала.

Одно из самых величественных в Калькутте, здание впечатляло массивными колоннами и парадной лестницей. Когда наши пассажиры высадились из экипажа, сквозь распахнутые двери ратуши, числом четыре, уже лилась музыка. Следуя в потоке гостей, Дафти шепотом знакомил Захария со знаменитостями:

– Вон генерал-губернатор, рядом с ним командующий сэр Хью Гоф, а вон там лорд Джоселин, который ходит на задних лапках перед мисс Эмили Иден³⁰, сестрой губернатора.

Актный зал ратуши приготовили к балу: ярко горели газовые лампы, под потолком висели гирлянды из цветных лент. Вдоль одной стены были устроены занавешенные закутки с креслами и кушетками, где притомившиеся танцоры могли бы перевести дух. В дальнем конце зала расположился оркестр шотландского полка – музыканты в килтах и со спорранами³¹.

Остановившись в дверях, Дафти обвел рукой сверкающий зал с кружащимися парами:

– Любуйтесь, Рейд, такой чакмак увидишь нечасто!

Захарий согласился, что зрелище и впрямь впечатляло. Не успел он толком оглядеться, как миссис Дафти подхватила его под руку:

– Идемте, я представлю вас барышням.

– Но я собирался ангажировать вас на первый танец.

Звонко рассмеявшись, миссис Дафти отвергла приглашение:

– Свой долг кавалера исполните позже. Дамы в жизни не простят, если мы вас монополизируем.

После двух-трех знакомств Захарий понял, что многие дамы читали о нем в “Калькуттской газете” и горят желанием узнать о его приключениях побольше. Изобилие партнерш, пунш, музыка и танцы сулили веселье напропалую.

Однако Захарий не пропустил появление на балу миссис Бернэм в необычном притягательном наряде: шелковое белое платье, широкое в подоле, облегающее в лифе и затянутое в талии. Щедро напудренные волосы были собраны в высокую прическу, напоминавшую улей.

Судья Кендалбуш тотчас увлек ее на середину зала. То и дело Захарий видел свою хозяйку, мелькавшую в толпе танцоров, и, хотя она не подала виду, что заметила его, все время отыскивал ее взглядом. Он бы не отважился пригласить миссис Бернэм на танец, если б не старый лоцман.

– Вы уже отметились в списке ее кавалеров? – спросил Дафти. – Кажется, я не сказал, что существует традиция: молодые моряки приглашают знатных дам на тур вальса. Не стоит пренебрегать своими обязанностями, мой замечательный юный друг.

Возможность исполнить долг выдалась лишь около полуночи; в короткое затишье между танцами Захарий, оказавшись рядом с хозяйкой, отвесил учтивый поклон:

– Вы позволите пригласить вас, миссис Бернэм?

Та нахмурилась, и он приготовился к резкому отказу. Однако миссис Бернэм пожала плечами и в своей обычной надменной манере проговорила:

– Почему бы и нет? В конце концов, это бал-маскарад, где не требуется особая разборчивость.

Оркестр заиграл полонез, размеренным шагом пары двинулись по кругу. Хоть темп был невысок, Захарий подметил, что партнерша его дышит тяжело, а потом еще услышал звук, похожий на скрип трущихся друг о друга костей. До сих пор он старался не пялиться на миссис

³⁰ Хью Гоф (1779–1869) – британский военачальник. Роберт Джоселин (1816–1854) – британский военный и политик-консерватор. Эмили Иден (1797–1869) – английская романистка, описавшая свое путешествие в Индию.

³¹ Спорран – поясная сумка-кошель для мелких предметов, поскольку в килте и пледе нет карманов.

Бернэм, но теперь, скосив взгляд на ее бюст, который был еще пышнее обычного, понял, что скрип издает слишком сильно затянутый корсет.

Захарий поспешно отвел взгляд и сказал:

– Много народу, правда?

– И не говорите! Так тесно! И ужасная духота! Просто нечем дышать!

Оркестр перешел на вальс, заставив ускорить темп. После нескольких энергичных оборотов миссис Бернэм так побагровела, что Захарий обеспокоился и уже хотел предложить ей передохнуть, но она сама высвободилась из его объятий и схватилась за грудь:

– Я задыхаюсь, мистер Рейд!

– Позвольте, я провожу вас к креслу.

– Будьте так любезны.

Захарий посмотрел по сторонам, но кресел нигде не было, зато прямо за своей спиной он обнаружил зашторенную нишу и, откинув занавесь, увидел свободную кушетку, освещенную канделябром.

– Извольте сюда, миссис Бернэм.

– Ох, слава богу... – Мадам опустилась на кушетку. – Пожалуйста, задерните драпировку. Я не хочу, чтобы меня видели в таком состоянии.

– Да-да, конечно.

Захарий задернул штору и посмотрел на прерывисто дышавшую хозяйку, на лице которой рдели лихорадочные пятна.

– Может, кого-нибудь позвать? Давайте я приглашу миссис Дафти, она вам поможет.

– Нет-нет, мистер Рейд! Боюсь, не успеем. Пока вы за ней ходите, меня, чего доброго, хватит удар.

– Неужели все так плохо? – всполошился Захарий.

– Нельзя терять ни минуты. Соболаговолите присесть. – Миссис Бернэм похлопала по кушетке рядом с собой.

– Извольте. – Захарий сел, и мадам тотчас повернулась к нему спиной:

– Я буду чрезвычайно признательна, если вы расстегнете верхние пуговицы на платье.

Вам откроется край шнуровки, нужно лишь ее распустить.

Захарий сумел побороть нараставшую панику.

– Хорошо, я постараюсь.

К счастью, яркое освещение помогло без особого труда отыскать хитроумно скрытые пуговицы. Захарий выпростал их из шелковых петель, ткань разошлась, и взору предстало, как было обещано, нечто вроде шнуровки. Захарий потянул за кожаный хвостик, что-то звучно хрустнуло, и мадам тотчас расслабилась.

– Благодарю вас, мистер Рейд! Вы спасли меня... Я чрезвычайно признательна!

Теперь грудь миссис Бернэм вздымалась и опадала равномерно, и Захарий, вытянув шею, бросил взгляд на драгоценный кулон, висевший точно над кромкой декольте. Кончик его, украшенный сверкающим бриллиантом, указывал в бархатистую тьму ложбины меж грудей. На каждом вдохе сия таинственная впадина как будто увеличивалась в размерах, чем буквально приковывала взгляд, и Захарий непроизвольно придвинулся ближе.

И тут миссис Бернэм, готовая вдохнуть полной грудью, расправила плечи и вдруг взмахнула руками, точно крыльями, причем одна рука ее чиркнула по коленям Захария.

Прикосновение было легким, как перышко, однако мадам испустила придушенный вскрик и мгновенно обернулась, устремив взгляд вниз. Проследив за ним, Захарий пришел в ужас: распахнувшаяся тога явила на свет его подштанники, в промежности вздыбившиеся шатром.

Он поспешно прикрылся, но было поздно. Зажмурившись, миссис Бернэм откинулась на валик кушетки и схватилась за сердце.

– О-о, немыслимо... никогда в жизни... как стереть картину, что видели мои глаза...

От позора Захарий стал даже не красным, а пурпурным и только сумел пролепетать:

– Пожалуйста, простите, миссис Бернэм... мне очень жаль...

– Жаль? Это все, что вы можете сказать?

Во рту пересохло, Захарий охотно лишился бы чувств, но подлый организм в этом ему не помог.

– Понимаете, дело в том, что последнее время я очень нездоров, – промямлил Захарий. В ответ раздалось этакое шипенье, а он все не мог подобрать нужные слова: – Войдите в положение... такое случается... вроде как питомец, сорвавшийся с поводка...

– Вот как? Это, стало быть, ваш питомец?

От стыда Захарий уже плохо соображал.

– Простите. – Он встал и взялся за штору. – Я сожалею, иного сказать нечего, миссис Бернэм. Пожалуй, мне лучше уйти.

Захарий полагал, от него только рады избавиться, но он ошибался. Миссис Бернэм остановила его властным жестом:

– Не вздумайте! Слышать ничего не желаю! Совесть не позволит мне отпустить вас на танцы, мистер Рейд. Если уж дама моего возраста сподобила... вашего питомца... на столь скверное поведение, страшно подумать, что он выкинет от вида хорошеньких барышень. Вообразите, что будет, мистер Рейд, если нежное создание вдруг приметит... вашего питомца? Не удивлюсь, коли девица сомлеет либо с визгом кинется вон! Вы представляете, какой разразится скандал от известия, что мы приютили вас у себя? Что тут говорить, репутация наша погибнет безвозвратно. – Мадам смолкла, переводя дух. – Нет, мистер Рейд, этого я не допущу, было бы преступно в таком виде выпустить вас в зал. Вы и впрямь нездоровы, вас поразила ужасная болезнь. Еще хорошо, что я не столь впечатлительна, как юная дева. К счастью, в жилах моих течет кровь большого рода отважных солдат. Да будет вам известно, мой дед участвовал в битве при Вандиваше, а отец сражался под Асаи. Я женщина сильная и не уклонюсь от исполнения своего долга. Пока вы под моим надзором, вы безвредны, и моя святая обязанность проследить, чтобы вы благополучно покинули пределы зала. Я лично препровожу вас на баджру. Немедля.

Захарий был сломлен окончательно. Понурившись, точно провинившийся школяр, он пробормотал:

– Хорошо, идемте.

Миссис Бернэм повернулась к нему спиной и жестко скомандовала:

– Будьте любезны застегнуть пуговицы. В смысле, мои.

– Слушаюсь.

– Благодарствуйте. – Мадам встала и, глядя в сторону, спросила: – Ваше состояние позволяет вам появиться на людях? Питомец ваш надлежаще обуздан?

– Да, мэм.

– Что ж, идемте. Делаем веселые лица и пробираемся к коляске.

Вскинув подбородок, миссис Бернэм отдернула штору и внедрилась в толпу. Не поднимая глаз, Захарий покорно трусил следом. Они покинули зал и прошли к дороге, где стояла хозяйкина коляска.

В экипаже оба расселись друг от друга насколько позволяло сиденье. Лошади взяли резвой рысью, пассажиры молчали, каждый смотрел в свое окошко. Наконец миссис Бернэм тихо, но твердо проговорила:

– Вы сознаете, мистер Рейд, что сами навлекли эту болезнь?

– Я вас не понимаю, мэм.

– Неужели? – Мадам резко повернулась к собеседнику, глаза ее полыхали. – Если вы полагаете свой недуг тайной, вы заблуждаетесь, мистер Рейд. Мир оповещен об этой скверне отважными докторами, один из которых, к вашему сведению, сейчас воюет с ней в Калькутте.

Я была на его лекциях и теперь прекрасно, как не мешало бы и вам, понимаю, что неестественная возбудимость вашего... питомца суть прямое следствие неких гадких... упражнений, названия коих, уж увольте, я не стану оглашать. Достаточно сказать, что они наводят на мысль о крае тьмы и вырождения. Так зачем марать уста, если вы, как я понимаю, далеко не чужак на берегах сего края, верно?

Захарий вдруг разозлился.

– Как вы смеете выдвигать подобные обвинения, мадам? На каком основании? Где свидетельства?

– Свидетельствуют мои собственные глаза, мистер Рейд. Вернее, мой бинокль. В тот день я наблюдала приступ вашего нездорового возбуждения, заставивший вас скинуть одежду и броситься в реку. Не понимаю, с чего вы решили, что облегчите свое состояние скрытно, коль совершали сей акт у всех на глазах.

Ошеломленный Захарий попытался возразить:

– Но я не... вы ошибаетесь, мадам... Заверю вас, я не делал того, о чем вы говорите.

– А чем же вы занимались?

– Осмелюсь доложить, я просто драил штырь.

– Ха-ха! – Миссис Бернэм саркастически усмехнулась. – Вот, значит, как вы это называете? Еще скажите, что “свежевали хорька”. Или, может, вы “душили гуся”?

– Нет, вы не поняли, это был крепежный штырь.

– И вы его, конечно, смазывали, да? – Мадам рассмеялась. – Не считайте меня несмышленной дурехой, мистер Рейд, это, уж поверьте, не про меня. Я много старше вас, и одурачить меня непросто. Если угодно, мне известно значение таких выражений, как “понежить удава” и “терзать пушку”. Знаете, мне даже знакомы варианты вроде “доить бычка” и “чистить дуло”. Но это неважно, ибо смысл у них один. Негоже, мистер Рейд, скрываться от истинных причин вашего печального состояния. Вы больны, и первый шаг к излечению – признать себя жертвой недуга. – Она сочувственно хлопнула Захария по руке и продолжила уже мягче: – Вам потребна помощь, и я ее окажу. Я понимаю, вы оказались на чужбине, один, без друзей, но знайте: пока я жива, вы всегда найдете во мне опору. Я не побоюсь утратить небольшую долю собственной благопристойности, дабы спасти вас от греха и порока. Моя жертва – ничто по сравнению с подвигом миссионеров, ежедневно рискующих оказаться в котле дикарей. Долгие годы мой муж отдавал все силы спасению заблудших девиц от жизни в грехе. Будет только правильно, если то же самое я сделаю с вами. Я договорюсь о вашем приватном осмотре специалистом, дабы получить его рекомендации по курсу лечения.

Коляска подъехала к особняку Бернэмов и остановилась там, где от дороги ответвлялась тропка, уводившая к пришвартованному плавучему дворцу.

Захарий соскочил на землю, пробурчал пожелание доброй ночи и поспешно зашагал прочь, но его нагнал оклик миссис Бернэм, высунувшейся в окошко:

– И попомните, мистер Рейд: руки – для молитвы! Будьте сильным. Вместе мы одолеем заполонивший вас мрак, уж в том не сомневайтесь!

Глава 4

Первое путешествие Кесри вниз по Гангу вышло долгим, ибо на пути к военному городку в Барракторе трехмачтовый пулвар останавливался у каждой пристани. Однако поездку отметили события, еще не изведенные в короткой жизни Кесри и оттого надолго засевшие в память.

Именно тогда он познакомился с Хукам Сингхом, будущим своим зятем и мужем Дити. Они были почти ровесники, но племянник Бхиро Сингха уже пару лет отслужил в полку и сейчас командовал новобранцами, которых вместе с Кесри набралось шесть человек.

Хукам Сингх, рослый здоровяк, любил задирать тех, кто слабее. Но Кесри, не уступавший ему ни сложением, ни силой, не был с ним так почтителен, как другие рекруты. Хукам Сингху, уже привыкшему командовать молодыми, это, разумеется, не нравилось. Он быстро понял, что парня не запугать, и сменил тактику: оскорблял, ехидничал, высмеивал смуглость Кесри и постоянно напоминал, что тот покинул дом без гроша в кармане и едет на одолженные деньги. Причем не всегда в лицо – Кесри прознал, что втихомолку подвергаются сомнению его происхождение и родословная, а также распускаются слухи, будто родные просто выгнали его из дома.

Первое время Кесри, закусив губу, не отвечал на провокации. Но Хукам Сингх пошел дальше: однажды бросил на палубу грязные ланготу и жилетку и велел Кесри их как следует постирать.

Тому ничего не осталось, как встать в позу – он дернул плечом и отвернулся, чем ужасно разозлил оппонента.

– Не слышал, что ли? Давай принимайся!

– А то – что?

– Доложу хавильдару, моему дяде.

– Валяй.

– Ну смотри...

Хукам Сингх побежал разыскивать дядю, и вскоре новобранцам приказали построиться на баке, где обычно хавильдар проводил свои дни, наслаждаясь свежим ветерком. Сейчас он возлежал на чарпае и покуривал кальян, глядя на медленно проплывавшие берега. Хавильдар поманил к себе Кесри и велел сесть перед ним на корточки, после чего надолго замолчал, сосредоточившись на кальяне. Вскоре у Кесри заломило затекшие ноги.

– *Э хам ка сунa тани?* – наконец промолвил Бхиро Сингх. – Что это мне доносят? Дескать, ты слишком много о себе понимаешь.

Кесри промолчал, но от него и не ждали ответа.

– Конечно, мне следовало учесть, – продолжил хавильдар, – что парень, вопреки воле отца убежавший с чужаками, не что иное, как пиздюк и засранец.

Неожиданно он вскинул руку и ударил Кесри по лицу. Хавильдар был гораздо массивнее и мощнее, и Кесри, в общем-то, еще малец, от оплеухи опрокинулся навзничь. В голове звенело, в нос шибануло запахом крови. Кесри провел ладонью по лицу и увидел кровавый след. Бхиро Сингх ударил его рукой, в которой был зажат мундштук кальяна, разодравший ему щеку. Прежний опыт борцовских схваток к такому не подготовил.

Вновь раздался голос хавильдара:

– Пора тебе усвоить главное правило солдатской службы – подчинение приказу.

Кесри так и лежал на палубе. Приподняв голову, он увидел высившегося над ним Бхиро Сингха. Хавильдар занес ногу и наградил его пинком, от которого он покатился по доскам палубы. Поддерживая дхоти, Бхиро Сингх шел следом, угощая новыми пинками и стараясь отращенным ногтем большого пальца угодить точно между ягодиц, прикрытых тонкой тканью ланготы.

Потом Кесри отер глаза и медленно встал на четвереньки. Испуганные новобранцы сбились в кучу, переводя взгляды с него на хавильдара, который в одной руке сжимал окровавленный мундштук, а другой, нырнувшей под дхоти, почесывал в паху.

Кесри понял, что экзекуция – своего рода представление, устроенное для всех рекрутов, которые должны осознать: причинить боль и унижить – хавильдару одно удовольствие.

Бхиро Сингх бросил мундштук на палубу:

– Иди-ка отмой с него свою юшку. И запомни: это была лишь первая доза лекарства. Не поможет – усилим лечение.

Врачевание оставило синяки на теле Кесри, однако он одержал маленькую победу, замеченную всеми рекрутами, – приказа на стирку чужого исподнего не последовало, и Хукам Сингх не осмелился напомнить дяде свою исходную жалобу. Кесри сделал вывод, что хавильдар не особо чтит племянника, а тот боится родича, но отчаянно пытается ему подражать – вот на этой-то вредоносной почве и произрастали его кичливость и злоба.

После того случая отношение молодого начальника к Кесри слегка изменилось, теперь он воздерживался от ядовитых шпилек и, похоже, понял, что рекрут не примирится с положением слуги. Иногда он даже как будто признавал, что Кесри, пожалуй, годен к солдатской службе более остальных новобранцев.

Близился конец путешествия, и рекрутам не терпелось узнать, что за жизнь их ожидает. Особенно их интересовал вопрос *варди*, военной формы. К безмерному огорчению новобранцев, сопровождающие сипаи ехали в гражданском, никто из них ни разу не облачился в военный наряд.

Наконец Хукам Сингх уступил настойчивым просьбам, согласившись показать свою форму, но категорически отказался ради чьей-то прихоти выступать в роли обряженной куклы. Если юнцы так желают показа, пусть кто-нибудь из них станет портняжным манекеном.

Вопреки первоначальному порыву, добровольцев не нашлось. Нужной статью обладал только Кесри, но ввиду натянутых отношений с начальником он тоже не вышел из строя.

В результате Хукам Сингх сам его вызвал и приказал снять дхоти и *джаму*³². Кесри разоблачился, и начальник, кивнув на его ланготу, прикрывавшую чресла, сказал, что ее, как и дхоти, и нательную рубаху *унга*, можно носить только вне службы, но никак не с формой. Англичане требовали, чтобы солдаты надевали подштанники до колен, известные как *джанги*. Если на осмотре ты окажешься в ланготе, огребешь неприятности.

– Почему? – удивились рекруты.

– Кто его знает, такая вот блажь.

Затем Хукам Сингх принес свой ранец, к верху которого была приторочена шаровидная медная фляга. По уставу, сказал он, сия посуда должна вмещать ровно один *сир*³³ жидкости и быть укомплектована веревкой, дабы при необходимости черпать воду из колодца. Солдат не растает с флягой никогда, даже в бою, а потеряет – мало не покажется. Офицеров хлебом не корми, только дай на параде полюбоваться рядами фляг, сверкающих под солнцем. На осмотре снаряжения первым делом проверяют фляги, и если они плохо вычищены, щедро сыплются штрафные наряды.

В следующую пару минут рекруты заворуженно следили за диковинными предметами, появлявшимися из ранца: железной сковородой для приготовления лепешек, шесть на три фута циновкой для ночлега, белой глиной для чистки кожаных ремней и сапог, покрывалом для утепления ночью. К снаряжению с полной выкладкой весом в половину маунда, то бишь почти пятьдесят фунтов, привыкнешь не сразу, сказал Хукам Сингх.

Затем появилась аккуратно сложенная форма.

³² Джама – рубаха типа накидки, которая завязывается сбоку.

³³ Сир – мера жидкости, около 1 литра.

Рейтузы – их надевали поверх джанги.

Эта деталь одежды озадачила рекрутов. Она смахивала на штаны, только без завязок. Кесри не представлял, как можно влезть в нечто, столь узкое в поясе.

Хукам Сингх показал застежку на боку, но и тогда Кесри с трудом втиснулся в это странное облачение. Еще никогда он не надевал ничего столь облегающего и, оглядев себя, не узнал собственных ног, которые будто стали длиннее и мускулистее.

Рекруты смотрели во все глаза, потом один спросил:

– А как быть, если надо помочиться? Все с себя снимать?

– Нет. – Хукам Сингх показал, как откинуть передний клапан, застегивающийся на две пуговицы.

Однако приспособление это не выглядело полезным – Кесри безуспешно попытался согнуть ноги в коленях.

– И все равно я не смогу сесть на корточки.

– В рейтузах это не получится, – сказал Хукам Сингх.

– Надо отливать стоя, что ли? – вытаращились рекруты.

– Поначалу это трудно. Ничего, привыкнете.

Из ранца появилась следующая деталь экипировки – манишка с завязками, похожими на те, которыми крепились дхоти. Следом ярко полыхнула алая тужурка.

– Это *курти*, – пояснил Хукам Сингх, помогая Кесри попасть в рукава. – У англичан точно такой же красный мундир, который они прозвали “обдергайкой”.

Когда полы тужурки стянули кожаной шнуровкой, Кесри почувствовал, как стало трудно дышать. Опустив взгляд, на груди он увидел три поперечные нашивки и два продольных ряда сияющих пуговиц.

– Они золотые? – спросил Кесри.

– Нет, медные, но все равно дорогие. Потеряешь пуговицу, из жалованья вычтут восемь *ана*.

Восемь *ана*! Выходит, пуговицы дороже любой одежды из гардероба Кесри. Однако цена их не казалась чрезмерной – будь они даже из чистого золота, вряд ли сияли бы ярче и красивее.

Горловина тужурки застегивалась еще одной шнуровкой, но, прежде чем ее затянуть, Хукам Сингх надел на Кесри шейный платок, яркостью не уступавший жесткому стоячему воротнику с золотистым галуном.

– Платок тоже казенный, офицеры требуют, чтоб мы его носили. Потеряешь – лишишься двухнедельного жалованья.

Застегнутый воротник ощущался ярмом. А с кушаком *камар-бандх*, затянутым на поясе, Кесри и вовсе почувствовал себя курицей, обвязанной для готовки. Он с трудом поворачивал голову, а воротник, подпиравший подбородок, мешал говорить. Да как же воевать-то в такой упаковке?

Вскинув голову, Хукам Сингх продемонстрировал стойку по команде “смирно”.

– В форме ты должен выглядеть браво: взгляд в небо, грудь колесом.

Приосанившись, Кесри покосился на свои плечи, украшенные желтыми крылышками, и вдруг почувствовал себя небывалым орлом-молодцом.

Вот только на голове его красовалась всегдашняя бандана, укрывавшая скрученные жгутом волосы. Хукам Сингх ее сдернул, и волосы рассыпались по плечам.

– Придется остричься. Офицеры не позволят прятать космы под кивером.

Из отдельного мешка он достал обтянутую черной блестящей тканью продолговатую шапку высотой в два фута.

Под ее весом подбородок ушел в воротник, и Кесри чуть не задохнулся. Казалось, голова придавлена грудой камней.

Хукам Сингх рассмеялся, видя растерянность новобранца. Он снял с него кивер и показал медный каркас под тканевой обшивкой:

– Носить тяжело, но в бою скажешь спасибо. Он защитит твою голову.

По очереди примерив кивер, рекруты не проронили ни слова: тяжеленная штукавина наглядно уведомила, насколько их новая жизнь будет отлична от прежней.

Близилась годовщина смерти учительницы английского, и Ширин все больше нервничала из-за условленной встречи с Задигом Карабедьяном. Оглядываясь назад, она не могла понять, почему так легко согласилась свидеться с ним, не имея ни малейшего представления о его целях.

Прежде ей бы и в голову не пришло встречаться с незнакомым, по сути, человеком, ничего о ней не знающим. Если родные, в том числе дочери, проведуют о тайном свидании, не избежать долгих неприятных разговоров. Однако она помнила, как тепло отзывался муж о своем старинном друге, и его появление казалось весточкой, посланной Бахрамом из могилы.

Церковь Богоматери Славы отстояла от дома Мистри недалеко, но пеший визит туда, хоть и в сопровождении слуг, вызвал бы пересуды, и потому Ширин попросила у братьев коляску. В день встречи она себя похвалила за это, ибо с утра небо набрякло тяжелыми тучами.

Дождь полил, едва коляска подъехала к церковным воротам. К счастью, грумы были к тому готовы, и под зонтиком один проводил Ширин до дверей храма. Оставив слугу дожидаться в крытой галерее, она купила свечи и вошла в церковь. Внутри было сумрачно: в непогоду высокие окна закрывали ставнями, и свет исходил лишь от редких мигающих ламп.

Лицо Ширин было скрыто ажурной шалью, которую она всякий раз надевала, выходя из дома. Сквозь дырочки накидки Ширин разглядела высокую фигуру на скамье в центре храма. Придерживая зубами вуаль, она медленно двинулась по проходу и, поравнявшись с тем человеком, на секунду остановилась, удостоверившись, что перед ней Задиг-бей. Чтобы и он ее узнал, Ширин отвесила легкий поклон и показала на дальний угол за колонной. Задиг кивнул, и она прошла к алтарю.

У нее дрожали руки, но она, приказав себе успокоиться, зажгла и поставила свечи. Затем медленно двинулась туда, где в тени угадывались контуры рослой фигуры. Усевшись на почтительном расстоянии от нее, сквозь накидку Ширин прошептала:

– Здравствуйте, господин Карабедьян.

– Доброго утра, биби-джи.

Барабанивший по крыше дождь был очень кстати – мешал подслушать их разговор.

– Говорите, Задиг-бей, времени мало, – все так же шепотом сказала Ширин. – На улице меня ждет коляска. Если нас с вами застанут, разразится скандал. Зачем вы хотели меня видеть?

– Да-да... сейчас... – как-то неуверенно откликнулся Задиг, но потом и вовсе смолк. Пришлось снова его подтолкнуть:

– Ну? В чем дело?

– Простите, биби-джи, – промямлил он. – Трудно говорить об очень личном, особенно когда...

– Что?

– Когда не знаешь, с кем говоришь.

– То есть? – удивилась Ширин. – Я вас не понимаю.

– Я видел ваш портрет в кантонской квартире Бахрам-бхая, но вряд ли узнал бы вас, если б встретил на улице. Есть вещи, о которых нелегко говорить с тем, кому никогда не смотрел в глаза.

Ширин почувствовала, как кровь бросилась в лицо. Завозившись с накидкой, она живо вспомнила иное время, когда открыла свое лицо незнакомцу. Это было в день ее свадьбы: она

сидела во главе стола и была охвачена таким смущением, что не могла поднять головы, как будто придавленной безмерным грузом. Как ни старалась, не было сил взглянуть на мужчину, с которым предстояло провести всю жизнь. В конце концов за дело взялась мать и запрокинула ей голову. Много лет спустя то же самое Ширин проделала со своими дочерьми. И сейчас она вновь ощутила себя девушкой, впервые открывающей лицо перед мужчиной.

В этом чувстве было что-то непристойное, и она поспешила его изгнать. Ширин подняла накидку и увидела, как удивленно округлились глаза Задига. Потом она отвернулась, а собеседник ее изумленно воскликнул:

– *Йа салам!*

– В чем дело, Задиг-бей?

– Простите, пожалуйста, я не ожидал...

– Чего?

– Что вы так молодо выглядите...

Ширин напряглась.

– И что?

Задиг кашлянул в кулак.

– Портрет, что я видел у Бахрам-бхая, не передает вашей красоты.

Ширин взглянула испуганно и опустила накидку.

– Не надо, Задиг-бей.

– Виноват. *Мааф киджие*, прошу прощения.

– Ничего. Однако поспешите объяснить, почему вы просили о встрече с глазу на глаз.

– Да-да, конечно. – Словно в нерешительности, Задиг сложил руки на коленях и откашлялся. – Не знаю, правильно ли я поступаю... такое поведать нелегко...

– Не тяните!

– Помните, давеча вы сказали, что Бахрам-бхай не оставил сына, который занял бы его место?

– Да, помню.

– Я подумал, вам следует кое-что узнать, и потому попросил о встрече.

– Говорите.

Задиг звучно сглотнул, от чего скакнул кадык на его тощей морщинистой шее.

– Видите ли, биби-джи, дело в том, у Бахрам-бхая *есть* сын.

Слова эти не вызвали отклика – Ширин подумала, что ослышалась из-за громко барабанившего дождя.

– Простите, я не разобрала, что вы сказали.

Задиг поерзал на скамье.

– Это правда, биби-джи. Бахрам-бхай породил мальчика.

Ширин помотала головой и, путаясь в словах, затараторила:

– Да нет, вы не в курсе... это просто невозможно, уж поверьте... мы были у лекаря, который в том разбирается... он прославленный знахарь... и сказал, что только после длительного лечения муж сможет зачать сына... – Она осеклась и смолкла.

– Простите, биби-джи, но я бы промолчал, если бы не знал наверняка, – очень мягко сказал Задиг. – Сын Бахрам-бхая уже юноша. За эти годы он многое пережил. И это одна из причин, почему я решил вас известить.

– Это неправда! Этого не может быть!

Ширин просунула руки под накидку и зажала уши. Казалось, осквернен не только ее слух, но вся она замарана своим согласием встретиться с человеком, который, не колеблясь, произносит непристойности в Господнем доме. Ширин испугалась, что от соседства с ним ее стошнит. Она с трудом поднялась и, совладав с голосом, проговорила:

– Я сожалею о нашей встрече. Вы лжец, грязный, позорный лжец. Вам должно быть стыдно за вашу клевету на того, кто считал вас другом.

Задиг ничего не ответил – понурившись, он замер на скамье. Ширин шагнула к проходу, и тогда ее нагнал его шепот:

– Не верите мне, спросите Вико. Он все знает. И расскажет вам.

– Нам больше не о чем говорить, – отрезала Ширин. Она вдруг подумала, что этот человек может увязаться за ней, их увидят грумы, и тогда родным станет известно о тайной встрече. – Если в вас осталась хоть капля чести, вы не тронетесь с места, пока я не уеду.

– Хорошо, биби-джи.

Ширин облегченно вздохнула и центральным нефом поспешила к выходу.

30 сентября 1839

Хонам

Уже приняв предложение Чжун Лоу-сы, я задумался о бытовых вопросах: где жить и чем питаться? Чрезвычайно нудная служба у мистера Кулиджа хотя бы обеспечивала кровом и столом. А что теперь?

Я решил переговорить с Аша-диди, хозяйкой единственной в Кантоне индийской харчевни. Эта женщина, которую здесь называют А-Цзе, может справиться с любой проблемой. Выходец из калькуттской китайской общины, в Кантоне она имеет многочисленные знакомства, ибо отсюда родом ее семья. Муж ее Бабурао (я пытался взять в обычай называть супругов их китайскими именами, но безуспешно, поскольку со мной они говорят на бенгали) тоже располагает обширными связями среди лодочного люда. Уж они-то, подумал я, знают, где можно снять комнату. И я не ошибся: стоило обмолвиться о моем затруднении, как Аша-диди сказала, что свободная комната имеется в доме-лодке, где обитают они с Бабурао, а также их дети и внуки. Лодка причалена на другом берегу реки возле острова Хонам. Аша-диди предупредила, что жильё, использовавшееся как чулан, потребует уборки. Ничего страшного, ответил я.

Но оказалось, что комната служила кладовкой и птичником одновременно. Я был абсолютно не готов к бурану из перьев и куриного помета, взметнувшемуся, едва открыли дверь. Когда пурга эта улеглась, я разглядел кур, унасестившихся на веслах, штабелях досок и реек, на румпелях, коромыслах и свернутых в бухты канатах. “Как же тут жить? – подумал я. – Нет даже кровати”.

Увидев мое лицо, Аша-диди рассмеялась.

– *Бхой пейо на*, не тревожьтесь, – сказала она. Всякий раз меня охватывает удивление, когда эта худенькая, подвижная женщина, в повадках и одежде неотличимая от прочих кантонских лодочниц, обращается ко мне на бенгали, да еще с калькутским выговором. Хотя чему тут удивляться, если в Калькутте она жила через несколько улиц от меня.

Но кое в чем Аша-диди истинная китайка – зря не тратит времени и слов: показав мне комнату, тотчас отдала распоряжения по ее уборке и мебелировке. Птичница, спутав курам лапы, унесла их прочь, словно связки квохчущих кокосов. Затем с полдюжины сыновей, внуков и невесток хозяйки отдраили пол от перьев и помета. Следом появилась мебель: стулья, табуретки и даже чарпая, проделавшая долгий путь из Калькутты в Кантон.

Покончив с обстановкой, Аша-диди прошла к двери в конце комнаты, которая вела, как оказалось, в небольшую пристройку.

– Тут маленькая *баранда*. Идите, гляньте.

На “веранду”, заваленную подгнившим брусом и канатами, я вышел опасно, готовый к неприятному сюрпризу в виде гусей или уток. Но меня накрыло, точно приливной волной, восторгом от возникшей панорамы города.

День стоял ясный, и видно было до самого холма Ву, высившегося над Гуанчжоу, я смог разглядеть даже огромное сооружение на его вершине – Чжэнхай Лоу, башню Умиротворения моря. На переднем плане противоположного берега я увидел иноземный анклав, водное пространство перед которым было запружено судами всевозможных форм и размеров: над лодками лавочников и извозчиков высились торговые джонки из Шанью, туда-сюда шныряли обтекаемые *кораклы* (вот в таком я ежедневно пересекаю реку, оплачивая проезд мелкой монеткой).

О чем еще мечтать – выйди на веранду и любуйся нескончаемой суетой!

Когда на город опускается вечер, река озаряется огнями. Сияя фонарями, мимо моей веранды проплывают знаменитые “цветочные лодки”, оставляя искристый след из мелодий и смеха. На некоторых лодках павильоны без боковых стенок, и ты видишь женщин, услаждающих клиентов музыкой и пением. Наблюдая за ними, я понял смысл фразы “В Кантон юноши приезжают себе на погибель”.

Расположение моего жилища просто превосходно: лодка причалена к острову Хонам, где несравнимо тише, нежели на густо застроенном северном берегу с раскинувшимся на нем Гуанчжоу. Контраст поразительный: там невиданная теснота и скученность зданий, а здесь леса да поля, деревушки, монастыри и большие поместья. Вокруг тишина и покой, но до печатни Комптона добраться легко.

Сама лодка-дом – неизменный источник развлечений. Порой ко мне заглядывают сыновья Аша-диди, и разговор наш частенько идет о Калькутте. Когда семья вернулась в Китай, они были совсем маленькие, но все же сохранили кое-какие воспоминания о городе. Интересно, что все знают хоть несколько слов на бенгали и хиндустани и любят пан-масалу. Малыши, внуки Бабурао и Аша-диди, тоже расспрашивают о Калькутте и Бенгалии. Крепость их связи с Индией удивительна, и причина, я думаю, в том, что прадед и прабабка малышей похоронены на китайском кладбище на берегу Хугли. Наверное, так и возникают узы, хотя это трудно понять человеку вроде меня, прах предков которого всегда развеивали над Гангом.

Старшая дочь, которую все зовут А-Маа, дольше других детей Аша-диди прожила в Калькутте. Она года на два старше меня и никогда не была замужем. Очень худа и не по возрасту морщиниста. Подобно всем *айбуро*, незамужним тетушкам, она присматривает за детьми и берет на себя хлопоты по ведению хозяйства. Ни секунды не сидит на месте, однако всегда окутана этакой легкой грустью. Из всего семейства она одна как будто была недовольна моим появлением. Со мной не разговаривает и даже не смотрит на меня, но прячет лицо, как поступают бенгальские женщины при чужом человеке. Мне это кажется странным, поскольку представительницы здешней лодочной общины не соблюдают пурду, не бинтуют ноги и не придерживаются ограничений, распространенных среди китайок. И потом, А-Маа не выказывает стыдливости перед другими посторонними.

У меня такое ощущение, что моя персона разбередила в ней какую-то старую рану. Однако ей не удастся, по примеру вековух, видеть во мне пустое место. Иногда принесет и молча сунет какое-нибудь блюдо с кухни Аша-диди. Я догадывался, что чем-то ее растрогивал, но только не понимал чем.

И вот два дня назад она сбивчиво заговорила со мной на бенгали, словно выковыривая камушки из тины своей памяти. Ее “калькуттское имя”, сказала она, Митху. И затем поведала свою историю: девушкой влюбилась в соседского парня-индуса, но обе семьи были против их союза. Ее родители прочили ей в мужа кого-то из местной китайской общины, но она, упрямец, отказала кандидату.

Шли годы, и потом уже стало поздно думать о замужестве.

В ночь перед прибытием на место новобранцы долго не могли уснуть. Теперь все они, подростки-одногодки, раньше никогда не покидавшие родительский кров, крепко сдружились.

Некоторые ребята из глухих деревенок повидали в жизни еще меньше Кесри. Самый неотесанный, нескладный паренек по имени Ситул в компании рекрутов считался шутком.

В ту ночь говорили о том, что их ждет и каково служить под началом английских офицеров. Больше других это беспокоило Ситула. Надясь, сказал он, один его родич наведлся в город, где много англов, и, вернувшись, поделился таким секретом, что вслух не произнести.

– Да что за секрет-то?

– Слово, что никому не скажете?

Получив клятву, Ситул поведал об открытии родича: женщины белых саибов – феи, у каждой имеется пара крыльев.

Слушатели недоверчиво фыркнули, и тогда рассказчик привел доказательство, которое его родич видел собственными глазами. Саиб с дамой ехали в экипаже; мало того, что дама была во всем белом под цвет волшебных крыльев, так еще у всех на глазах саиб обнимал ее за плечи, чтоб не улетела. Никаких сомнений, это была *пари*, фея.

Над деревенской доверчивостью Ситула посмеялись, но вообще-то все побаивались предстоящей встречи с белыми саибами, о которых в деревнях чего только не говорили.

Однако по прибытии в Баррапор это опасение поблекло перед необычностью всего остального. Судно еще даже не причалило, когда взору открылось невиданное здание – дворец с окнами на реку, с павлинами на крыше и огромным палисадником, полным удивительно ярких цветов.

Оторопь новобранцев позабавила Хукам Сингха. По выходным, сказал он, здесь отдыхает английский генерал-губернатор, но это просто домишко по сравнению с его чертогом в Калькутте.

Высадившись на берег, рекруты терялись, куда смотреть, ибо все было внове. Минуя высокий забор, они услышали звуки, от которых стыла кровь, – рев тигров, рык львов и леопардов. В деревнях такое слышалось лишь в отдалении, а здесь готовые напасть хищники были совсем рядом. Рекруты не кинулись наутек только потому, что не знали, в какую сторону бежать.

Хукам Сингх обозвал их набитыми дураками, посмеявшись над их испугом перед домашним зверинцем, где все твари сидят в клетках.

Следующей новинкой, от которой захватило дух, стал военный городок. Куда ни глянь, повсюду будки, шатры, невысокие дощатые постройки, а посредине большой плац, на котором марширует уйма солдат. И везде белые саибы в форме удивительных оттенков – муштруют сипаев или просто слоняются без дела. Однако самая-то невидаль, заставлявшая изумленно разинуть рот, – отсутствие у саибов бороды и усов, у всех лица гладкие, безволосые, точно у мальчиков или женщин.

Наконец добрались до пустой палатки, где новобранцам приказали ждать.

И вот тогда Ситул куда-то сгинул. Рекруты, оживленно обсуждавшие увиденное, сперва даже не заметили его исчезновения, но потом их внимание привлекли визг и вопли, доносившиеся снаружи. Выскочив из палатки, они увидели своего товарища, которого караульный волоком водворял на место.

Оказалось, у Ситула прихватило живот и он надумал облегчиться. Не знакомый с местностью, он, по деревенской привычке, цапнул флягу с водой и стал высматривать укромный уголок. Углядев подходящий проем в зарослях кустов, он, зорко озираясь, нет ли прохожих, вздернул дхоти, присел на корточки и, тужась, пустил ветры.

К несчастью, эти заросли были живой изгородью, окаймлявшей сад полковника. Что еще хуже, своим действием Ситул нарушил пикник полковых дам.

Вину за инцидент возложили на Хукам Сингха, не удосужившегося показать рекрутам нужник. Позже он от души взыщет с Ситула за его промах, а сейчас, исполняя приказ кара-

ульного, всю группу повел прямым в *пакхану*, от вида которой новобранцы засомневались, что когда-нибудь захотят справить нужду.

Над длинными канавами высились помосты с дырами, где на корточках сидели рядом солдаты, точно вороны на веревке. Одурачивающая вонь и ритмичные шлепки, доносившиеся из канав, неустанно напоминали о том, что грозит седоку, потерявшему равновесие.

Дома новобранцы нередко испражнялись на свежем воздухе, подставив лица ветерку, и, бывало, на такие посиделки отправлялись вдвоем или втроем, чтобы в случае чего защитить друг друга, но всегда находили какой-нибудь кустик, обеспечивающий уединение.

Рекруты поехали, представив себя в этакой шеренге, но через день-другой обвыклились и быстро усвоили неписанные правила: в утреннем аншлаге определенные места зарезервированы за старшими чинами, а молодежь допускается последней.

На третий день карантина новобранцев навестил сам Бхиро Сингх. Ребята впервые увидели хавильдара в военной форме; кивер делал его выше ростом, эполеты – плечистее, и вообще теперь он казался вдвое крупнее.

Бхиро Сингх отвел их к строению, похожему на контору, и, велев ожидать на веранде, скрылся внутри. Вскоре он вышел и взбеленился, увидев, что новобранцы уселись в теньке. Хавильдар устроил им взбучку, посулив порку, если подобное повторится, – сипай никогда не сядет, не получив на то приказа.

Перепуганные парни вскочили на ноги и замерли по стойке смирно.

Через минуту появился английский офицер с длинной палкой в руке. Ребята еще больше струхнули, решив, что грядет наказание за их провинность. Но палка оказалась мерной рейкой – офицер прошел вдоль строя, удостоверившись, что все рекруты ростом выше метки.

Кесри не мог оторвать взгляда от гладкого безбородого лица англичанина. Сам-то он холил свои усы, едва они начали пробиваться, и ему казалось невероятным, что кто-то добровольно откажется от такого достояния. Когда настала его очередь пройти измерение, он, взглядевшись, понял, что английская безволосость – отнюдь не природный изъян, но осознанный выбор: щетина на щеках офицера отчетливо свидетельствовала о регулярном бритье.

Покончив с измерением, англичанин сел за стол и, взяв перо, стал писать. Как и другие новобранцы, Кесри был грамотен – умел читать и писал на нагари³⁴, только медленно и неуверенно. Офицерское же перо так летало, что глаз не успевал за ним следить.

Потом англичанин передал бумагу Бхиро Сингху, и тот повел новобранцев к другому зданию. Кесри, оказавшегося во главе строя, вызвали первым – хавильдар знаком приказал ему следовать за ним, а другим оставаться на месте. Они вошли в комнату, где едко пахло лекарствами. Едва Кесри перешагнул порог, как хавильдар отступил в коридор и затворил дверь, оставив своего подопечного наедине с лекарем-англичанином и двумя женщинами во всем белом.

Лекарь заговорил на хиндустани, приказав новобранцу раздеться – снять не только джаму, но и дхоти с ланготой.

Поначалу Кесри решил, что ослышался. Он не мог и представить, что кому-то взбредет в голову просить его раздеться догола перед посторонними, двое из которых – женщины! Однако лекарь повторил приказ громче и требовательнее, а одна женщина еще и прикрикнула: мол, пошевеливайся.

Кесри вдруг вспомнил остережение отца: кто свяжется с этакой армией, потеряет дхарму. Теперь он осознал истинность этих слов, и его затопило раскаянием, что ослушался родителя.

Мысль об отце промелькнула молнией, а меж тем лекарь шагнул вперед, как будто намереваясь сорвать одежду с неслуха. Решение созрело мгновенно. Кесри метнулся к выходу, распахнул дверь и, проскочив мимо хавильдара с рекрутами, устремился к лагерному базару.

³⁴ Нагари – разновидность индийской письменности.

Если затеряюсь в толпе, думал он, удастся сбежать. А там будь что будет! Если что – вернусь домой.

Так быстро он еще не бегал. За спиной слышался голос Бхиро Сингха, но куда там хавильдару его догнать!

Кесри почти достиг цели, когда перед ним возник Хукам Сингх с двумя сипаями. Беглец заметил их слишком поздно, его схватили и пригвоздили к земле. В ушах гудела кровь, однако он слышал тяжелую поступь хавильдара.

– *Харамзада! Бахенчод!* – Бхиро Сингх, отдуваясь, сыпал бранью. – Вздумал смыться, ублюдок? Не я ли тебя, мерзавца, ссудил деньгами, да еще целый месяц кормил? А ты, пиздюк, решил, что меня можно обокрасть и дать деру?

Одна ручища хавильдара схватила Кесри за шкуру и вздернула на ноги, а другая сорвала с него дхоти и ланготу.

Собралась толпа. Бхиро Сингх крепко держал извивавшуюся голую жертву, поворачивая ее то задом, то передом к зевакам.

– Вот, гляньте, чего этот недоносок удумал скрыть! – Он швырнул Кесри на землю, ударил ногой и харкнул на него. – Ты же ничем не лучше сбежавшей дворняги. И не мечтай, что сможешь меня облапошить, как своего отца. Помощь не придет, и податься тебе некуда. Запомни накрепко: здесь твоя тюрьма, а я твой стражник.

Перед Кесри, прикрывшимся сорванной одеждой, забрезжила горькая истина этих слов: помощи ждать неоткуда, он стал изгоем и узником. Лишь теперь он осознал, что, сбежав из дома, распрощался не только с семьей и родиной, но и с собою прежним, у кого были четкие понятия о достоинстве, самоуважении и морали.

Важность этого открытия ничуть не померкла, когда он узнал, что и других новобранцев унтер-офицеры унижают так же, а то и хуже. Кесри сделал вывод: всякий солдат воюет на два фронта – против внешних и внутренних врагов. С первыми сражается ружьем, саблей и мускульной силой, а со вторыми – хитростью, терпением и обманом.

Последующие месяцы муштры прошли как в тумане, из которого проглядывали вехи побоев, угроз и недосыпа. Много раз представлялась возможность сбежать, но Кесри хорошо усвоил, что идти ему некуда и просить о помощи некого. Наконец настал день, когда на плацу были зачитаны первые четыре пункта воинского устава касательно дезертирства, и перед полковым знаменем новобранцы приняли присягу. Отныне жизнь их стала чуточку легче, ибо теперь они считались полноценными солдатами, хотя впереди их ждал еще месяц испытательного срока без жалованья и довольствия.

Именно в то время безденежья, когда новоиспеченные сипаи перебивались на две аны в день, в память о перенесенном унижении Кесри получил еще один урок, уже гораздо слаще, – он узнал, что в руинах поражения можно отыскать неожиданную награду.

Однажды он проходил мимо лагерных “красных барakov” и его окликнул женский голос: – Эй! Эй ты!

Голос исходил из ветхого строения, известного как *лал котха*, “красный дом”. Кесри подошел ближе, и верхнее приоткрытое окно распахнулось чуть шире, явив размалеванную девицу. Она улыбнулась и поманила – мол, заходи.

Узкой лестницей Кесри взошел наверх и увидел, что девушка ждет его на площадке.

– Как тебя зовут?

– Кесри Сингх. А тебя?

– Гулаби. Это ты тогда пытался сбежать от хавильдара Бхиро Сингха?

Кесри вспыхнул и огрызнулся:

– Тебе-то что?

– Ничего.

Девушка опять улыбнулась и провела его в комнату, где в углу стояла чарпая.

Кесри охватила паника: самоконтроль, выработанный им за годы тренировок, вдруг подвергся нападению доселе не изведенного безудержного желания. Нарушение спортивных установок обойдется недешево, увещевал внутренний голос, за удовольствие когда-нибудь взыщут высокую плату.

Кесри прижался спиной к двери и пробормотал:

– У меня, понимаешь, денег нет.

Он еще надеялся, что теперь его прогонят, но девушка усмехнулась и легла на чарпаю.

– Неважно, заплатишь как-нибудь потом, – сказала она. – Нам с тобой деваться некуда, мы оба *фауэс-ке-гхулам*, армейские невольники.

Колечко в носу хорошо сочеталось с нежным овалом ее лица. Ярко-алые и очень пухлые губы создавали впечатление, будто хозяйка их на что-то дует.

– Чего ты стоишь? – Девушка подошла к Кесри и отстегнула клапан его рейтуз, а затем распустила вязки джанги.

Совсем молоденькая, она, похоже, знала устройство форменных застежек не хуже самого Кесри, который так и застыл со спущенными до колен подштанниками.

Решив, видимо, что дальнейшего раздевания не требуется, девушка вернулась на кровать, чем еще больше смутила Кесри, скрещенными руками прикрывшего промежность.

Гулаби нахмурилась, словно не понимая, почему гость замер возле двери. Приподнявшись, она схватила его за руку и потянула к себе. Рейтузы и джанги уже сползли к лодыжкам, и потому Кесри засеменял, но все равно запнулся и рухнул на ложе.

На лице девушки появилась недоуменная улыбка, словно она не могла поверить, что на свете еще существуют мужчины, не ведающие, как поступать в таких случаях. Потом она посерьезнела и помогла Кесри выпутать ноги.

– *Пахли баар*, первый раз, что ли? – спросила Гулаби.

Кесри хотел соврать, но понял: его вовсе не пытаются унижить, просто девушка не подозревала, что бывают сипаи, совершенно не разбирающиеся в постельных делах.

Гулаби ему помогла, направив его руку в складки своей *гхарары*, однако вскоре рука заблудилась – Кесри даже не представлял, что на один наряд уходит столько ткани³⁵. В мечтах добраться до цели всегда было легко.

Но и когда рука наконец-то отыскала верную дорогу, все оказалось совершенно неожиданным: манкие места, прежде виденные мельком, когда женщины купались или облегались в поле, теперь, собранные воедино в одном существе, производили совсем иное впечатление.

А потом вдруг оба осознали: уже никогда им не изведать вновь столь всепоглощающего изумленного восторга – даже на многоопытную Гулаби так подействовал исследовательский пыл первопроходца, что она по-новому взглянула на свое тело и ошеломленно поняла, что лежит нагая, чего, как потом призналась, никогда не бывало с другими мужчинами; узнай об этом ее товарки, они бы ее осудили, однако нынче все запреты были отброшены, и это сблизало, ибо теперь каждый знал секрет другого.

В последующие дни Кесри думал о ней беспрестанно. Он так часто виделся с Гулаби, что вскоре исчерпал кредит на посещение “красного дома”. И не отрицал очевидного, когда над ним подсмеивались приятели: “*Пьяаар ме наагил хо гайилба?* Ты обезумел от любви?”

Он долго терзался тем, что Гулаби принимает других мужчин, но постепенно привык и даже находил в этом некое мрачное удовольствие, ибо прочих клиентов обжуживали, не давая им и крохи того, что получал он.

Лишь много спустя Гулаби поведала, почему в тот день окликнула его из окошка.

³⁵ Гхарара – традиционное одеяние, которое состоит из курты (блузы), дупатты (накидки) и шараров (штанов, сильно расклешенных от колена или бедра и украшенных вышивкой. На пошив одной пары уходит около 12 метров шелковой парчи, атласа или жоржета).

– В тот раз, когда Бхиро Сингх сорвал с тебя одежду, ты был не единственным, кого он избил.

– А кого еще?

– Покончив с тобой, он пришел сюда, справил свое дело и побил меня.

– За что?

Гулаби горько усмехнулась:

– *Кья пата?* Откуда я знаю? Он так поступал и с другими девушками. Похоже, его это заводит.

Сообразив, о чем речь, Кесри гадливо поежился.

– Обещаю, в день, когда Бхиро Сингх содохнет, я всех угощу сладостями. Если только сам не прикончу его раньше.

– Смотри про меня не забудь, – рассмеялась Гулаби. – Прямо не терпится отведать тех сладостей.

От миссис Бернэм не было никаких вестей, и этакий мертвый штиль наводил на мысль, что обещание устроить приватную встречу со специалистом забыто. Захарий уже почти свыкся с тем, что осмотра не будет, но тут явился слуга со свертком, в котором поверх толстой книги лежал конверт.

10 октября 1839

Дорогой мистер Рейд,

Приношу Вам свои искренние извинения за долгое молчание. Мы тут все обеспокоены последними весьма тревожными новостями из Китая. Только, пожалуйста, не вообразите, что я позволила мирским заботам отвлечь меня от данного Вам обещания. Нет, нет и нет. Я постоянно думаю о Вас и Вашем нездоровье, и мысли эти меня, можно сказать, преследуют.

Надеюсь, Вы помните, что я упомянула врача, глубоко изучившего Ваш недуг. Его зовут доктор Олгуд, он приехал из Англии, чтобы пронаблюдать душевнобольных, пребывающих в психиатрических лечебницах для туземцев и европейцев (сумасшествие – основной симптом Вашей болезни на ее поздней стадии). Доктор Олгуд – мировое светило, посвятившее себя искоренению Вашего недуга. Благодаря его подвижничеству жители города оповещены о расползающейся эпидемии.

Так вышло, что я участвовала в организации лекций доктора Олгуда, и мы близко познакомились. Желая почерпнуть от его мудрости, я просила доктора о беседе, но он чрезвычайно занят своими исследованиями, однако, несмотря на многочисленные заботы, был так любезен, что давеча уделил мне толику времени, и вот я берусь за перо, чтобы передать его рекомендации.

Полагаю, Вам будет небезынтересно узнать, что современная медицина, отдающая бездну внимания Вашему расстройству, считает его одной из главных причин человеческого упадка. Экономический и физический урон от недуга достиг такого размаха, что страна, победившая болезнь первой, займет положение главной мировой державы. Вообразите, как востребовано лекарство от сей напасти, однако, вопреки усилиям массы врачей и ученых, дело почти не продвинулось. Доктор Олгуд уверяет, что лекарственное средство – скорее всего, вакцина – вскоре будет найдено, но пока его не существует. Можете представить мое огорчение, ибо я надеялась получить рецепт на какое-нибудь успокаивающее питье, пилюли либо компрессы, которые помогут одолеть Ваши припадки, но оказалось, что сейчас основная надежда возлагается на просвещение пациентов, дабы они в полной мере осознали ужасные последствия своей болезни.

Коль уж прописан такой курс лечения, я постараюсь подобрать для Вас необходимые книги и прочие пособия. Посылаю первый том из тех, что Вам предстоит изучить. Закладками помечены главы, требующие Вашего особого внимания, и я настоятельно советую их заучить наизусть. В период обучения, сказал доктор, крайне необходимы экзамены и контрольные уроки, дабы удостовериться, что пациент хорошо усвоил учебный материал. Ради этого я постараюсь устроить нашу приватную встречу для проверки Ваших знаний.

Завершу свое послание горячей просьбой не терять надежды: да, Вас ожидает длинная и трудная дорога, но есть все основания полагать, что стойкость, вера и решимость помогут Вам преуспеть на пути к исцелению. И знайте, что Вы не одиноки, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ускорить Ваше продвижение по этой тропе.

Ваша
К. Бернэм

P. S. Дабы сохранить конфиденциальность нашего сотрудничества, лучше уничтожить это письмо по прочтении.

Книга в авторстве некоего Антельма Бальтазара Ришерана³⁶, профессора медицины Парижского университета, называлась “Элементы физиологии”. Это был увесистый том, но, к счастью, главы, помеченные к изучению, оказались невелики.

Первая из них подробно исследовала случай пятнадцатилетнего французского пастушка, который...

...так пристрастился к онанизму, что предавался сему занятию по семь-восемь раз на день. В итоге семяизвержение стало затрудненным, и результатом часового усилия были всего две-три капельки крови. В двадцать шесть лет пастушья рука уже не справлялась с поставленной задачей и лишь удерживала пенис в состоянии продолжительного подъема. И тогда пастух, одиноко пестовавший стадо на горных пастбищах, надумал щекотать уретру лучинкой шестидюймовой длины. После шестнадцати лет подобного щекотанья мочевого канал огрубел и потерял чувствительность...

Захария прострелило ужасом, когда он ознакомился с жутким финалом злосчастного пастуха, многострадальный член которого развалился на две продольные половинки, точно пережаренная сосиска. Несмотря на усилия врачей нарбонского госпиталя, пастух вскоре умер.

Едва Захарий оправился от ночных кошмаров, порожденных этой историей, как прибыли следующий сверток и письмо.

14 октября 1839

Дорогой мистер Рейд,

Только что я, растроганная донельзя, вернулась с лекции доктора Олгуда, посвященной заболеванию, жертвой которого пали Вы. В одолении сего недуга, сказал доктор, сокрыта разница между первобытным и современным человеком. С сим согласно большинство нынешних философов, поведал он и обширно процитировал некоего господина Канта, который считается самым просвещенным мыслителем нашего времени. Я сочла необходимым для Вашего образования привести одну выдержку: “Физические последствия неизмеримо разрушительны, но еще печальнее потери нравственные. Преступление границ естества разжигает безудержную страсть, никогда не получающую истинного утоления”.

³⁶ Антельм Ришеран (1799–1840) – французский хирург и физиолог.

Доктор Олгуд любезно одолжил мне книгу Сильвестра Грэма³⁷ “Наставление молодежи в целомудрии”. Посылаю ее Вам. Как же нам повезло, что сия книга, изданная в Америке лишь недавно, но уже распроданная тысячным тиражом, стала для нас доступна. Если и существует средство от упомянутой болезни, сказал доктор, то оно в этой книге. Я настоятельно прошу Вас ближайшие два дня провести за изучением и впитыванием сего материала. Я полагаю, первую проверку Ваших знаний следует устроить, пока все свежо в памяти, и потому назначаю нашу встречу на послезавтра.

Не скрою, я пребывала в некоторой растерянности, ибо подобный разговор требует уединенности, которую нелегко заполучить в доме, полном слуг. Но в конце концов я, кажется, изыскала прекрасный способ разрешить сие затруднение: уведомила дворецкого, что для починки сломанных полок в комнате для рукоделия придет молотчик.

Нынче вторник, и я предлагаю Вам явиться к парадной двери нашего дома в одиннадцать утра четверга. Служанка проводит Вас в комнату для рукоделия. Не забудьте свои инструменты, а также одолженные доктором Олгудом книги – за ними целая очередь, ибо настолько велика озабоченность эпидемией.

Ваша
К. Бернэм

P. S. Посылаю Вам бисквиты, испеченные по рецепту автора “Наставления в целомудрии”. Говорят, в Америке они известны под названием “крекеры Грэма” и широко используются как противоядие от Вашей болезни.

P. P. S. Излишне напоминать, что письмо следует уничтожить тотчас.

³⁷ Сильвестр Грэм (1794–1851) – американский проповедник и диетолог-реформатор, известный как “отец вегетарианства”.

Глава 5

Очень скоро Кесри понял, что полк – вотчина Бхиро Сингха и его клана. За декоративным армейским фасадом скрывалась иная властная структура со своей иерархией и подданными. Английские офицеры не только мирились с таким положением дел, но даже его поощряли, поскольку сия группа обеспечивала новыми рекрутами вкупе с информацией о солдатах.

Кесри, не входившему в упомянутый клан, пришлось искать иные пути ознакомления с полковым закулисным, и он обратился к богатому, но весьма необычному кладезю знаний – нищему аскету, повсюду следовавшему за воинской частью.

С головы до ног обсыпанный пеплом, Пагла-баба был худ и долговяз, его огромные корявые конечности напоминали обожженный на огне бамбук, а собранные в толстый узел космы смотрелись тюрбаном. На марше он, закинув за спину свои пожитки – скатанную циновку, три обточенные по краям тарелки и медную флягу, ничем не отличающуюся от солдатской, – шел в хвосте колонны. Иногда, по требованию английских офицеров, аскет обматывал чресла тряпицей, но, дождавшись ухода командиров, тотчас вздергивал ткань, и она уже ничего не прикрывала. “Мое одеяние – пепел”, – говаривал он, щедро присыпая свое хозяйство золой.

Англичане его терпеть не могли, но не только потому, что он злорадно заставлял их краснеть, выставляя напоказ внушительное мужское достоинство, их злило и обескураживало его влияние на солдат. Для отправления религиозных нужд, неустанно твердили командиры, в каждом подразделении есть брамин и мулла, которые числятся на военной службе наравне с англиканскими капелланами, исповедовавшими офицеров, и католическими священниками, заботившимися о барабанщиках и флейтистах (в массе своей евразийцах-христианах, в армию попавших из сиротских приютов и богаделен).

Англичане не понимали, почему при столь широком выборе уважаемых священнослужителей сипаи отдают предпочтение голому прощельге, который не удосужится надеть хотя бы ланготу, но выпячивает свое оружие, словно изготавясь к артобстрелу.

Им было невдомек, что брамины и муллы хороши для официальных обрядов, но когда дело касается личного – надежды и страха, печали и доверия, – сипаям нужны иные связники с небесами. Аскеты вроде Паглы были не только священниками, но воителями и понимали солдатскую службу, как никакой брамин или *мауляна*³⁸ никогда не поймет. Они давали не одно лишь духовное напутствие, но и практический совет. В бою сипаи больше полагались на защиту амулетов, полученных от факиров и садху, нежели на благословение браминов и имамов.

Кроме того, аскеты, располагавшие огромной сетью единоверцев, были обо всем чрезвычайно хорошо осведомлены и порой владели данными, каких не имела даже армейская разведка. Вот потому-то в Бенгалии редкая воинская часть обходилась без отшельника в своем лагере, и никого не волновало, какую религию исповедуют голые люди, называвшие себя святыми суфиями. Все это досаждало англичанам, желавшим, чтобы все сидели строго на отведенных местах, а индусы и мусульмане – в своих норках.

Кесри повезло – без всяких усилий он оказался в ближнем кругу аскета. Так вышло, что Пагла-баба не раз бывал на ежегодных ярмарках в Наянпуре. Обладая феноменальной памятью на имена и лица, он узнал Кесри и с первых дней его службы озаботился благополучием случайного знакомца, а тот, в свою очередь, угадал в аскете, потешавшемся над браминами, капелланами и унылым соблюдением церковных правил и обрядов, родственную душу.

Именно Пагла-баба подсказал способ, как продвинуться по службе, не пресмыкаясь перед Бхиро Сингхом и его кланом: добровольцем отбыть в заморскую командировку. Таких сипаев, поведал он, офицеры берут на особую заметку, ибо в туземном полку нелегко отыскать

³⁸ Мауляна – исламский религиозный титул перед именем.

“балантёров”, согласных на путешествие по воде. Бенгальские солдаты, выходцы из глубинки вроде Бихара и Авадха, не желали пересекать океан: одни боялись потерять касту, других отпугивали дополнительные траты, неудобства и опасность. Вот почему в бенгальской армии заморские экспедиции собирали в основном из добровольцев – в прошлом принудительное формирование отрядов вызывало недовольства, и теперь живую силу для зарубежных походов поставляла, главным образом, мадрасская армия.

– *Йех джати-пати ки бат саб баквас хаелба*, все эти разговоры о потере касты – чушь собачья, – проскрипел Пагла-баба. – Стоит посулить походное довольствие, и уроженцы Бихара опрометью бегут записываться. Та же история, когда речь о наградных. Не страшно, что они пересекут Черную воду, – потом оплатят короткий обряд очищения, и все дела. Всякий сипай, учуяв золотишко, откликнется на призыв в добровольцы. Но вот если ты запишешься даром, англичане наверняка тебя приметят.

Кесри стал бы волонтером тотчас, однако возможность представилась далеко не сразу. Но вот однажды командир части объявил о наборе добровольцев для усиления английского гарнизона на границе с Бирмой. Гарнизон располагался на острове Шапури в устье реки Наф, отделявшей бенгальские владения Ост-Индской компании от бирманской провинции Аракан. До острова в сотнях миль от Калькутты предстояло добираться морем, но поскольку гарнизонная служба считалась обычным караулом, походное довольствие, наградные и прочие выплаты не предусматривались.

Не мешкая, Кесри внес свое имя в лист добровольцев, полагая, что в отсутствие финансовых стимулов он один из всего батальона пожелал отправиться в командировку. Но вот наконец вывесили окончательный список, и оказалось, что Хукам Сингх, польстившись на обещание очередного чина найка, тоже записался волонтером; мало того, они с Кесри попали в один взвод.

Когда прибыли на остров, добровольцы, все до единого, пожалели о своем решении. Застава притулилась на песчаном пятачке, со всех сторон окруженном джунглями, топями и водой, а на другом берегу реки Наф уже собиралось бирманское войско с явно недружественными намерениями.

Кесри не пришлось долго ждать, чтоб отведать вкус первого боя. Его рота была в патруле, когда из засады ее атаковал отряд бирманских лазутчиков. Сипай успели дать всего один залп, а потом уже в рукопашной скрестили свои штыки с пиками и тесаками бирманцев.

На Кесри мчался боец с устрашающе истатуированным лицом и огромной сверкающей саблей. Отработанным движением Кесри припал на колени и отвел ружье назад, изготовившись к выпадку. Удар его вышел на загляденье. Противник, явно не ожидавший атаки на таком расстоянии, был застигнут врасплох – штык, прошедший меж ребер, угодил ему точно в сердце.

Кесри впервые убил человека. Истатуированное лицо было так близко, что он видел, как меркнет свет в глазах убитого. Через миг глаза его остекленели, а он все валился вперед, на Кесри, который рванул ружье, пытаясь высвободить штык, застрявший меж ребер мертвеца. Труп дернулся, кровавая слюна, сочившаяся из мертвого рта, попала на лицо Кесри, и он запаниковал, поняв, что штык засел накрепко.

Боковым зрением Кесри заметил приближавшегося к нему другого бойца со вскинутым тесаком и вновь безуспешно рванул ружье. Проткнутый мертвец, чьи глаза невидяще смотрели на Кесри, не желал расстаться с орудием своего убийства.

Времени на новую попытку высвободить штык уже не было, оставалось только использовать труп как щит. Борцовским приемом Кесри вздернул мертвеца на ноги и прикрывшись им от летящего вниз тесака.

Приняв на себя рубящий удар, покойник его ослабил, но отразил не полностью. Кесри опрокинулся навзничь и, увидев кровь, забрызгавшую лицо мертвеца, понял, что и сам ранен.

Бирманец вновь атаковал придавленного трупом врага, и Кесри, приподняв насаженного на штык мертвеца, опять закрылся им от разящего удара.

Но и теперь клинок рассек ему руку, скользнув по амулету, подаренному Паглой-баба. Однако после удара штык вдруг выскочил из западни. Лежа под мертвецом, Кесри изготовился к атаке. Дождавшись, когда боец приблизится вплотную, он ткнул штыком, пропущенным между рукой и боком трупа. Удар, направленный в живот, достиг цели – второй мертвец рухнул на первого, вышибив дух из своего убийцы, который, уже теряя сознание, услышал крик Хукам Сингха: “Вставай, чего разлегся!”

Раненого Кесри срочно эвакуировали в Индию. В госпитале он дал себе слово: когда сам станет обучать рекрутов штыковому бою, велит им всегда целить в мягкий живот противника, чтоб клинок, не дай бог, не застрял меж ребер.

Он еще залечивал раны, когда из дома пришло письмо, братом Бхимом продиктованное писцу.

Все это время Кесри регулярно посылал домой деньги, пользуясь оказией в лице сипаев-отпускников и через них же получая вести от родных. Он знал, что после его бегства брат остался в семье и начал землепашествовать.

Пора бы тебе навеститься в родные края, писал Бхим, отец тебя простил и очень хочет повидаться, чему есть целый ряд причин. Во-первых, родитель затеял тяжбу из-за земельного надела, и английский судья скорее решит дело в его пользу, увидев Кесри в форме сипая Ост-Индской компании. Во-вторых, для него, Кесри, получено превосходное брачное предложение от семейства богатых помещиков-*тхакуров*³⁹. Братья невесты тоже служат в армии компании, так что это по всем статьям хорошая партия.

В заключение Бхим писал, что и ему не терпится увидеть старшего брата связанным узами брака, дабы открылась возможность задуматься о собственном супружестве.

Кесри отнюдь не спешил с женитьбой и хотел, по примеру многих сипаев, отложить это дело до окончания службы. Однако он горячо желал наладить отношения с родителями, а потому взял четырехмесячный отпуск и поехал домой.

Кесри был удивлен ажиотажем, вызванным его приездом на родину. Оказалось, в Наянпуре он стал довольно заметной фигурой. Деньги, что он присылал, обеспечили его родных достатком и позволили им совершать пуджи в местных храмах. На заказанный его семьей обряд *прайашичитта* по снятию скверны от заморских путешествий собралась вся деревня. А когда он появился в суде, английский служитель Фемиды, окинув сипая внимательным взглядом, и впрямь решил дело в пользу его отца.

Что касемо женитьбы, родные быстро отмели все имевшиеся сомнения. За невестой давали такое богатое приданое, что об отказе не могло быть речи при всем желании, которое, впрочем, и не возникло, поскольку суженая была пухленькая, светлоликая и очень милая, да к тому же прекрасно ладила с матерью и сестрами жениха, особенно с Дити, души в ней не чаявшей. Кесри тотчас понял, что с выбором семья не промахнулась, и приготовился на совесть исполнять все супружеские обязанности. Свадьба стала грандиозным торжеством с сотнями гостей. Новые родичи обладали большими связями, и потому на бракосочетание прибыли заминдары со всей округи и *мукхши*, старосты окрестных деревень.

Все складывалось так хорошо, что Кесри даже задумался, а не оставить ли ему службу и осесть дома. Но пара месяцев в роли главы новоиспеченной семьи развеяли его сомнения. Он вдруг понял, что скучает по упорядоченности военной жизни с ее четкими установлениями, когда есть, спать и мыться, по веселому братству сипаев и своей квартирке, где всё под рукой и на своем месте, по чисто выметенным ровным дорожкам военного городка, после которых улочки родной деревни казались кривыми и грязными.

³⁹ Тхакур – исторический титул индийского феодала.

Через месяц-другой семейной жизни даже угнетающая воинская иерархия выглядела сносной. По крайней мере, там знаешь точно, кто чего стоит, а противостоять маленьким тиранам в виде найков и хавильдаров не сложнее, чем пререкаться с отцом. И потом, удовольствие от постельных утех с Гулаби несравнимо выше того, каким одаривало супружеское ложе.

Но даже если б Кесри надумал остаться, ему бы вряд ли удалось исполнить свое желание. Домашние уже привыкли к его деньгам, и каждый из них по-своему наслаждался близким родством с человеком, который носит военную форму власти, внушавшей все больший страх и уважение. Мало того, к концу отпуска Кесри заметил, что все родичи, кроме Дити, подустали от его гостевания. Оказалось, что после его бегства из дома жизнь семьи вовсе не остановилась, но вошла в новое русло, и теперешний визит блудного сына, поначалу желанный, постепенно превратился в порог, мешавший плавному течению вод.

Любопытно, что все это придало горестной остроты прощанию: казалось, родные оплакивают не только разлуку с Кесри, но и свою готовность принять ее как неизбежность.

Чуть позже семья сообщила Кесри, что его жена ждет ребенка, а через положенный срок прибыло и письмо с известием о рождении мальчика, которого нарекли Шанкаром Сингхом.

В то время полк стоял в городе Ранчи. Кесри истратил недельное жалованье на сласти, которыми угостил всех сослуживцев.

В четверг утром, точно в означенное время, Захарий вышагивал по лужайке Бернэмов: в одной руке ящик с инструментами, в другой аккуратно обернутые бумагой книги.

Занавешенная накидкой служанка в сари встретила его у парадных дверей, а затем лабиринтом лестниц и коридоров подвела к залитой солнцем комнате для рукоделия.

Миссис Бернэм, одетая в строгое платье белого ситца, небрежно спросила, не поднимая головы от вышиванья:

– Что, пришел молотчик? Пусть войдет.

Захарий перешагнул порог, и лишь тогда она взглянула на служанку, застывшую в дверях, и махнула рукой:

– Ступай себе.

Женщина вышла, миссис Бернэм закрыла дверь на щеколду.

– Проходите, мистер Рейд. Времени мало, надо провести его с максимальной пользой.

В центре комнаты возле изящного столика китайской работы (замысловатый золотой узор на черном лаковом фоне) были приготовлены два стула, на столешнице лежала тонкая брошюра.

Миссис Бернэм уселась, жестом предложив Захарию занять место напротив.

– Надеюсь, вы захватили свои инструменты, мистер Рейд?

– Да. – Захарий поставил ящик на стол.

– Я думаю, время от времени вам надо постукивать молотком. Так мы создадим впечатление работы и отведем подозрения тех, кто подслушивает под дверью. Эти туземки, знаете ли, любопытны как макаки. Предосторожность никогда не помешает.

– Конечно, мэм. – Захарий достал молоток и стал легонько постукивать по крышке ящика.

– Я полагаю, вы прочли и усвоили историю о злосчастном пастухе, изложенную доктором Ришераном?

– Да, мэм. – Захарий сосредоточился на ящике, радуясь предлогу не поднимать глаз.

– Позвольте узнать, каково ваше впечатление?

Захарий сглотнул.

– Чрезвычайно огорчительное, мэм.

Миссис Бернэм мгновенно ухватила за его слова:

– Ага! Не потому ли, что вы почували опасность разделить судьбу того бедолаги?

– Нет, мэм, – тотчас сказал Захарий. – Уверю вас, мое состояние не столь серьезно.

– Вот как? – В голосе мадам послышалось легкое разочарование. – А что до “Наставления”? Вы прочли внимательно?

– Да, мэм.

Миссис Бернэм открыла ридикюль, достала носовой платок и промокнула лицо. Захарий невольно вскинул голову, но, наткнувшись взглядом на шею мадам, тотчас опустил глаза к ящику и продолжил постукивать молотком по крышке.

– Что ж, мистер Рейд, не будете ли вы так любезны перечислить возможные проявления вашего недуга? Я надеюсь, вы заучили их наизусть?

– Да, мэм. Насколько я помню, в перечень входят головные боли, меланхолия, ипохондрия, приступы истерии, общая слабость, нарушение зрения, слепота, эмфизема легких, нервический кашель, туберкулез, эпилепсия, потеря памяти, умопомешательство, инсульт, нарушение работы печени и почек...

Миссис Бернэм перебила его огорченным возгласом:

– Постойте! Вы забыли неполадки с кишечником!

– Вовсе нет, мэм. Просто не хотел быть... бестактным.

Мадам рассмеялась, и Захарий, подняв взгляд, не мог не заметить алые пятна на ее щеках.

– Ох, мистер Рейд! Будь я неженка, краснеющая при упоминании пирожков из печки, я бы вряд ли обременила себя поиском средства от вашего нездоровья! – Однако яркий румянец противоречил ее словам, и миссис Бернэм, будто желая отвлечься, схватила пальцы и принялась за вышивание. Игла ее летала. – Прошу вас не щадить мой слух. Сестры-миссионерки, спасающие от греха язычников, и не такое слышат. Если при посещении какаториума у вас возникают сложности, не стесняйтесь в том признаться.

Захарий вновь уткнул взгляд в ящик.

– Нет, мэм, все благополучно.

– Да? – В тоне миссис Бернэм опять проскользнуло разочарование. Она снова медленно промокнула лицо и горло. Взгляд Захария съехал с ящика и застыл на груди мадам, вернуть его обратно удалось лишь огромным усилием воли.

Меж тем миссис Бернэм раскрыла брошюру и указала на абзац, отчеркнутый карандашом:

– Доктор Олгуд любезно ознакомил меня со своей недавней статьей о лечении умственных расстройств и помешательства, вызванных сим недугом. Соблаговолите прочесть вслух помеченный кусок.

Захарий набрал в грудь воздух и приступил к чтению:

– “Натиск безумия, порожденного онанизмом, можно отсрочить путем своевременного лечения, а именно: пиявки к паху и заднему проходу, клизмы с весьма щадящим раствором карболовой кислоты. В отдельных случаях может потребоваться более интенсивное лечение, как то: пиявки непосредственно к мошонке и перинеуму, введение небольших доз хлористой ртути через катетер в уретру, прижигание сальных желез и мембранозной части мочевого канала, хирургическое вмешательство для удаления поддерживающей связки полового органа...”

Захария прервал вскрик. Миссис Бернэм уронила вышивание, на кончике ее указательного пальца набухла капелька крови. Мадам сморщилась и спрятала пораненный палец в кулак другой руки.

– О господи, я, кажется, себя проткнула.

Захарий придвинулся чуть ближе, и взгляд его проследовал от уколотого пальца к густо покрасневшей шее миссис Бернэм, затем спустился на ее грудь, целомудренно прикрытую кружевной вставкой, но сейчас вздымавшуюся и опадавшую. Сквозь ажур вставки виднелась кро-

хотная треугольная тень, как будто указующая путь в расселину, ставшую причиной недавнего позора на балу.

Миссис Бернэм удрученно оглядела палец и рассеянно пробормотала:

– Магушка всегда остерегала от того, что протыкает.

Темный треугольник выглядел так соблазнительно, что Захарий, не сводивший с него глаз, вдруг остро почувствовал необходимость притиснуться к столу вплотную. Мимолетное движение это не укрылось от миссис Бернэм. Глянув на пунцового гостя, который как-то странно напрягся и навалился на стол, она все поняла, и с губ ее сорвался придушенный возглас:

– Боже мой, невероятно! – Мадам вскочила на ноги и ошеломленно уставилась на сгоравшего со стыда визави. – Что, опять, мистер Рейд? Отвечайте же!

Захарий свесил голову, не в силах вымолвить ни слова.

Взгляд миссис Бернэм потеплел, став жалостливым, она сочувственно погладила гостя по плечу.

– Бедный вы несчастный! Наверное, и сами не понимаете всю серьезность вашего недуга. Но не отчаивайтесь, я вас не брошу. Мы не сдадимся, и, возможно, вы избежите уготованной вам судьбы.

Миссис Бернэм медленно прошла к двери, отодвинула щеколду и, обернувшись, сказала:

– Пойду обработаю свою дыр... свою ранку. А вы оставайтесь здесь, приходите в себя.

Вскоре я пришлю вам новые пособия, вы их изучите, и тогда мы опять встретимся. Прошу вас, мистер Рейд, не покидать комнату до окончания припадка и обретения достойного вида.

В последующие дни Ширин всеми силами старалась изгнать из памяти встречу с Задигом. В целом она преуспела, но бывали минуты, когда слова “Но это правда, биби-джи... у Бахрама *есть* сын... спросите Вико...” застигали ее врасплох, всплывая в уме, точно пузыри со дна заиленного пруда.

И тогда она бросалась в работу – выхватывала у служанки тряпку и начинала протирать стоявшие на полках сувениры из Китая: кивающих болванчиков, расписные веера, шары из слоновой кости с затейливой резьбой и прочее. Обычно приступ активности заканчивался тем, что она замирала перед застекленным портретом Бахрама, и порой ей казалось, что в знакомых чертах проскальзывает нечто неуловимое глазом. Словно в облаке, в котором все, кроме тебя, различают какой-то образ.

Однако Ширин не видела резона копаться в прошлом. Что толку ворошить жизнь покойного? Всякое новое открытие навлечет еще большее бесчестье на нее и дочерей, и без того уже опозоренных.

А потом вдруг однажды утром слуга доложил, что пришел Вико и хочет с ней поговорить.

– Вико? – Сердце екнуло, Ширин присела на ближайший стул. – Что ему нужно?

– Откуда я знаю? – удивился слуга. – Разве он скажет?

– Да, конечно. Пусть войдет.

Ширин сделала глубокий вдох и, собравшись с силами, сумела встретить гостя радушной улыбкой.

– *Кхем чхо*, Вико, как поживаешь? – сказала она на гуджарати.

Как всегда, управляющий, смуглый здоровяк, был одет на европейский лад, его светло-бежевый костюм выглядел безукоризненно.

– Благодарю, как вы, биби-джи? – бодро ответил Вико, сверкая большими глазами навыкате.

Широкая улыбка его и учтивость несколько успокоили Ширин.

– Прошу садиться, – сказала она, указав на козетку.

Однако в обществе хозяйки управляющий всегда оставался на ногах, вот и сейчас он покачал головой:

– Нет-нет, биби-джи, я ненадолго, всего один вопрос.

– Слушаю.

– Я бы хотел устроить скромные поминки по вашему покойному мужу. Несмотря на все события, в Бомбее немало тех, кто желал бы почтить память сета.

– Вот как? – Взгляд Ширин метнулся на портрет мужа. – Где намечается поминальная трапеза?

– В моей родной деревне Васай. Я очень надеюсь на ваше участие, без вас все будет не так.

– И когда?

– На следующей неделе, биби-джи.

– Что за спешка?

– Понимаете, я хочу пригласить господина Карабедьяна, друга хозяина, а он скоро отбывает в Коломбо.

Ширин вздрогнула.

– Господин Карабедьян в числе гостей?

– Разумеется, биби-джи. – Вико недоуменно вскинул брови. – Он был лучшим другом сета.

Ширин отвернулась, подыскивая слова для отказа, и вдруг услышала треск рвущейся материи. Опустив взгляд, она поняла, что безотчетно разодрала свободный край своего сари.

Вико, разумеется, это видел.

– Что случилось, биби-джи? Я вас чем-то огорчил?

Теперь, когда Ширин выдала свое смятение, не было смысла притворяться.

– Послушай, Вико... – Голос ее дрогнул. – Я должна кое о чем тебя спросить... – Глаза ее обратились к портрету на стене, и она чуть слышно прошептала: – Пусть небеса простят меня за то, что я скажу.

– Говорите, биби-джи.

– До меня дошли слухи... о моем муже...

– Какие? – В голосе и взгляде Вико возникла настороженность.

– Говорят, будто на стороне он прижил ребенка, сына. – Ширин пристально посмотрела на управляющего, который, уставившись в пол, мямлил в руках шляпу. – Но ведь это неправда?

– Конечно, биби-джи, – тотчас ответил Вико. – В том нет ни капли правды.

Говорил он твердо, однако в глаза не смотрел, словно что-то скрывая. Ширин поняла: если сейчас промешкать, истину не узнаешь никогда. Она отринула все сомнения.

– Скажи все как есть, Вико. Я должна знать.

Управляющий не отрывал взгляд от пола, и тогда Ширин встала и подошла к нему.

– Я знаю, ты человек верующий, добрый католик. Прошу тебя присягнуть на распяты, которое ты носишь. Поклянись на кресте, что у моего мужа нет незаконнорожденного сына.

Вико испустил глубокий вздох и попытался что-то сказать, рука его потянулась к висевшему на шее распяты, но потом безвольно упала.

– Не требуйте присяги, биби-джи, – наконец проговорил он. – Я хотел бы избавить вас от излишнего горя, но клятвы дать не могу.

В груди Ширин словно что-то лопнуло. Не вполне сознавая, что делает, она шагнула к стене и сбросила портрет Бахрама на пол.

На шум разбитого стекла сбежались слуги.

– Что с вами, биби-джи, что произошло?

Ответить не было сил, но, к счастью, Вико привычно взял дело в свои руки.

– Случайность, – сказал он небрежно. – У хозяйки закружилась голова. Принесите нюхательную соль, через минуту все будет в порядке.

Ширин легла на кушетку, что придало ситуации достоверность. Потом, раз-другой нюхнув из флакона, она села. Когда подмели осколки, Ширин велела слугам выйти и закрыть дверь.

– Со мной все хорошо, Вико. Теперь скажи, кто мать ребенка.

– Женщина из Кантона, ее звали Чимей.

– Она *таваиф*, куртизанка? Или уличная девка?

– Нет, биби-джи, вовсе нет. Обычная женщина, лодочница, можно назвать ее прачкой – она обстирывала иноземцев. Сет-джи с ней так и познакомился.

– Сколько лет мальчику? Как его зовут?

– Он уже юноша, ему за двадцать. Сет-джи называл его Фредди, это уменьшительное от Фрам-джи. Еще есть китайское имя и прозвище А-Фатт.

– Где он сейчас? Как он рос? Говори, раз уж я о нем знаю, я хочу знать все.

– Он вырос в Кантоне, его воспитала мать. Сет-джи всегда был щедр к ним, он купил Чимей большую лодку, которую та превратила в харчевню. Дела, кажется, шли хорошо. Несколько лет назад Чимей умерла.

– А Фредди тоже работал в харчевне?

– Да, мальчиком он помогал матери. Но сет-джи хотел дать ему хорошее образование – нанял учителей, велел освоить английский. Однако парню было тяжело. В Кантоне даже обычные лодочники считаются низшей кастой, а он был ни то ни сё.

Ширин уже не сиделось, она подошла к окну и посмотрела на море.

– Вико, у меня к тебе просьба.

– Слушаю, биби-джи.

– Я хочу повидаться с господином Карабедьяном. О нашей встрече не должен знать никто, даже мои дочери. Сможешь это устроить?

– Конечно, биби-джи.

– Каким образом?

Вико задумался лишь на секунду.

– Давайте вот как поступим, биби-джи: вы скажете родным, что моя жена пригласила вас в гости, и мы доставим вас в деревню на частной лодке. Я думаю, никто не станет возражать?

– Нет.

– Остальное предоставьте мне.

20 октября 1839

Хонам

Остров Хонам тих и спокоен, однако и он не без сюрпризов. Здесь обосновался один из самых больших в провинции буддистских монастырей под названием *Хайчжуан*, Океанский Стяг. Помнится, Вико говорил, в нем обитают тибетские монахи.

Перебравшись на остров, я стал навещать в этот монастырь, похожий на огромные соты. Среди монументальных статуй, старых деревьев и золоченых усыпальниц можно бродить целыми днями.

Иногда я встречаю тибетских монахов. Признав во мне “ачха”, они улыбаются и кивают. Я бы хотел поговорить с ними, но у нас нет общего языка, на кантонском диалекте они знают лишь несколько слов.

Но вот однажды я, прогуливаясь по монастырским дворам, познакомился со старым ламой, у которого изборожденное глубокими морщинами лицо походило на пересохшее речное русло, а седые волоски, торчавшие из всех этих впадин и складок, напоминали цепкие растения. Старик, сидевший в тени баньяна, поманил меня к себе. Когда я подошел, он улыбнулся, показав пеньки зубов, а потом сложил ладони у груди и поздоровался:

– *Ка халба?* Как поживаете?

Бходжпури! В Кантоне! Из уст тибетского ламы!
На секунду я просто онемел.

Старик поведал, что много лет посещал буддистские святые места в Бихаре – Гаю и Сарнатх, где и выучил бходжпури. У него даже было индийское имя – Таранатх-джи.

Я спросил, где еще он побывал, и на меня излился поток историй.

Сейчас ему под восемьдесят, он много странствовал. В правление династии Цин служил переводчиком у китайского командующего, генерала Фукангана, воевавшего с гуркхами⁴⁰; долгое время состоял в свите последнего панчен-ламы и был его толмачом, когда англичане послали нага-садху Парангири своим эмиссаром в Тибет. Вел богословские диспуты со священниками Русской православной церкви и проповедовал в ламаистских монастырях Северной Монголии. Горы, пустыни и равнины на его обширных маршрутах были для него что реки и моря – он многожды их пересекал. Вместе с панчен-ламой посетил Пекин и даже присутствовал на встрече своего начальника с императором Цяньлуном⁴¹.

Старик огорошил меня вопросом: знаю ли я, что император Цяньлун, величайший правитель династии Цин, написал книгу об Индостане? Нет, признался я, даже не слышал о том.

В глазах Таранатх-джи сверкнула искра. Такая книга, сказал он, и впрямь существует. В последние годы жизни император Цяньлун был весьма озабочен отношениями с Индией, которую маньчжуры называли Энектек. Расширив пределы Китая, империя Цин теперь простиралась до самых границ с Индией, что порождало множество новых проблем, главной из которых были непальские цари, притязавшие на Тибет. Устав от их бесконечных провокаций, император послал в Непал армию, которая разгромила гуркхов наголову. В какой-то момент те попросили помощи у англичан, но безуспешно – Ост-Индская компания уклонилась, не желая подрывать прибыльные торговые отношения с Китаем. С тех пор покоренные гуркхи стали данниками Поднебесной и ее главным источником сведений об Индостане.

Непальцы, сказал лама, не раз уведомили империю о ненасытных аппетитах англичан. Стоит промедлить, и в один прекрасный день они станут угрозой Китаю, предупреждали гуркхи и даже предлагали объединить усилия для атаки на бенгальские территории Ост-Индской компании. Если б Пекин к ним прислушался, если б императоры действовали решительно, нынче Китай был бы в совершенно иной ситуации. Но осторожения гуркхов пропали втуне, ибо династия Цин не вполне им доверяла и даже сомневалась, что “фиринги”, о которых говорили непальцы, те самые “инглизи”, что торгуют в Кантоне.

Все это было мне внове, и я уже не скрывал своего изумления. Вы просто живое сокровище, сказал я ламе, вам бы встретиться с Чжун Лоу-сы.

Оказалось, Таранатх-джи знаком со старцем: он имел долгую беседу с ним, а также с другими высокопоставленными чиновниками, и не только в Гуанчжоу, но и Пекине. Лама поведал им о своих странствиях и щедро поделился знанием жизни, однако насколько все это пригодились, он не ведал.

Главный недостаток мандаринов, сказал Таранатх-джи, кроется не в отсутствии у них любознательности, а в манере вести дела. Они интуитивно не доверяют изустным сведениям, но всецело полагаются на бумажные доклады. Мандарины встречают в штыки все новое, не совпадающее с тем, что им поведали старинные книги. Им мешает не доверчивость, но излишек скептицизма – они принимают лишь известное наверняка.

⁴⁰ Фуканган (1753–1796) – маньчжурский дворянин и военачальник. В 1790 г. армия гуркхов (непальцев) вторглась в Тибет. Восьмой далай-лама обратился к правительству Цин за помощью, Фуканган был назначен главнокомандующим тибетской кампанией.

⁴¹ Айсиньгоро Хунли (1711–1799) – шестой маньчжурский правитель империи Цин. 59 лет (1736–1795) правил под девизом “Цяньлун” (“Непоколебимое и славное”).

Потом еще несколько раз я виделся с ламой, и каждая наша встреча меня поражала. Поселяясь в доме-лодке Бабурао, я не мог и представить, что совсем рядом найдется такой источник новых знаний.

Очередная посылка прибыла неожиданно скоро. Захария потряхивало, пока он, готовясь получить строгий выговор за свое поведение, вскрывал сверток. Однако миссис Бернэм ни словом не обмолвилась о происшествии в комнате для рукоделия.

25 октября 1839

Дорогой мистер Рейд,

Посылаю Вам еще одну книгу – трактат доктора Тиссо⁴², на весь свет знаменитого врача, которого доктор Олгуд называет Ньютоном от онанизма. Мне кажется, сия работа в самой доходчивой форме излагает последние достижения в исследовании Вашего недуга. Я читала ее два дня и, признаюсь, чувствую себя совершенно разбитой. Мое сочувствие к Вам возрастает неизмеримо, как представлю Ваши попытки вырваться из хватки этой ужасной хвори.

Заклинаю Вас ознакомиться с книгой самым внимательным образом, а потом я устрою нашу встречу. Пока же умоляю помнить предостережения автора, и будем надеяться, что все это еще не слишком поздно.

Ваша

К. Б.

Письмо встревожило, и пальцы слушались плохо, когда Захарий сдирал обертку с бандероли, а заголовок книги “Онанизм, или Трактат о болезнях, вызванных мастурбацией, или Грозные последствия тайной неумемной похоти” ничуть не унял его страхи. Он начал читать, и опасения его мгновенно превратились в пронизанное ужасом любопытство, заставлявшее безостановочно переворачивать страницы. Доктор Тиссо убедительно доказывал, что онанизм – не только сам по себе недуг, но портал для целого скопища заболеваний, таких как паралич, эпилепсия, слабоумие, импотенция, нарушение деятельности почек, семенников, мочевого пузыря и кишечника.

Предостережения эти так взбаламутили Захария, что теперь он не мог ни спать ни есть и следующее письмо от миссис Бернэм распечатал со вздохом облегчения.

30 октября 1839

Дорогой мистер Рейд,

Наверняка Вы уже прочли трактат доктора Тиссо, и Вам, полагаю, не терпится обсудить его содержание. Я тоже горю желанием продолжить Ваше лечение и рада сообщить, что одно непредвиденное обстоятельство весьма поспособствовало возможности оказать Вам помощь.

Давеча я вновь была удостоена встречи с доктором Олгудом. Но вот оказия: едва я вошла в его кабинет, как доктора вызвали на осмотр туземного юноши, у которого был приступ означенной болезни. Вернулся он не скоро, и я смогла заглянуть в лежавший на столе блокнот, который оказался дневником наблюдений за пациентами, страдающими тем же недугом. Теперь я имею полное представление о том, как строить лечение.

Из записок доктора Олгуда явствует, что лечебный курс следует начать с опроса на весьма деликатную тему. Нет нужды говорить, что подобная беседа требует полной уединенности, тем

⁴² Самюэль Огюст Андре Давид Тиссо (1728–1797) – швейцарский медик и советник Ватикана. Упомянутая книга, чрезвычайно популярная в Европе, за полтора столетия выдержала шестьдесят три издания.

более что в Вашем случае (как показала наша последняя встреча) нельзя исключать непредвиденные припадки.

Я долго ломала голову, пытаюсь решить затруднительный вопрос о месте проведения нашей консультации. И, перебрав все возможные варианты, я пришла к чрезвычайно обескураживающему выводу, что единственное годное для сей цели прибежище – мой будуар. Но раз уж мы ступили на этот путь, надо, невзирая на препятствия, двигаться вперед, и я, укрепленная примером такого мученика, как доктор Олгуд, ради нашего медицинского сотрудничества готова поступиться собственными принципами.

Я полагаю излишним говорить о риске, сопутствующем задуманному мероприятию, ибо Вам, безусловно, известно, что днем наш дом изобилует назойливыми бездельниками. К счастью, туземцы столь же взбалмошны, сколь любопытны, и в определенные даты они, охваченные языческим пылом, исчезают из виду, дабы исполнить тот или иной нелепый обряд. Одно такое празднество состоится в ближайшую пятницу, и я рассчитываю, что дом будет если не пуст, то хотя бы не столь многолюден.

Однако данное обстоятельство не гасит, но лишь снижает риск, а потому необходимы меры предосторожности. Мой будуар на втором этаже, окна его выходят на реку; он расположен в дальней левой части особняка, если смотреть от баджры. Внизу есть дверка для золотарей, которые чистят мою гузл-кхана, уборную. По-моему, разумно воспользоваться этим входом. Обычно на ночь его запирают, но я присмотрю, чтобы в пятницу он был открыт. Я оставлю для Вас свечу, и Вы увидите лестницу, которая приведет Вас к гузл-кхана, смежную с моим будуаром.

Наилучшее время для Вашего визита – одиннадцать вечера, когда челядь уйдет и дом стихнет. Не забудьте принести трактат, ибо доктор Олгуд уже требует его вернуть.

Ваша

К. Б.

Через два года после первой заморской командировки Кесри вновь оказался в Бирме.

Все не заладилось с самого начала. Еще на стадии комплектования экспедиционного отряда сипай узнали, что поход обойдется им недешево – даже покупка волов для перевозки снаряжения предполагалась за их счет. Однако никакого довольствия, компенсирующего траты, не предусматривалось.

В полку, печально известном ленью и неумелостью английских командиров, вскипело недовольство. Страсти до того накалились, что однажды солдаты отказались выйти на утреннее построение.

На другой день в Барракпор внезапно прибыл *Джанги Лаат* (главнокомандующий по прозвищу Бог войны) в сопровождении двух английских полков и артиллерийской батареи. Отказникам велели сдать оружие, но они промедлили с исполнением приказа, и тогда Бог войны скомандовал батарею “огонь”. Многие сипай были убиты, оставшиеся взяты под арест или разбежались. Одиннадцать человек повесили, других приговорили к каторге на дальних островах. Полк расформировали, знамена его уничтожили, номер части вычеркнули из армейского списка.

Жестокие меры усмирили бойцов, но моральный дух экспедиционного отряда был низок, а в Бирме вообще скатился к нулю. Действовать приходилось в густых джунглях и необъятных болотах. Бирманцы, поднаторевшие в лесной войне, уклонялись от позиционных боев, в которых англичане были мастера, а условия местности не позволяли последним в полной мере использовать свое преимущество в артиллерии. С провиантом было крайне плохо: в округе никаких возделанных полей, в обезлюдевших деревнях еды не достать.

В довершение всех бед отряд накрыло эпидемией лихорадки и поноса, настолько повальной, что во взводе Кесри дважды сменялись найки, и вторым назначенцем стал не кто иной, как Хукам Сингх.

Однажды взвод выслали вперед на разведку. Бойцы вошли в деревушку, вылитый образ умиротворения: горстка хижин под сенью кокосовых пальм. Сипаям, уставшим после многочасового перехода, подобные деревеньки встречались не раз, и все обходилось без происшествий. Солдаты утратили бдительность, в результате чего напоролись на засаду.

Хукам Сингха, возглавлявшего поиск, скосили первым. Кесри оказался рядом и прикрывал командира, получившего множественные ранения в ноги, покуда перегруппировавшийся взвод не отогнал бирманцев.

Хукам Сингх был жив, но потерял много крови. Сипаи его перевязали и на импровизированных носилках, чередуясь, понесли к своим. Раненый был в полубреду, он то благодарил Кесри, спасшего ему жизнь, то просил у него прощения за прошлые обиды. Потом, когда в лазарете его передали санитарам, он схватил Кесри за руку и проговорил:

– Я обязан тебе жизнью... никогда не забуду, что ты для меня сделал...

Кесри не придал значения этим словам, посчитав их бредом, однако чуть позже его вызвал к себе Бхиро Сингх, уже ставший джемадаром. На основании отменной рекомендации Хукам Сингха, сказал он, командование батальона присвоило Кесри чин найка.

Ошеломленный новостью, тот даже не сразу сообразил справиться о состоянии своего командира:

– *Кайсан бадан?* Как он себя чувствует?

– Военная служба для него окончена, – отрезал Бхиро Сингх. – Он вернется домой и будет залечивать раны.

Следующая встреча Кесри и Хукам Сингха произошла очень нескоро. Тем временем отряд провел много боев в Аракане и Южной Бирме. Под Рангуном Кесри и сам был ранен, но, к счастью, рана оказалась “удачной”, то бишь легкой.

Благодаря ранению он выиграл приз, вызвавший бешеную зависть сослуживцев.

– Ну и везунчик этот Кесри! – сказал Ситул. – Просто пернул – и подбил куропатку!

Приз состоял в том, что в Калькутту раненых отправляли небывалым чудом, которое на Востоке видели впервые, – пароходом “Энтерпрайз”.

По возвращении в Барракпор Кесри сразу навестил Хукам Сингха в лагерном лазарете. Давний знакомец так изменился, словно стал вообще другим человеком: весьма заметная хромота, сильная худоба, лицо в обвисших складках кожи. Однако метаморфозы в речах и манерах были еще зримее внешних перемен. Если прежде в глазах Хукама тлел злой огонек, то теперь они светились покорной грустью. Он выглядел добряком, который наконец-то обрел внутреннюю гармонию.

В последующие годы солдаты туземного полка непрерывно воевали: то в Ассаме, то в Трипуре, то в Джанглмахалс⁴³. Временами сипаи уезжали в отпуск, и через них Кесри получал вести о Хукам Сингхе. Он знал, что тот вернулся в родную деревню под Гхазипуром, и дядя нашел ему хорошую работу на опийной фабрике.

Через пару лет после бирманской кампании Кесри вновь вызвали к Бхиро Сингху, который, став субедаром, достиг высшей ступени в чинах сипаев. Рядом с ним сидел его брат, джемадар Нирбхай Сингх.

Верно ли, спросили они, что у Кесри имеется младшая незамужняя сестра?

Вопрос застал Кесри врасплох, но, справившись с растерянностью, он подтвердил: да, так оно и есть.

⁴³ Джанглмахалс (лесные поместья) – район британских владений на территории современного индийского штата Западная Бенгалия.

Братя поведали о полученном письме Хукам Сингха: вместе с братом Чанданом он побывал на ярмарке в Наянпуре, где от садху узнал про Дити. Теперь очень хочет на ней жениться и просит Кесри быть его сватом.

– Но годен ли Хукам Сингх для супружества? – усомнился тот. – В последнюю нашу встречу он был весьма нездоров.

– Племянник полностью оправился, осталась лишь хромота, сейчас все мысли его о женитьбе, – сказал Бхиро Сингх и, заметив, что не убедил собеседника, продолжил: – Что вам терять-то? Ведь звезды не благоволят твоей сестре, и она уже в том возрасте, когда мужа найти нелегко. А у жениха прекрасная работа и достаточно *бигх*⁴⁴ земли. Чем плохо наше предложение?

Кесри понимал, что тут не поспоришь: родители, обеспокоенные видами дочери на замужество, обеими руками ухватятся за такой вариант, да и про жениха нынче худого слова не скажешь – он сильно переменялся и уже не тот грубиян-задира, каким был прежде.

И все же какая-то заноза в душе мешала отдать свою любимицу в семью Бхиро Сингха.

Видимо, тот что-то прочел в лице Кесри, потому что сказал:

– Ты, найк Кесри Сингх, подумай еще вот о чем: этот брак нас породнит, ты войдешь в нашу семью. А уж мы позаботимся, чтобы наш родич поскорее стал хавильдаром. Что скажешь? Может, прямо сейчас все и решим? Скоро я убываю в отпуск, и хорошо бы оженить племянника, пока я дома.

Кесри распознал угрозу в этих словах. Очередное звание ему давно задерживали только потому, что Бхиро Сингх, батальонный субедар, не давал добро. Если сейчас отвергнуть его предложение, так и закончишь службу найком.

Кесри глубоко вздохнул.

– Будь по-вашему, – сказал он. – Я отпишу своим родным.

Вскоре брак состоялся. Кесри не смог приехать на свадьбу, но Бхиро Сингх рассказывал, что все прошло замечательно вплоть до брачной ночи: целомудренная девственность новоиспеченной жены имела неоспоримое подтверждение.

В конце года родные сообщили: Дити родила дочку, которую назвали Кабутри.

На следующий год Кесри снова получил отпуск, третий за двенадцать лет службы. Он уже был отцом двух детей, мальчика и девочки, но дочку, родившуюся после второго отпуска, еще не видел.

Пока Кесри был в Наянпуре, приехала Дити с малышкой. Сестра погостила всего три дня, вид у нее был слегка измученный, но в целом она как будто была довольна своей судьбой. Потом они увиделись только через четыре года, в очередной отпуск Кесри, но и тогда Дити ни на что не жаловалась. Перед возвращением в дом мужа она подарила брату портрет Кабутри собственного художества. Кесри и сейчас его хранил.

Известие, что сестренка овдовела, его опечалило. Вот только странно, что родня не удосужилась сообщить о случившемся горе.

⁴⁴ Бигха – мера площади, равная 1500 квадратным метрам.

Глава 6

4 ноября 1839

Хонам

Два дня назад срочным порядком доставили письмо от Чжун Лоу-сы, который сейчас вместе с комиссаром Линем объезжает провинцию. Нам с Комптоном, говорилось в депеше, надлежит тотчас выехать в Вампоа, а затем паромом добраться до Хумэня, где расположена таможня, выдающая пропуска для прохода судов в Кантон.

Дело было вот в чем: с Явы только что прибыло судно под британским флагом “Роял Саксон”, и капитан-англичанин изъявил желание доставить свой груз в Кантон. Он даже согласился подписать обязательство – мол, под страхом смерти зарекается от опийной торговли. Это стало хорошей новостью, ибо все последнее время капитан Эллиотт запрещал английским купцам давать подобные клятвы и заходить в Кантон. Но вот наконец появился знак, давно ожидаемый комиссаром Линем: британские торговцы, похоже, вознамерились пренебречь указанием полномочного представителя. Одно английское судно уже нарушило запрет, а коли и “Роял Саксон” войдет в Кантон, за ним наверняка последует масса других кораблей, что ознаменует крупную победу нового губернатора.

Нам с Комптоном предстояло быть переводчиками, обеспечив полное и точное взаимопонимание между таможенниками и капитаном с его командой. Необходимость во мне была вызвана тем, что экипаж состоял в основном из ласкаров. Поскольку я считаюсь иностранцем, Чжун Лоу-сы вложил в письмо особый пропуск, избавлявший меня от чиновных придирок.

Хумэнь стоит у пролива, который европейцы называют Бог или Бокка Тигрис – Тигриная пасть. От Гуанчжоу до Хумэня около ста восьмидесяти китайских *ли* (примерно шестьдесят миль), поездка на лодке обычно занимает полтора дня.

Нужно поторапливаться, сказал Комптон, прилив достиг высшей отметки, а с отливом лодки тронутся в путь. Я стогнал домой за вещами, и потом мы встретились на причале Очко. Лодка доставила нас в Вампоа, где мы сели на паром до Хумэня.

Это похожее на гусеницу судно было битком набито людьми, домашней живностью и грузами. Благодаря нашему особому пропуску мы отыскали тихий уголок, где обустроились на ночь.

На другой день к вечеру прибыли в Хумэнь. Город небольшой, но соседствует с фортификационными сооружениями, самыми крупными на Жемчужной реке. Форт, чужеземцами прозванный Анунгхой, сторожит пролив, располагая внушительной орудийной батареей. Здесь берег круто уходит вверх, образуя холм, на вершине которого оборудована еще одна огневая позиция с мощными пушками.

Таможня, конечный пункт нашей поездки, заметнее всех прочих строений в порту. Там мы узнали, что “Роял Саксон” уже на якорной стоянке и капитану велено завтра утром явиться для подписания бумаг. Меж тем от Гонконга вышла британская эскадра с капитаном Эллиоттом на борту, намереваясь, конечно же, заблокировать непокорный корабль. Все вокруг были взвинчены до предела, гадая, что уготовил завтрашний день.

Комптон рассчитывал, что мы заночуем в таможне либо какой-нибудь соседней конторе. Однако нам сказали, что для нас помещения нет, мол, вопрос с ночлегом решайте сами. Печатник расстроился, а я почувствовал облегчение, ибо, несмотря на официальный мандат, таможенники на меня смотрели косо, и мне вовсе не хотелось у них оставаться.

Мы отправились искать пристанище, но все городские постоялые дворы были забиты под завязку: намечалось серьезное укрепление оборонительных сооружений Тигриной пасти, и в Хумэнь потоком хлынули рабочие и десятники.

К счастью, у Комптона здесь имелась родня, что вовсе не удивительно, поскольку он отсюда родом. Кровники его обитали на соседнем острове Шайток, который чужеземцы именуют Чуенпи. Мы наняли лодку, и вскоре нас тепло встретили родные печатника.

Уже поздно вечером дети хозяев повели нас на долгую прогулку. Остров утопает в пышной зелени, над которой высятся два островерхих холма. Но здешние красоты обманчивы: подобно Хумэню, Чуенпи ошетинился пушками. У самой воды обустроена большая огневая позиция, развернутая к мысу Тайкок, что возле Тигриной пасти, а еще одна мощная батарея расположилась на другом берегу. Небольшой форт сооружен и на вершине наиболее высокого холма, откуда открывается широкий обзор окрестностей. Пейзаж потрясающий – как будто любишь картину-свитком. На востоке речное устье превращается в широкий раструб, на одной стороне которого Гонконг, а на другой Макао; на западе Жемчужная река петляет по зеленой долине, неся к Гуанчжоу свои ярко-голубые, кое-где изрезанные лесистыми островами воды. На дальнем берегу виднеются зубчатые горные вершины в дымке облаков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.